

**Actual problems
of Turkic studies**

**International
scientific conference
XXXVI
Kononov Memorial Lectures**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE**

XXXVI

**KONONOV MEMORIAL
LECTURES**

**DEPARTMENT
OF TURKIC PHILOLOGY
OF SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY**

Materials

Saint Petersburg
2022

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

XXXVI

КОНОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**НА КАФЕДРЕ
ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Материалы конференции

Санкт-Петербург
2022

**ББК 81.2Тюрк
А43**

Публикуется при поддержке Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави

А43 Актуальные вопросы тюркологических исследований: Международная научная конференция XXXVI Кононовские чтения: Материалы конференции / под ред. Н. Н. Телицина. — СПб.: Санкт-Петербургский центр развития и поддержки востоковедных исследований, 2022. — 286 с.

ISBN 978-5-4391-0754-4

В сборнике представлены тезисы и доклады участников международной научной конференции XXXVI Кононовские чтения, прошедшей 29–30 октября 2021 г. в Санкт-Петербурге. Материалы посвящены различным проблемам изучения письменных памятников, истории, культуры, тюркских языков и литературы. XXXVI Кононовские чтения проводились при поддержке Генерального консульства Турции в Санкт-Петербурге, Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави, Института Юнуса Эмре в Москве и Санкт-Петербургского центра развития и поддержки востоковедных исследований.

ББК 81.2Тюрк

Материалы публикуются в авторской редакции.

© Коллектив авторов, 2022
© Кафедра тюркской
филологии СПбГУ, 2022
© Санкт-Петербургский
центр развития и
поддержки востоковедных
исследований, 2022

ISBN 978-5-4391-0754-4

Содержание

<i>Абжапарова М. Д.</i> Особенности сопоставления базовых цветообозначений в казахском языке с алтайским языком	8
<i>Алботова Ф. Р.</i> Дипломатические контакты Турции и России в XVI в.: миссия Новосильцева	11
<i>Байыр-оол А. В.</i> Отражение представлений о смерти в тувинском языке	13
<i>Баратов Д. А.</i> Бейты 4620–4630 произведения Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» в свете этнографии	16
<i>Бекджаев Т. Б.</i> Лингвокультурологические особенности фразеологизмов туркменского языка	24
<i>Верхова К. А.</i> Выражение противительности и уступительности в языке турецкой прессы	31
<i>Вершинина М. В.</i> Дискуссия о литературном языке в среде тюркомусульманской интеллигенции Южного Кавказа через призму азербайджанской прессы конца XIX – начала XX вв.	33
<i>Виноградова Д. Ю.</i> Искусство керамики Изника и Кютахи.	36
<i>Гаджиева А. Б.</i> Понятие «субстантивно-адъективные формы» и его особенности в турецком языке	39
<i>Гусейнов Г.-Р. А.-К.</i> О болгарско-тюркском происхождении этнонима алан: по данным средневековых авторов	49
<i>Деркачёва М. О.</i> Тюркский фольклорный анекдот	58
<i>Дубровина М. Э.</i> Субстантивные указательные местоимения в турецком языке как маркеры наличия криптитивной семантики у имен существительных	63
<i>Жевелева А. В., Юсупов И. И. угли.</i> Две тысячи богачей Стамбула: нувориши военного времени	70
<i>Закирзянова Г. З.</i> Особенности медицинской лексики татарского языка XIX века: на примере русско-татарских и татарско-русских словарей	72
<i>Камалова Ш. Н.</i> Средства выражения обстоятельства цели в языке древнетюркских памятников и в азербайджанском языке.	78
<i>Кириллова З. Н.</i> Русские заимствования в говорах крещеных татар	79
<i>Климина Е. А.</i> Жизненный путь Сабахаттина Али	82

<i>Козинцев М. А.</i> Сведения по ономастике Крыма и Ближнего Востока в XVII веке в сборнике Прохора Коломнятина	89
<i>Кураксина Т. О.</i> Политическая концепция османизма. Отражение принципов османизма в конституции 1876 года.	92
<i>Лебедев Э. Е.</i> О некоторых особенностях форм со значением прошедшего времени в чувашском языке	100
<i>Лямина Э. П.</i> Проблема родства алтайских языков.	105
<i>Мамбетова Ш. А.</i> Феномен самозванства в истории Турции и России (XV–XVII вв.)	115
<i>Напольнова Е. М.</i> Семантика турецких глаголов <i>al-</i> ‘брать’ и <i>ver-</i> ‘давать’	123
<i>Нурьева О. А.</i> Недостаточные глаголы в языке произведения «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского	127
<i>Образцов А. В., Сулейманова А. С.</i> Повествовательная стратегия Ахмеда Митхата в романе «Фелятун-бей и Рақым-эфенди» (на англ. яз.)	136
<i>Озонова А. А.</i> Лексика, связанная с обрядом поклонения Алтаю, в алтайском языке	147
<i>Покоякова К. А.</i> Репрезентация оппозитивных отношений в хакасском, русском и американском языковом сознании (на примере бинарной оппозиции <i>мужчина/женщина</i>)	150
<i>Полат У.</i> Предлоги <i>+Ig, +Iug</i> в Староанатолийско-тюркском языке (на тур. яз.)	153
<i>Псянчин Ю. В.</i> Вклад башкирских диалектологов в изучение отраслевой лексики родного языка (50–80-е гг. XX в.)	170
<i>Pylev A. İ. (Пылев А. И.)</i> XX yüzyıl türk nesircisi Sabahattin Ali ve onun “Kürk Mantolu Madonna” eserine Rusya’dan çağdaş bir bakış (на тур. яз.)	186
<i>Репенкова М. М.</i> Омер Зюльфю Ливанели и его роман «Последний остров»	192
<i>Репенкова М. М.</i> Постмодернистская поэтика романистики Семы Кайгусуз	202
<i>Сагдеева Р. И.</i> Турецкая волшебная и бытовая сказка.	212
<i>Сахатова Г. С.</i> О некоторых экспрессивно окрашенных глаголах (пере)движения в тюркских языках II	215
<i>Серкина Г. А.</i> К вопросу о происхождении шаманского термина «кам» и орнаментального мотива «ладонь»	224

<i>Соегов М.</i> Об одном взгляде аспиранта акад. А. Н. Самойловича, изложенном им в 1927 г. (и подтвержденном в последующем разработками членов АН СССР С. Е. Малова, А. Н. Кононова, Э. Р. Тенишева, а также профессора И. В. Кормушина)	227
<i>Соколова Н. А., Ягафарова А. Д.</i> Об особенностях применения системы правил глоссирования к материалу тюркских языков	229
<i>Софронова Л. В.</i> К вопросу о тематической преемственности в исторической романистике Турции (на примере темы иттихадизма).	236
<i>Газранова А. Р.</i> Языковые средства, репрезентирующие понятие «смерть» в алтайском языке	239
<i>Телицин Н. Н., Хана Я. Ю. Дж.</i> Арабизмы в турецком языке	241
<i>Терещенко С. М.</i> Соотношение мусульманского и светского права в Османской империи	252
<i>Токарева М. М.</i> Основные причины и периодизация этапов проникновения тюркизмов в русскую лексику.	259
<i>Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю.</i> «Жизнь» в языковой картине мира хакасов	262
<i>Фомин Э. В.</i> О сверхкратких реализациях глаголов в чувашской речи	264
<i>Халлиева Г. И.</i> Российская тюркология и компаративистика	266
<i>Чугунекова А. Н.</i> Концепт <i>от</i> ‘огонь’ в языковой картине мира хакасов и тувинцев	269
<i>Шаммаева Н. Ш.</i> Образные основы фразеологических единиц туркменского языка	271
Сведения об авторах	280

М. Д. Абжапарова

**Особенности сопоставления базовых
цветообозначений в казахском языке с алтайским
языком**

М. D. Abzharova

**Peculiarities of comparison of the basic color designations
in the Kazakh language with Altai language**

Цветообозначающая лексика входит в древнейший пласт лексики, упоминание цветовых лексем *ақ* ‘белый’, *қара* ‘черный’, *қызыл* ‘красный’, *көк* ‘синий’ в казахском языке и *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *көк* ‘синий’ в алтайском языке встречается в памятниках VIII в., являются общетюркскими и входят в 100-словный список Сведеша [1]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков», изданной в 2006 г. под редакцией Э. Р. Тенишева и А. В. Дыбо, разделе «Лексика», упоминаются четыре исконно тюркских прилагательных *AQ, Qara, KÖK, Saryu* [2].

На основании примеров из фразеологических словарей, художественной литературы и эпосов мы можем сделать вывод, что данные цветообозначения обладают полисемантическим характером; в работе приводятся примеры особенностей базовых цветообозначений в казахском языке с алтайским языком.

Генетическая близость казахского и алтайского языков позволяет предполагать сходство в организации систем цветообозначений, обусловленное общими историческими корнями, а также устанавливать различия, возникшие в процессе самостоятельного культурно-исторического развития казахского и алтайского народов в новое время.

Наиболее ярко различия цветообозначений в языках проявляются на уровне фразеологии каждого народа. По мнению Ю. В. Зольниковой, «своеобразие цветообозначений наиболее ярко проявляется во фразе-

ологии, в силу способности цветолексем ярко и образно отражать характерные черты мировосприятия народа, влияние культурологических, мифо-символических, социально-исторических и других факторов на образование производных смыслов» [3].

В казахском языке к числу базовых лексем-цветообозначений относятся: *ақ* 'белый', *қара* 'черный', *қызыл* 'красный', *көк* 'синий', *сары* 'желтый', *жасыл* 'зеленый', *қоңыр* 'коричневый', *сұр* 'серый'.

В алтайском языке к ним относятся: *ак* 'белый', *кара* 'черный', *кызыл* 'красный', *көк* 'синий', *сары* 'желтый', *жасыл* 'зеленый', *күрөң* 'коричневый' и *боро* 'серый'.

Большая часть цветообозначений относится к общетюркскому пласту лексики. Полностью совпадают казахские и алтайские лексемы, обозначающие белый, черный, красный, синий, желтый и зеленый цвета. Лексемы, обозначающие коричневый и серый цвета, различаются.

В мировоззрении казахов и алтайцев белый цвет символизирует все чистое: *ақ бата* (букв.: белое благословение) 'искреннее благословение' (каз.), *ак сағыш* (букв.: белая мысль) 'благие намерения' (алт.); святое: *ақ неке* (букв.: белое бракосочетание) 'бракосочетание с исполнением всех обрядов и традиций народа' (каз.), *ак жүректі* 'добросердечный' (алт.). Среди положительных ассоциаций в казахском языке выделяется также значение «принадлежащий к знати»: *ақсүйек* (букв.: белая кость) 'знать'. Значения, передаваемые с помощью лексемы 'белый', являются больше положительными, хотя в казахском языке выделяются и негативные значения, как, например, во фразеологических оборотах: *ақ сирақ болу* (букв.: быть белой голенью) 'лишиться скота, переживая джут', *ақ ауыз қылу / болу* (букв.: лишиться белого рта) 'лишиться того, что имел'. Особенностью казахского языка является интенсификация природных явлений в сочетании с цветообозначением «белый»: *ақ боран* (букв.: белый буран) 'снегопад сильный', *ақ бұрқақ* (букв.: белая метель) 'вьюга'. В алтайском языке такие значения нами не найдены.

Для тюркских языков «черный» цвет особенно выделяется на фоне остальных, он является самым полисемантическим. В работе А. Н. Кононова слову «кара» в тюркских языках соответствует около 20 значений [4].

Значения лексем «черного» цвета в сопоставляемых языках совпадают, но имеются и различия, объясняемые культурно-территориальными особенностями. В казахском языке наблюдаются положительные значения 'грамотный, образованный' *қара тану* (букв.: черный знать)

‘владеть грамотой’, *өзіңді қара көремін* (букв.: я по-черному смотрю на тебя) ‘я на тебя возлагаю надежду’, значение ‘отчий дом’ *қара шаңырақ* (букв.: черный деревянный круг на верхушке юрты) ‘дом предков и их прямых потомков, уважаемый и почитаемый дом’, тогда как в алтайском языке нами не выделено таких понятий. Но значение ‘ценный, лучший’ слова *кара* в алтайском языке реализуется при описании темного насыщенного цвета пушных зверей, мех которых всегда ценится. Если ЛСВ *кара орман* ‘темный лес’ в алтайском языке передает густоту леса, то в казахском языке тот же ЛСВ передает значение богатства, достатка.

Подобный сравнительный анализ проведен и для красного, синего, зеленого, серого, желтого и коричневого цветов в казахском и алтайском языках. Несмотря на сходства в рассматриваемых языках, мы выявили различия. Различия объясняются территориальными особенностями: казахи населяют центральную часть Средней Азии — так казахский язык попал под влияние персидского и арабского языка, в то время как алтайцы располагались ближе к монголам, ввиду чего в алтайском языке отмечается большое количество заимствований из монгольского и других тюркских языков.

Материал двух сопоставляемых языков — казахского и алтайского свидетельствует о том, что ФЕ с компонентом цветообозначений составляют одну из продуктивных тематических групп во фразеологии, а слова-цветообозначения характеризуются высокой семантической активностью, включая в себя социальные, общественные, религиозные, нравственные, эмоциональные и межличностные отношения в обществе [5].

И казахский и алтайский языки можно рассматривать как продукт тюркской культуры, где фразеологические единицы с цветообозначениями заполняют пробелы в лексической системе языка, обеспечивая наименование познанных человеком сторон действительности.

Литература:

1. Список Сводеша // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_Сводеша#100-словный_список_Сводеша_для_русского_языка
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Под ред. Э. Р. Тенишева и А. В. Дыбо. — М., 2006.
3. Зольникова, Ю. В. Цветообозначения во фразеологической картине мира // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. — 2009. — Вып. 35. — С. 88–93.

Ф. Р. Алботова

**Дипломатические контакты Турции и России
в XVI веке: миссия Новосильцева**

F. R. Albotova

**Diplomatic contacts between Turkey and Russia in XVI century:
diplomatic mission of Novosiltsev**

В XV в. зарождаются русско-турецкие отношения. В следующем столетии контакты становятся более частыми, появляются противоречия в отношениях, происходит первая русско-турецкая война. Исследования этого периода необходимы для адекватного восприятия последующих этапов отношений между Россией и Турцией.

Наиболее полным трудом по этому периоду является работа Н. А. Смирнова «Россия и Турция в XVI–XVII вв.». Также существует ряд других исследований, однако история русско-турецких отношений начального периода в большинстве изданных работ рассмотрена как история отдельных конфликтов. Что касается XVI в., это в первую очередь исследование Астраханского похода 1569 г. Помимо этого уделялось внимание и экономическим вопросам (например, торговле мехами), а также влиянию государств и народов Поволжья, Кавказа и Средней Азии на русско-турецкие отношения. При этом исследований посольств недостаточно для построения полной картины взаимоотношения России и Турции.

Тема нашего исследования была выбрана из-за отсутствия полных работ, предметом которых было бы само посольство Новосильцева. При этом существуют комментарии «Статейного списка И. П. Новосильцева» (составлены Я. С. Лурье).

«Статейный Список И. П. Новосильцева» является основным источником, использованным в этой работе. Также были привлечены статьи иностранных исследователей, которые привлекали архивные материалы как европейских государств, так и Османской империи.

В работе были рассмотрены цели и состав посольства, путь по которому оно отправилось, важнейшие встречи главы посольства, достиг-

нутые результаты, а также информация, собранная И. Новосильцевым.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

1. Посольство было в общем успешным, однако были и неудачи — османский султан не отправил ответное посольство; во время пребывания Новосильцева в Стамбуле несколько раз был нарушен церемониал.

2. Из-за обострения конфликтов Османской империи с другими государствами султан был согласен на примирение с условием выполнения московским царем ряда условий.

3. Информация, собранная Новосильцевым, по большей части была верна. Однако в ряде вопросов (в особенности касаясь отношений Османской империи с западными государствами) есть некоторая путаница.

Следует упомянуть, что посольство Новосильцева не привело к завершению конфликта. Новые факторы (походы крымского хана в 1571 г. и 1572 г. и битва при Молодах 1572 г.) значительно повлияли на примирение. Исследования последующих контактов между Российским государством и Османской империей в контексте предшествовавших конфликтов и посольств также требует дополнительного изучения.

Литература:

1. Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
2. Демкин, А. В. Промышленность и торговля Русского государства в XVI–XVII вв // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года: памяти профессора А. А. Преображенского — М.: РОССПЭН, 2007.
3. Курат, А. Н. Собрание сочинений. — Кн. 3. Турция и Поволжье (1569 г. — поход на Астрахань, Волго-Донской канал и османско-русские взаимоотношения в XVI–XVII вв.). — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.
4. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. — Т. 22. — 1947. — Приложение 1: 1569 г. ноября 21. — «Речи» Семена Елизарьева, с. Мальцева о походе татар и турок под Астрахань».
5. Смирнов, Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. — Т. 1 — М., 1946.
6. Статейный список И. П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. — СПб., 2008.
7. Хорошкевич, А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. — М., 2003.

А. В. Байыр-оол

Отражение представлений о смерти в тувинском языке ¹

Аннотация: В работе исследованы представления о смерти в языковой картине мира тувинцев на материале устойчивых выражений, фразеологизмов и эвфемизмов. Большинство устойчивых выражений и фразеологизмов со словом өлүм 'смерть' в современных текстах представляют собой кальки из русского языка. В основе многих эвфемизмов лежит метафора, в них получили отражение элементы традиционного образа жизни, мифологические и религиозные представления тувинцев.

Ключевые слова: тувинский язык, языковая картина мира, понятие «смерть», лексика, фразеология, эвфемизм.

A. V. Bayyr-ool

Ideas about death in the Tuvan language

Abstract: The paper examines the ideas of death in the language world view of Tuvans on the material of stable expressions phraseological units and euphemisms. Most of the stable expressions and phraseological units with the word ölüм 'death' in modern texts are calque from the Russian language. Many euphemisms are based on a metaphor, they reflect elements of the traditional lifestyle, mythological and religious ideas of the Tuvans.

Key words: Tuvan language, language world view, the concept of 'death', lexis, phraseology, euphemism.

Смерть является одним из универсальных понятий в языковой картине мира многих народов. В каждой культуре и у каждого народа есть свои представления о феномене смерти.

Понятие «смерть» в тувинском языке выражается именем өлүм, как и во многих других тюркских языках. Слово өлүм имеет следующие значения:

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

1) смерть, гибель; 2) по народному поверью: место в теле животного, при ранении которого наступает смерть; 3) *перен.* поражение на войне [1: 505].

Анализ устойчивых выражений и фразеологизмов в современных художественных текстах позволяет говорить, что смерть представляется в образе «живого существа» или, может быть, «зверя» (*өлүмнүң аснаа* ‘когти смерти’), с которым можно встретиться (*өлүмге таваржыр* ‘встретиться со смертью’, *өлүмге алзыр* (букв.: дать схватить смерти) ‘умереть’), эта встреча может быть вынужденной (*өлүмче албадаар* (букв.: заставить на смерть) ‘отправить на смерть’, *өлүмче ыдалаар* ‘отправлять (насильно) на смерть’, *өлүмге чыгадыр* ‘быть прижатым к смерти’). Со смертью можно бороться (*өлүм-биле тутчур* ‘биться со смертью’, *өлүмге удур демисежир* ‘бороться против смерти’), ее можно победить и выжить (*өлүмнү тишлээр* ‘победить смерть’, *өлүмден артар* (букв.: от смерти остаться) ‘выжить’). На наш взгляд, большая часть представленных выражений являются кальками из русского языка.

Прекращение жизни в представлениях тувинцев может выражаться в виде «обрывающейся нити», например, *амызы үстүр* (букв.: жизнь=его рваться), *амы-тыны үстүр* (букв.: жизнь-душа=его рваться) ‘умирать, обрываться (о жизни)’. Такое представление о смерти встречается и в других тюркских языках Сибири [2: 93]. Потеря жизни также получила выражение в таких фразеологизмах, как *амы-тынын оскунар*, *амы-тынын ышкынар* (букв.: жизнь-душу свою обронить) ‘умирать’. Глагол со значением ‘ронять’ как компонент фразеологизмов не характерен для тюркских языков, зато встречается в монгольском, например: *зүрх алдах* (букв.: сердце ронять) ‘робеть, трусить, терять присутствие духа’. В тувинском языке в этом случае, возможно, проявилось монгольское влияние [2: 91].

В традиционной культуре тувинцев тема смерти является табуированной, о чем говорит наличие большого количества эвфемизмов со значением ‘умереть’. Эти эвфемизмы по значению и структуре распределены нами на следующие группы:

1. Эвфемизмы, содержащие метафору движения: *бурган оранынче чоруй баар* (букв.: в страну бога отправиться), *өске өртемчөйдиве аъттанып чоруй баар* (букв.: в другой мир (вселенную) поехать); *чана бээр* (букв.: возвратиться) ‘умереть’; *кызыл дустаар* (букв.: пойти за красной солью) ‘сойти в могилу’, ‘умереть’; *чорта бээр* (букв.: верхом тронуться с места; ср. *чортар* ‘ехать шагом, ехать медленно (на коне)’);

шын оранынче аъттаныр (букв.: в истинный край свой отправляться); *аъдының бажы хаяр* (букв.: голова его лошади сбиться с пути; ср. *хаяр* 'пройти мимо', 'ошибочно пойти в сторону', 'сбиться').

2. Эвфемизмы, представляющие собой переносные значения глаголов: *дыштаныр* 1) отдыхать, отдохнуть; 2) скончаться, умереть; *калыр* 1) оставаться где-либо ... 3) умереть, скончаться; *ужар* 1) падать; 3) умереть, скончаться; *одаа карарар* (букв.: очаг=его чернеть) 'умирать'.

3. Эвфемизмы, содержащие соматизмы: *сөөгүн салыр* (букв.: кость свою класть) 'умереть', *өзү үстүр* (букв.: аорта=его обрываться) 'скончаться', 'умереть', *чөвээ куруур* (букв.: темя=его сохнуть) *груб. диал.* 'умирать', 'погибать'.

4. Для обозначения смерти употребляется эвфемизм *мөңге уйгу* 'вечный сон', имеется ряд выражений, представляющих смерть в виде «сна»: *мөңге уйгузун удуур* (букв.: вечный сном своим спать), *улуг уйгузун удуур* (букв.: большим сном своим спать), *төнмес уйгузун удуур* (букв.: бесконечным сном своим спать) 'умереть, скончаться'.

5. Эвфемизмы, представляющие собой переносные значения образоподражательных глаголов: *дөңгуреш дээр* (*дөңгуреш*, *подраж.* обозначает однократное движение стриженного человека) 1) шевельнуться (о стриженном человеке); 2) внезапно скончаться, умереть (о стриженном человеке).

6. Эвфемизмы, отражающие религиозные воззрения: *бурганна-ар* (*бурганна*=) *высок. устар.* 'преставиться', 'скончаться', 'умереть' (букв.: превратиться в бога — говорилось о богатых покойниках); *төре аралчыыр* (букв.: переменить родство) *фольк.* 'отдавать богу душу', 'умирать и снова переродиться' (согласно религиозному учению); *оран чазаар* (букв.: землю украшать) 'умирать, уходить в лучший мир'.

В эвфемизмах о смерти получили отражение элементы традиционного образа жизни, мифологические и религиозные представления тувинцев.

Литература:

1. Толковый словарь тувинского языка. — Новосибирск: Наука, 2011. — Т. II: К–С. — 798 с.
2. Тюттешева, Е.В. Лексика, репрезентирующая понятие «душа» в южносибирских тюркских языках / Е. В. Тюттешева, А. А. Озонава, О. Ю. Шагдурова, А. В. Байыр-оол // Язык и культура. — 2020. — № 52. — С. 85–109.

Д. А. Баратов

Бейты 4620–4630 произведения Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» в свете этнографии

Аннотация: В статье производится попытка толкования бейтов 4620–4630 произведения Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» в свете этнографических материалов. Выискиваются значения слов *isig*, *soğik (tumlig)*, *ķuruğ*, *öl*, восходящие к народной медицине. Так, основываясь на имеющихся этнографических и лексикографических материалах, можно установить, что среди тюркских, а также других народов существовала и поныне сохраняется традиция деления продуктов питания на высококалорийные — *isig*, низкокалорийные — *soğik (tumlig)*, содержащие в своем составе большое количество воды — *öl*, малое количество воды — *ķuruğ*. Выяснено, что традиция подобного деления продуктов питания восходит к философии первоэлементов (огонь, воздух, вода, земля) и было необходимо для поддержания *природы* человеческого организма (*натуры*)..

Ключевые слова: *Isig*, *soğik*, *ķuruğ*, *öl*, высококалорийный, низкокалорийный, огонь, воздух, вода, земля, кровь, желтая желчь, черная желчь, флегма, гуморальная теория, натура, Ибн Сина.

D. A. Baratov

Beits 4620–4630 of the poem «Kutadgu Bilig» in the light of ethnography

Abstract: The article is an attempt to interpret beits 4620–4630 of «Kutadgu bilig» by Yusuf Balasaguni in the light of ethnographic materials. The meanings of the words *isig*, *soğik (tumlig)*, *ķuruğ*, *öl* that go back to the folk medicine are searched out. Based on ethnographic and lexicographic materials, the author determines that Turkic and other nations have and up to now retain the tradition of dividing food products into high-calorie — *isig* low-calorie — *soğik (tumlig)*, containing a large amount of water — *öl*, low water — *ķuruğ*. It has been revealed that the tradition of such division of foodstuffs goes back to the philosophy of the primary elements (fire, air, water, earth) and was necessary for maintaining the nature of the human organism.

Key words: *Isig*, *soğik*, *ķuruğ*, *öl*, high calorie, low calorie, fire, air, water, earth, blood, yellow bile, black bile, phlegm, humoral theory, nature, Ibn Sina.

Нередко «Кутадгу билиг» характеризуется как произведение об управлении государством, однако Юсуф Баласагунский не ограничивается лишь повествованием о правильном укладе государства: его произведение, как корректно отмечал Е. Э. Бертельс, является сводом политической и житейской мудрости [9: 181]. Особое место в произведении занимают наставления по поводу правильной организации повседневного быта. Описанные традиции тюркских народов обеспечивают этнографическую ценность произведения. В данной статье реализуется попытка толкования бейтов 4620–4630 в свете этнографических материалов.

Таблица 1.

4620	<i>kişi men tigüci apa oğlanı isig tumlîğig bilgü ađra anı</i>	Чтоб быть к человеческому званию пригодным, Горячее надо размерить с холодным.
4621	<i>tadu bilgü aşnu yaraşık yise taduğa yaraşmaznı kođđu usa</i>	Еду выбирай своей сути согласно, Будь зорок, негожую — выкинь: опасна!
4622	<i>isig artsa terkin sođık iç öze sođık artar erse isigin tüze</i>	Горячим насыщен — холодное пей, Остынешь — горячим лечись поскорей.
4623	<i>yigit erse yaşing yaz erse yılîng sođık işke tutğul isitür kanîng</i>	Когда еще юн ты, идет твое лето — Холодное ешь, — кровь и так разогрета.
4624	<i>yaşing kırkıta keçse kün ay erse küz isig neñg bile sen özüñg tab'ı tüz</i>	За сорок тебе — твоя осень прохладна, Нутро согревать уже нужно изрядно.
4625	<i>yaşing erse altmış öđüñg erse kış isig işke tutğul sođuk kılma iş</i>	Когда в шестьдесят встретить зиму пришлось, Горячее ешь, все холодное — брось!
4626	<i>kuruğ tumlîğ artsa isig öl anut bu iki aňgar kılğa eyre yanut</i>	Где холод и сушь, там нужны жар и влага, Два этих лекарства двум хворям — во благо.
4627	<i>bu öl tumlîğ artsa sânga kılsa yas isigin kuruğun anı yandru bas</i>	Когда тебе влажное, стылое — в горе, Сухим и горячим лечи свои хвори.
4628	<i>taduñg tumlîğ erse isigin küçe isig erse tumlîğ yiyü tur içe</i>	Остывшее тело горячим согрей, А жар свой холодным заешь поскорей.
4629	<i>kalı samduy erse taduñg belgülig isigli sođıklı ara bir ülgü</i>	А в ком полужар или полупрохлада, С горячим холодное смешивать надо.
4630	<i>bu yañghıg küdezgil taduñgmı köni esen bolğa inçin tiriglik küni ¹</i>	И если ты верно блюдешь свое тело, Здоровье твое невредимо и цело ² .

¹ Текст приведен по: Arat, R. R. Kutadgu Bilig: I: Metin. — [3.b.] — Ankara: TDK, 1991. — 656 s.

² Текст приведен по: Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Подгот. С. Н. Иванов. — М.: Наука, 1983. — 560 с.

Наше внимание привлекли пять слов, встречающихся в отрывке: *isig* — 11 раз (включая *isitür<isi-t-ür>*), *soġiġ* — пять раз, *tumliġ* — пять раз, *ķuruġ* — два раза, *öl* — два раза. Рассмотрим значения этих слов по индексу Р. Р. Арата. *İSİĖ sıcak, sıcaklık; iltifat* ‘жара, жар, благосклонность’ [2: 201]. *SOĖIĖ (soġuk) soġuk* ‘холод’ [2: 400]. *TUMLIĖ soġuk* ‘холод’ [2: 466]. *ĖURUĖ kuru, boř, asılsız* ‘сухой, пустой, необоснованный’ [2: 293]. *ÖL ıslak, yař, nem* ‘мокрый, влага, сырой’ [2: 359]. Слова *soġiġ* и *tumliġ* в данном контексте необходимо рассматривать как безотносительные синонимы. Таким образом, предметом исследования являются две антонимичные пары: *isig* — *soġiġ*, *ķuruġ* — *öl*.

Э. В. Севортыян в перечне значений слова *ЫССЫ*, указывает на то, что среди кыргызов слово зафиксировано также со значением «горячительная пища или напиток» [20: 669]. В древнетюркском словаре за словом *SOĖIĖ (soġuk)* зафиксировано значение «<...> 2. прохладительное: *qajusi soġiq etti qatti řuláb* один из них сделал прохладительное, смешав розовую воду [с мёдом] (QBN 88-8)» [12: 507]. Что подразумевается под горячительным и прохладительным, а не горячим и холодным? Ответ содержит киргизско-русский словарь: «*ЫСЫЛЫК* <...> 2. горячительная пища или напиток (киргизские знахари всю пищу и напитки делили на три группы: ысылык или ысык — “горячительную”, сууктук или суук — “прохладительную” и мүнөз тамак — “нейтральную”; напр. говядина считалась “прохладительной”, конина — “горячительной”, а баранина — “нейтральной”, зелёный чай — “прохладительным”; в соответствии с этим и все болезни делились на ысыкчан “горячие” и суукчан “холодные”; при “горячей” болезни предписывали диету “холодную”, при “холодной” — “горячую”»)» [25: 940].

Подобное деление продуктов питания на группы «горячительная» и «прохладительная» зафиксировано и среди современных узбеков: «*СОВУҚЛИК* <...> 5. Ўзбек халқ медицинасида: паст калорияли овқатлар (ёвғон хўрда, сут-қатик, сабзавот ва ш. к.) “В узбекской народной медицине: низкокалорийная пища (постный рисовый суп, молоко, кислое молоко, овощи и т. п.)» [23: 63], «*ИССИҚЛИК* <...> 3. Ўзбек халқ медицинасида: юқори калорияли озик-овқатлар (қази, ёғ, палов, ширинлик ва ш. к.) “В узбекской народной медицине: высококалорийная пища (колбаса из конины, сало, плов, сладости и т. п.)» [22: 337]. Приведенные словарные статьи вносят дополнение в описание понятий «горячительная» и «прохладительная», так, «горячительная» пища —

главным образом, высококалорийная, «прохладительная» — низкокалорийная, данное разделение фиксирует и узбекско-русский словарь [24: 181, 391].

Наличие подобной традиции среди узбеков фиксируют также В. и М. Наливкины [19: 169], зафиксировано оно и среди казахов [4: 27–28], уйгуров [18: 167], памирских кыргызов [11: 88–89], таджиков долины Хуф (верховье Аму-Дарьи) [6: 70–71]. Исследователи отмечают, что подобные принципы лечения встречаются и среди бухарских евреев, лекарей Китая и Тибета [21: 46].

Однако в этнографических обзорах фиксируется лишь традиция деления продуктов питания на «горячительные» и «прохладительные». Подробное описание принципа деления на «сушащие» и «увлажняющие» не приводится. Изучение трудов Авиценны показывает, что такие продукты, как арбуз, капуста, тыква, огурцы, дыня являются «увлажняющими». В 100 г этих продуктов содержится более 80 г воды. А значит, «увлажняющими» продуктами питания являются те, в составе которых содержится большое количество воды. «Сушащими» являются финики, изюм, курага, содержащие в своем составе приблизительно 20 % воды.

М. С. Андреев, описывая наличие традиции деления продуктов питания на интересующие нас категории среди таджиков долины Хуф, пишет: «Деление всей пищи, всего съестного по качеству того или другого продукта на “холодные” (холодящие) или “горячие” (горячащие), распространенное по всему мусульманскому миру (и даже еще шире) и ведущее свое начало, видимо, от деления всего на четыре основных элемента, имеется и среди населения верховья Пянджа, в том числе и в Хуфе» [6: 70]. Так, автор указывает на то, что традиция восходит к философии первоэлементов: деление на «горячие», «холодные», «сухие» и «влажные» связывалось с первоэлементами огонь, воздух, вода, земля.

В V в. до н. э. древнегреческий философ Эмпедокл в своем труде «О природе» изложил суждение о том, что существует четыре материальных начала: огонь, воздух, вода и земля [27: 76]. Впоследствии философия первоэлементов разрабатывалась и другими античными учеными: Демокритом [17: 267–270], Платоном [7: 113], Аристотелем [13: 146] и др. Позднее о первоэлементах стали говорить и на мусульманском востоке, впервые тема была затронута философом Аль-Кинди [16: 119], затем разрабатывалась и Аль-Фараби [5: 236, 420], а также Ибн Синой [15: 195]. Ибн Сина четыре первоэлемента описывал следующим образом:

«Первичных сил в упомянутых элементах четыре — это теплота, холодность, влажность и сухость» [3: 11]. Считалось, что четыре первоэлемента, смешиваясь, образуют всё многообразие материи. Образуются и четыре сока: кровь, флегма, желтая желчь и черная желчь [8: 95, 134]. Таким образом, первоэлементы в организме человека представлены этими четырьмя соками. Каждый сок сохраняет в себе первичные силы элемента: кровь — воздуха, флегма — воды, желтая желчь — огня, черная желчь — земли (табл. 2).

Таблица 2.

Первоэлемент	Первичное качество	Сок
Огонь	Теплота	Желтая желчь
	Сухость	
Воздух	Теплота	Кровь
	Влажность	
Вода	Холодность	Флегма
	Влажность	
Земля	Холодность	Черная желчь
	Сухость	

Эти соки составляют основу гуморальной (лат. *humor* — жидкость) теории, согласно которой патогенез болезней человека зависит от ненормального состояния соков. Состояние, когда соки смешаны количественно правильно и когда они не нарушены, соответствует здоровью [10: 564].

Здесь необходимо остановиться на понятии *натура / природа*. Согласно трудам врачей-врачевателей, «натура есть качество, возникающее от взаимодействия противоположных качеств [теплота, холодность, влажность, сухость], когда они останавливаются у некоего предела» [3: 11]. Натура каждого человека уникальна: в организме каждого человека соки наличествуют в разных количествах и пропорциях. В зависимости от преобладания того или иного сока (соответственно, преобладания того или иного первичного качества), натуры делились на «холодные», «горячие», «влажные» и «сухие». Более того, считалось, что натура человека менялась в зависимости от времени года и от возраста самого человека [14: 42–43]. Болезнь характеризовалась нарушением баланса соков в организме. Для нейтрализации избытка того или иного сока предпри-

сывалось употребление пищи, для которой характерны противоположные первичные качества [3: 325]. А значит, деление продуктов питания на «горячительные», «прохладительные», «увлажняющие», «сушащие» было обусловлено представлением о природе организма человека.

Из приведенного выше материала становится ясно, что Юсуф Баласагунский в приведенном отрывке (бейты 4620–4630) призывает соблюдать баланс «горячительной» и «прохладительной», «сушащей» и «увлажняющей» пищи. В бейте 4621 слово *tadu*, переведенное С. Н. Ивановым как *суть*, использовано в значении «натура». В бейтах 4623–4625 автор указывает на то, что натура (природа человеческого организма) меняется в зависимости от возраста человека (*yigit erse yaşîng* — бейт 4623, *yaşîng kırkta keçse* — бейт 4624, *yaşîng erse altmış* — бейт 4625), а также от времени года (*yaz erse yılîng* — бейт 4623, *kün ay erse küz* — бейт 4624, *öđüîng erse kış* — бейт 4625). Лингвистические словари современных тюркских языков указывают, что традиция подобного деления продуктов питания сохранилась среди таких тюркских народов, как казахи, кыргызы, узбеки, уйгуры. Показательно, что слово *öl* ‘мокрый’ (данная фонетическая форма используется в «Кутадгу билиг») сохранилось в юго-западном говоре³ кыргызского языка (Баткенская область)⁴, в то время как в узбекском, уйгурском языках (литературных) слово используется в форме *höl*.

Литература:

1. Arat, R. R. Kutadgu Bilig. I: Metin. — [3.b.] — Ankara: TDK, 1991. — 656 s.
2. Arat, R. R. Kutadgu Bilig. III: İndeks / haz. K. Eraslan, O. F. Sertkaya, N. Yüce. — Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1979. — 565 s.
3. Абу Али Ибн Сина. Канон врачебной науки. Книга 1 / пер. М. А. Салъе, У. И. Каримов, А. Расулев. — Ташкент: Фан, 1981. — 551 с.
4. Алекторов, Н. Е. Материалы для изучения страны, истории и быта киргизов. — Оренбург: Б. и., 1892. — Вып. 2. — 28 с.
5. Аль-Фараби. Философские трактаты / пер. А. С. Иванов, И. О. Мохаммед, Б. Я. Ошерович, А. В. Сагадеев. — Алма-Ата: Наука, 1972. — 430 с.

³ По классификации Б. М. Юнусалиева. См.: Юнусалиев, Б. М. Кыргыз диалектологиясы. — Фрунзе: Мектеп, 1971. — С. 77–84.

⁴ Выяснено в ходе беседы с жителями Баткенской области Кыргызской Республики.

6. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). — Сталинабад: Изд. АН Таджикской ССР, 1953. — 251 с.
7. Асмус, В. Платон. — М.: Мысль, 1975. — 221 с.
8. Балалыкин, Д. А. Преемственность взглядов Гиппократ и Галена на природу организма человека // История медицины. — №4 (4). — 2014. — С. 89–184.
9. Бертельс, Е. Э. Избранные труды: Суфизм и суфийская литература. — М.: Наука, 1965. — 524 с.
10. Большая медицинская энциклопедия. — [3-е изд.]. — М.: Советская энциклопедия, 1977. — 609 с.
11. Дор, Реми. Ооган Памириндеги кыргыздар. — Бишкек: Кыргызстан, 1993. — 104 с.
12. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969.
13. Зубов, В. П. Аристотель. — М.: АН СССР, 1963. — 336 с.
14. Ибн Сина. Избранное. — Ташкент: Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1981. — 112 с. — [Избранная лирика Востока].
15. Ибн Сина. Избранные философские произведения. — М.: Наука, 1980. — 552 с.
16. Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. / Сост. С. Н. Григорян, А. В. Сагадеев. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. — 630 с.
17. Лурье, С. Я. Демокрит. Тексты. Переводы. Исследования. — Л.: Наука, 1970. — 664 с.
18. Наджип, Э. Уйгурско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1968. — 828 с.
19. Наливкин, В. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы / В. Наливкин, М. Наливкин. — Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1886. — 244 с.
20. Севортыан, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). — М.: Наука, 1974. — 768 с.
21. Тентигул, к. Н. Кыргыздардын салттуу дарыгерчилиги (XIX кылымдын аягы – XX кылымдын башы). — Б.: Улуу Тоолор, 2018. — 192 с.
22. Толковый словарь узбекского языка. Т. 1. — М.: Русский язык, 1981. — 632 с.
23. Толковый словарь узбекского языка. Т. 2. — М.: Русский язык, 1981. — 715 с.

24. Узбекско-русский словарь. — Ташкент: Главное изд-во Узбекской советской энциклопедии, 1988. — 726 с.
25. Юдахин, К. Киргизско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1965. — 976 с.
26. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Подгот. С. Н. Иванов. — М.: Наука, 1983. — 560 с.
27. Якубанис, Г. Эмпедокл: философ, врач и чародей. Данные для его понимания и оценки / Пер. Я. Э. Голосовкера. — Киев: СИНТО, 1994. — 232 с.

Т. Б. Бекджаев

Лингвокультурологические особенности фразеологизмов туркменского языка

Аннотация: Существуют фундаментальные исследования по фразеологии туркменского языка, однако связь между словами — компонентами фразеологизмов и культурным своеобразием народа — автора фразеологической единицы, его духовно-культурными особенностями, мировоззрением недостаточно изучены. В составе фразеологизмов туркменского языка преобладают слова, обозначающие религиозные верования, цвета, животных.

Такие слова функционировали в языке в течение долгого времени и вошли в структуру многих фразеологизмов. Часть этих лексических единиц, несмотря на то, они что вышли из активного употребления и перешли в разряд архаизмов, продолжают оставаться в составе фразеологизмов.

Изучение фразеологизмов в связи с культурой народов — новое направление в туркменском языкознании. Связь языка и культуры является объектом лингвокультурологии.

Ключевые слова: фразеологизм, культура, туркменский язык, религиозные верования, цвета, названия животных.

T. B. Bekjajev

Linguistic-cultural peculiarities of set phrases of the Turkmen language

Abstract: Fundamental research on set phrases in the Turkmen language was done. This notwithstanding, the importance of cultural and spiritual life of the nation, interrelation of nation's world outlook, cultural peculiarities in the formation of set phrases of the Turkmen language are the issues which have not been studied yet.

In the system of set phrases of the Turkmen language, mainly, the words related to the religious beliefs, colours, names of animals surpass. Such words had been used in the lexis of the language for a long period of time and became a part of set phrases. Some of such words partially were out of use and though became archaic words, they continue existing in the system of set phrases.

To study the set phrases in connection with the culture of the nation is a new approach in the Turkmen linguistics. It is the result of mutual work of linguistics and cultural studies.

Key words: set phrases, culture, the Turkmen language, religious beliefs, colours, names of animals.

Несмотря на то, что особенности фразеологизмов туркменского языка являлись объектом фундаментальных исследований, они всегда находятся в центре внимания лингвистов. Специальные работы посвящены грамматическому строю и составу фразеологической единицы, выдвигаются различные точки зрения по этому вопросу. Известно, что фразеологизмы туркменского языка, в составе которых имеются слова — числительные и соматизмы были изучены с научной точки зрения [1].

Однако необходимо отметить, что связь между словами — компонентами фразеологизмов и культурным своеобразием народа — автора языковой единицы, его духовно-культурными особенностями, мировоззрением недостаточно изучены. Связь языка и культуры является объектом лингвокультурологии. Хотим особо отметить, что лингвокультурология связана с культурой, условиями жизни и верованиями народа. Это выражается и в том, что в составе фразеологизмов туркменского языка преобладают слова, называющие религиозные верования, цвета, животных.

В состав целого ряда фразеологизмов туркменского языка входят слова, связанные с религиозными верованиями, народными традициями. Причиной этого являются многочисленные лексические заимствования из арабского и персидского языков, которые активно велись после принятия туркменским народом ислама. Эти лексические единицы были адаптированы и освоены туркменским языком. Это значит, что слова-заимствования, не прошедшие испытание временем и не вошедшие в активный лексический состав языка, не могут быть включены в состав фразеологизмов. Значение фразеологизмов, в составе которых имеется религиозная лексика, может быть и не связано с религией. Но в любом случае эти слова оказывают сильное влияние на значение фразеологизма.

Обратимся к примерам:

Günä götermek — несправедливо обвинять кого-нибудь, стать носителем греха, обвиняя кого-нибудь в чем-либо несправедливо.

Günä ýüklemek — обвинять кого-нибудь, предъявить обвинения.

Günäliniň oduna bigünä ýanar — быть несправедливо наказанным

Günäňi dökmek — заслужить прощение, стать чистым, прощенным.

Günäňi ýuwmak — сделать благое дело по отношению к тому, кому сделал плохо.

Слово *günä* (букв. грех) происходит из персидского языка и означает “грех”. В туркменском языке означает деяние, связанное с невыполнением предписаний шариата, непочтением ислама и др.

Jynaza okamak — творить заупокойную молитву перед похоронами.

Jynazasyny okamak — уничтожить кого-либо.

Jynaza — происходит от арабского слова «дженазе», означающего умершего человека и гроб, в котором его везут для похорон. В туркменском языке обозначает заупокойную молитву-намаз.

Jähenneme gitmek — исчезнуть, провалиться в тартарары.

Jähenneme ibermek — заставить исчезнуть, провалиться в тартарары, убить.

Jähennem происходит от арабского слова «джахеннем», со значением тартарары, ад.

Harama çukmak — стать греховным, означает «испортиться», труд насмарку.

Haram iýmek (içmek) — есть греховное, означает «есть недозволенное, незаконно овладеть чужим имуществом».

Haram — от арабского слова «харам», в значении недозволенное с точки зрения ислама. Фразеологические единицы (ФЕ), в составе которых есть слово «харам», имеют значение делать то, что недозволенно.

Toba etmek — покаяться, жалеть о содеянном.

Toba — от арабского слова «тевбе», означает покаяние, сожаление о содеянном. Считается, что от грехов можно очиститься, покайся, заслужив прощание Аллаха. В Коране имеется сура с таким названием.

Ene süydünden halal (букв. чище (дозволенное) материнского молока) — заработанное честным трудом, не ворованное.

Halal — от арабского слова «халяль», означает «дозволенное предписанием шариата».

Наличие в структуре ФЕ слов типа *günä*, *jynaza*, *jähennem*, *halal*, *haram*, *toba* связано с религиозными верованиями народа.

В составе фразеологизмов туркменского языка часто встречаются прилагательные цвета — *ak* (белый), *gara* (чёрный), *gyzyl* (красный), *sary* (желтый) и их производные. \

Фразеологизмы со словом *gara* (чёрный) в большинстве своем выражают трагедию, беду, неудачу, трудность. А единицы, в состав которых входит слово *ak* (белый), выражают удачу, благо, доброжелательность. Истоки таких особенностей находится в древних временах.

В составе фразеологизмов туркменского языка также встречаются слова *guzyl* (красный), *sary* (желтый). Первое придает значению фразеологизма оттенок превосходности, а второе — слабость здоровья, угнетенность, трудность.

Приведем примеры:

Ak guş bolmak (букв. показать себя белой птицей) — считать себя невиновным.

Aga-ak, gara-gara diýmek (букв. белое назвать белым, а черное черным) — говорить только правду, невзирая на лица.

Со словом *gara* (черный):

Bagtyňa gara çekilmek (букв. счастье, покрытое черным) — встречаться с трудностями, стать несчастным.

Gara geýmek (букв. облачиться в черное) — быть в трауре, одеваться в траурную одежду.

Gara donly (букв. в черном халате, в черном одеянии) — виновный, виноватый.

Garaňy saýlamak (букв. убрать свое черное. Здесь черное в значении человек) — исчезнуть, обратиться в прах.

Слово *gara* (черный) может иметь и значения «очень большой, громадный» и «отдельный человек». Например:

Gara gaýgy (букв. черная печаль) — большая печаль.

Gara görgi (букв. черная трудность) — очень трудный, тяжелый.

Gara güýç (черная сила) — 1. Физический труд, не требующий умственных особенностей. 2. Стихийное бедствие, несчастье.

Слово *gara* (черный) может выражать оттенок усиления, образность:

Garabaşyna gaý (сильно занят, не может оторваться от какого-либо дела) — не может оторваться от какого-то дела, не успевает.

Gara der basmak (bolmak) — сильно потеть, растеряться.

Gara ýer bolmak (букв. стать как черная земля) — постыдиться, ступаться, унизиться.

Слово *guzyl* в основном служит усилению, но может употребляться и в первоначальном значении как прилагательное цвета (красный), например:

Gyzylgyran bolmak — умориться, сильно и долго смеяться всей группой, компанией.

Guzyl dörijük etmek — разбросать в беспорядке.

Guzyl ýumruğa girmek — ввязаться в кулачный бой, беспорядочную драку.

Gyzyl eňek (букв. красный подбородок) — подросток, молодой человек, еще не бреющий бороду.

В составе фразеологизмов слово *sary* (желтый) чаще встречается как прилагательное цвета. Фразеологизмы с этим словом в составе встречаются не очень часто. Например:

Sary getirmek — заболеть гепатитом (здесь, наверное, имеется в виду цвет глаз и кожи больного гепатитом).

Слова-названия животных, входящие в состав фразеологизмов туркменского языка, связаны с жизненным укладом, культурой, психологией народа. Значит, в состав фразеологизмов языка в первую очередь активно включаются слова, называющие предметы и явления с которыми человек часто встречается в повседневной жизни.

Общие для тюркских языков названия животных свидетельствуют о том, что животноводство в жизни этих народов имеет древние корни. Можно с уверенностью утверждать, что в хозяйстве древних тюрков имелись лошади, ослы, верблюды, коровы, собаки, кошки и др. Названия этих животных имеют общетюркский характер, поэтому и фразеологизмы, в составе которых имеются названия животных, часто также общие у тюркских народов.

Например:

At oýnatmak (джигитовать) — делать вид, будто ничего не понимает, пытаться обманывать.

Goýun goýnuň guýrugyndan dişlemez (букв. овца овце курдюк не укусит) — близкие люди не будут делать плохо друг другу, собака собаке на ноги не наступит.

Itiň gününü görkezmek (букв. показать, как живет собака) — подвергать кого-либо тяжелым испытаниям.

Sygryň guýrugynda pyçak döwmek (букв. сломать нож об коровий хвост) — не довести какую-то работу до конца, не дожидаться до конца.

Автор знаменитого труда, посвященного этимологии тюркских слов, Э. В. Севортян отмечает, что слово «ат» встречается туркменском, турецком, азербайджанском, гагаузском, крымско-татарском, кумыкском, киргизском, казахском, ногайском, каракалпакском, татарском, башкирском и других тюркских языках, по этимологии оно может быть связанным со словами «актаки» тунгусского языка и «ата, атан» (мерин) монгольского языка. [4: 197].

В «Этимологическом словаре турецкого языка» отмечается, что сло-

во *goýun* (овца, баран) имеется в туркменском языке, в других тюркских языках отмечается это слово в виде “кой” [2: 225].

Хасан Эрен отмечает, что слово *düýe* (верблюд) этимологически восходит к монгольскому “темеге”, но он же отмечает, что имеется и слово *täwä* в значении джейран [2: 111]. Отмечая, что слово *it* (собака) встречается в древних словарях, Э. В. Севортян ничего конкретного не говорит об этимологии этого слова [4: 385].

В «Этимологическом словаре тюркских языков» этимология слова *sygur* (корова) связывается словами *sagyn* (сагын), *sagyr* (сагыр) [3: 411].

В составе фразеологизмов туркменского языка очень часто встречаются названия диких животных. В народе с древних времен существует ряд суеверий, связанных с этими животными, а переносные значения таких слов, как *gurt* (волк), *ayy* (медведь), *yulan* (змея), *ary* (пчела, оса, шмель), *garasar* (грач), *garga* (ворона), *şagal* (шакал) входит в состав фразеологизмов.

Обратимся к примерам:

Gurduň agzy iýse-de gan, iýmese-de (съел ли волк что-то или нет, все равно его пасть в крови) — если тебя знают с плохой стороны, то никто не поверит, что ты не виновен. Этот фразеологизм связан с коранической легендой о Юсуфе (Иосифе Прекрасном). После того как Юсуфа продали в рабство, его отцу говорят, что его съел волк; Якуб зовет волков и спрашивает их об этом. Они говорят, что не съели Юсуфа. Сыновья говорят, что если Якуб не верит им, они приведут именно того волка. На следующий день они идут в степь, ловят случайного волка. Избив его и сломав зубы, приводят к отцу, увидев, что пасть волка в крови, он верит сыновьям [5:75].

Ayy dostlugy (медвежья дружба) — медвежья услуга. Согласно легенде, сдружились медведь и человек. Желая отпугнуть комара с лица своего друга, медведь поднял огромный камень, ударил им человека по лицу и убил его. На основе этой легенды возникла эта фразеологическая единица.

Изучение фразеологизмов в связи с их лингвокультурологическим характером — новое направление в туркменском языкознании.

Литература:

1. Абдырахманова, М. Устойчивые словосочетания с числительными в туркменском языке: Дисс. ... канд. филол. наук (рукопись). — Ашхабад, 1971.

2. Eren, Hasan. Türk dilinin etimologik sözlüğü. — Ankara, 1999.
3. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков Т. 4 / Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. — М.; 1989.
4. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. — М., 1974.
5. Andalyp Nurmhammet. Ýusup-Züleyha. — Aşgabat, 1987.

К. А. Верхова

Выражение противительности и уступительности в языке турецкой прессы

Аннотация: В докладе рассматриваются средства выражения противительно-уступительных отношений в современном турецком предложении на примере образцов турецкой прессы второй четверти XX в. – первой четверти XXI в. При анализе материала было установлено, что наибольшую частотность употребления в текстах обоих периодов имеют лексические средства — противительные союзы и вводные слова с противительной и уступительной семантикой; также отмечается рост частотности морфологических средств и снижение как частотности, так и числа лексико-синтаксических конструкций с уступительным значением.

Ключевые слова: предложение, турецкий язык, турецкая пресса, противительность, уступительность.

К. А. Verkhova

Expressing Opposition and Concession in the Language of Turkish Press

Abstract: The report is dedicated to the means of expressing oppositional-concessional relations in modern Turkish sentence on the example of samples of Turkish press written in the second quarter of 20th century – the first quarter of 21st century. Analysis of the material shows that lexical means, such as conjunctions and introductory phrases expressing opposition and concession, are used with higher frequency in the texts written in both periods; moreover, growth in frequency of use of morphological means is stated as well as decrease in both frequency and number of lexical-syntactic constructions with concessional semantics.

Key words: sentence, Turkish language, Turkish press, opposition, concession.

Противительно-уступительные отношения в синтаксисе предполагают наличие в высказывании двух или более частей, противопоставленных по содержанию. Поскольку противительная сема является обязательным компонентом уступительных конструкций, целесообразно рассматривать противительные и уступительные отношения как языковую

универсалию, для выражения которой используется набор взаимозаменяемых средств на различных языковых уровнях. Исследованию употребления данных средств в современном турецком языке и посвящен данный доклад.

Цель настоящего исследования — выявление основных тенденций в развитии турецкого синтаксиса на примере функционально-семантического поля противительности/уступительности. Материалом для исследования послужили образцы текстов турецкой печатной и электронной прессы второй четверти XX в. и первой четверти XXI в., что позволило проследить динамику использования средств выражения противительных-уступительных отношений в диахроническом аспекте.

В результате предпринятого исследования установлено, что в текстах рассматриваемых периодов с наибольшей частотностью употребляются лексические средства выражения противительных и уступительных отношений, а именно союзы, союзные и вводные слова, при этом отмечается существенное снижение частотности использования союзов и вводных слов в качестве логических связок между самостоятельными предложениями. Наблюдается рост частотности морфологического средства выражения уступительности — формы условного наклонения *-sA* с частицей *dA*. Среди лексико-синтаксических средств отмечается отказ от употребления полифункциональной конструкции *-DIğI/-AcAğI halde*, а также низкая частотность использования конструкций, образованных с помощью глагольно-именных форм на *-mA-* и *-mAk-*. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о постепенном переходе от лексико-синтаксических средств выражения противительной и уступительной семантики к морфологическим и лексическим.

М. В. Вершинина

**Дискуссия о литературном языке в среде
тюрко-мусульманской интеллигенции Южного
Кавказа через призму азербайджанской прессы
конца XIX – начала XX вв.**

M. V. Vershinina

**The discussion of a literary language among
the Turkic Muslim intellectuals of the South Caucasus
as reflected by the Azerbaijani press
(the late 19th – early 20th centuries)**

Языковой вопрос, тесно связанный с вопросом национальной идентичности, был предметом бурной полемики в среде тюрко-мусульманской интеллигенции Российской империи со второй половины XIX в. Одним из первых проект языковой реформы тюркского языка предложил выдающийся кавказский философ и публицист Мирза Фатали Ахундов (1812–1878). Он предлагал упростить арабский алфавит и впоследствии заменить его на новый, созданный на основе кириллицы и латиницы, а также реформировать литературную форму азербайджанского тюрки и исключить из него тяжеловесные формы, заимствованные из персидского языка [4; 11]. В 1870-х годах Ахундов участвовал в работе над изданием первой частной газеты на азербайджанском тюрки «Экинчи» (1875–1877), главным редактором которой был его единомышленник, выдающийся просветитель и педагог Гасан-бек Зардаби (1842–1907). «Экинчи» стала первым азербайджанским изданием, на базе которого местные интеллектуалы попытались создать язык, понятный для широких масс населения [5]. Вместе с тем, использование в газете просторечной нормы азербайджанского тюрки встречало враждебную реакцию традиционалистов, стремившихся сохранить влияние персидского языка в регионе [7; 10].

Последующую разработку языковой вопрос получил на страницах бахчисарайской газеты «Терджиман» (1883–1918), выпускаемой крымскотатарским просветителем и публицистом Исмаил-беком Гаспринским (1851–1914). В рамках его идеологической концепции, суть которой сформулирована в лозунге «Единство в языке, мыслях и делах», предполагалось создать литературную идиому, которая была бы понятна всем тюркам от Балкан до Китая. Такой общепонятный язык действительно сформировался на платформе «Терджимана». Он был основан на стамбульском варианте османского языка, очищен от избытка иностранных элементов и использовал упрощенный синтаксис. Газету могли читать образованные люди в большинстве тюркских стран, но для среднего читателя она была понятна только в Крыму и на Южном Кавказе [10]. Влияние «Терджимана» проявилось в языковой османизации азербайджанской прессы.

В период после Русской революции 1905 г. дискуссия о языке в тюркской прессе Кавказа вышла на новый уровень. Продолжателем идей Гаспринского был азербайджанский ученый и просветитель, главный редактор газеты «Хаят» (1905–1906) и журнала «Фиюзат» (1906–1907) Али-бек Гусейнзаде (1864–1940). Он также публиковал свои издания на языке, максимально приближенном к литературному османскому, и предложил свое видение общетюркского литературного языка в рамках созданной им концепции «Тюркизация, исламизация, европеизация», которая впоследствии была воспринята Зией Гёкальпом (1876–1924) и в переработанном виде легла в основу турецкого национализма [1; 3]. По представлениям Гусейнзаде, принятие общепонятного литературного тюркского языка, основанного на стамбульской норме, станет важным шагом на пути к формированию единого культурного пространства и возвышению тюркского мира [1; 6]. Элитарный стиль «Фиюзата», который стал высшей точкой в развитии тенденции к османизации азербайджанского тюрки, находил отклик в среде тюрко-мусульманских интеллектуалов Кавказа, связанных с Османской империей [1; 3].

Часть азербайджанских интеллектуалов, включая Гасан-бека Зардаби и редакцию сатирического журнала «Молла Насреддин» во главе с Джалилем Мамедкулизаде (1866–1932) и Омар Файком Неманзаде (1872–1937), критиковала тенденцию к османизации российской тюркской прессы как ведущую к искусственности [10]. Сторонники социал-демократических идей выступали против культурной гегемонии Осман-

ской империи и придерживались языкового сепаратизма, отдавая приоритет созданию национального языка. Авторы «Моллы Насреддина» использовали разговорную норму азербайджанского тюрки, следуя в русле тенденции, заложенной Зардаби на страницах «Экинчи». Языковая политика издания должна была способствовать максимальному распространению просветительских идей среди тюркоязычных жителей Кавказа [2; 9].

Из всех тем, освещавшихся в тюркской прессе Юго-Восточного Кавказа конца XIX – начала XX вв., вопрос о литературном языке стал предметом самой длительной и напряженной полемики. Максимальной точки она достигла в период издания журналов «Фиюзат» и «Молла Насреддин», которые стали ярким воплощением двух противоположных тенденций, существовавших в среде тюрко-мусульманской интеллигенции Кавказа. Важно отметить, что в этом противостоянии отражалась не борьба за превосходство, а лишь разные подходы к решению общей задачи — просвещения и направления тюркского общества Кавказа по пути прогресса.

Литература:

1. تاضوی ف - وکاب ، ۱۹۰۶ – ۱۹۰۷ ، عبطم ی پساق : وکاب - تاضوی ف
2. نیدلار صن الل م - س ی لفت - س ی لفت ، ۱۹۰۶ – ۱۹۰۹ ، عبطم تریغ : س ی لفت - نیدلار صن الل م
3. Akçuraoğlu, Y. Türkçülüğün tarixi. — Bakı, 2006.
4. Axundov, M. F. Əsərləri. — Cild II. — Bakı, 2005.
5. Əkinçi. 1875–1877. Tam mətni. — Bakı: Avrasiya Press, 2005.
6. Hüseynzadə, Ə. Seçilmiş əsərləri. — Bakı: Şərq-Qərb, 2007.
7. Zərdabi, H. Seçilmiş əsərləri. — Bakı: Azərnəşr., 1960.
8. Aşırı, A. Azərbaycan mətbuat tarixi (1875–1920). — Bakı: Elm və Təhsil, 2009.
9. Uygur, E. Füyuzat ve Molla Nasreddin Dergilerinde Edebi Dil Tartışmaları // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. — Cilt 4. — № 4. — 2007.
10. Swietochowski, T. Russian Azerbaijan (1905–1920): the shaping of a national identity in a Muslim community. — Boston: Cambridge University Press, 1985.
11. Гусейнов, Г. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века / Акад. наук Аз. ССР. Сектор философии. — 2-е изд. — Баку: Азернешр, 1958.

Д. Ю. Виноградова

Искусство керамики Изника и Кютахьи

Аннотация: В докладе рассматривается искусство османской керамики в двух основных ремесленных центрах: Изнике и Кютахье. Исследуются художественные особенности керамических изделий, а также влияние социально-экономической ситуации в государстве на развитие искусства империи.

Ключевые слова: Османская империя, Турция, керамика, искусство, мусульманское искусство, декоративно-прикладное искусство, Изник, Кютахья.

D. Y. Vinogradova

The Art of Ceramics in İznik and Kütahya

Abstract: The article examines the art of Ottoman ceramics in two main centres of art crafts — İznik and Kütahya. It explores the artistic characteristics of ceramic products as well as the influence of the socio-economic situation in the Ottoman Empire on the development of its art.

Key words: Ottoman Empire, Turkey, ceramics, art, Islamic art, decorative art, İznik, Kütahya.

Искусство Османской империи и в частности турецкая расписная керамика занимают яркое место в художественной культуре мира. Османское керамическое производство было сконцентрировано прежде всего в двух центрах — Изнике и Кютахье.

Процесс развития искусства изникской керамики можно разделить на три этапа, первый из которых начинается в XV в. На относительно молодое искусство империи оказали влияние традиции соседних арабских стран, Ирана, а также Китая [6: 27].

Ключевым событием для Изника стала победа османов над Сефевидской империей в 1514 г., из которой были перевезены талантливые мастера [2]. С этого момента, вместе с «золотым веком» Османской империи, начинается второй этап развития керамического искусства. Местная керамика выходит на новый уровень: совершенствуется ма-

стерство художников, разрабатываются оригинальные элементы, в оборот вводятся новые цвета. Османское искусство отошло от подражания и приобрело самобытные черты [6: 28].

Расцвет государства в этот период повлек за собой и развитие искусства. Объемы керамической продукции были высоки, изготавливались как предметы декоративно-прикладного характера, так и изразцы для украшения внутреннего убранства помещений [1: 27]. Крупные турецкие города были украшены уникальными изразцами, до сих пор поражающими своей яркостью и тонкостью исполнения. Именно в этот период Изник стал осуществлять производство только для богатого султанского двора. Созданные там керамические изделия считались предметами роскоши [5: 38].

В XVII в. начинается третий этап. Вместе с общим упадком Османской империи объемы производства керамики в Изнике снизились, а ее качество значительно ухудшилось. При этом появились новые характерные особенности изделий: христианские мотивы, изображения людей и животных, а также золочение.

В это время происходит возвышение другого керамического центра — Кютахьи. Изделия, производимые кютахийскими мастерами, были в основном предметами утвари. Сравнивая продукцию Изника в период его расцвета с керамикой Кютахьи, можно заметить большую разницу в качестве изделий. Работа мастеров отличалась относительной небрежностью. На более низком уровне было также качество материалов: черепка, красок и глазури.

Однако керамика Кютахьи успешно продавалась как внутри империи, так и за ее пределами. В целом производство имело тесные связи с Западной Европой — туда поставлялись значительные объемы продукции. Кроме того, большинство кютахийских мастеров были представителями христианских общин, что тоже нашло отражение в производимых предметах искусства [6: 76].

Изучая искусство Османской империи в целом и керамическое дело в частности, можно заметить, что оно напрямую зависело от социально-экономического положения государства. Расцвет империи привел к подъему искусства и регулярным крупным государственным заказам. Упадок османской державы повлек соответствующие последствия для ремесленных центров [4: 8].

Кроме того, если рассматривать османскую керамику в контексте

исламского искусства, можно отметить черты, характерные для всего мусульманского мира, например использование арабесок [3: 32], и самобытные турецкие элементы, выработанные местными мастерами. [7: 8]

Керамическое искусство Изника и Кютахьи, рассмотренное в докладе, — лишь небольшая часть огромного культурного наследия Османской империи. Поэтому интересно и крайне важно изучать, оценивать и сравнивать различные объекты турецкой художественной культуры, особенно на фоне новых археологических находок и современных материалов музеев.

Литература:

1. Де Моран, А. История декоративно-прикладного искусства от древнейших времен до наших дней. — М.: Искусство, 1982.
2. Еремеев, Д. Е. История Турции в средние века и новое время / Д. Е. Еремеев, М. С. Мейер // URL: annales.info/islam/turkey/uchebnik/index.htm (Дата обращения: 10.09.2021).
3. Кубе, А. Н. История фаянса. — Берлин: Р.С.Ф.С.Р. Государственное издательство, 1923.
4. Кулланда, М. В. Османское художественное ремесло второй половины XVI–XX вв. Эволюция производства как отражение перемен в жизни империи. — М.: Государственный музей Востока, 2014.
5. Миллер, Ю. Искусство Турции. — Л.: Искусство, 1965.
6. Миллер, Ю. Художественная керамика Турции. — Л.: Аврора, 1972.
7. Yoltar-Yıldırım, A. Ottoman Decorative Arts — Ankara: Ministry of Culture and Tourism, 2009.

А. Б. Гаджиева

**Понятие «субстантивно-адъективные формы»
и его особенности в турецком языке**

A. B. Gadzhieva

**The concept of “substantive-adjectival verb form”
and its features in Turkish language**

Во всех тюркских языках имеются своеобразные глагольно-именные формы, выражающие действие, окказионально представляемое как предмет (по аналогии с русскими лексемами типа поедание, хождение, говорение), т. е. «опредмеченное» действие, и действие, представляемое в виде признака (говорящий, поющий, пишущий), т. е. «опризначенное» действие. Поскольку данные формы способны функционировать и как глагольные субстантивы, и как глагольные адъективы, их удобно обозначать термином «субстантивно-адъективная форма» (САФ) [1:117]. Применительно к САФ исследователи подразумевают формы -Dİk; -(y)AsAk и -(y)AsI, благодаря которым тюркские языки могут обходиться без придаточных предложений индоевропейского образца.

Одна из немаловажных особенностей САФ турецкого и других огузских языков заключается в том, что они, как и масдары, способны присоединять к себе личные показатели принадлежности, указывающие на производителя действия. Например: «Evvelce bana iş bulmaları için müracaat ettiğim ve hiç da fena muamele görmediğim bazı tanı dıklara sokakta rastladığım zaman başımı önüme eğip hızla geçiyordum» [6:12] — «Когда я встретил на улице своих знакомых, к которым я обращался за помощью найти мне работу, и с которыми у меня были неплохие отношения, я склонил голову и быстро прошел».

Следует отметить, что в тюркском языкознании большинство исследователей трактуют данные формы как причастия. «Иногда формы -Dİk и -(y)AsAk в их атрибутивном и субстантивном использовании, — пишет С. Н. Иванов, — не относят к причастиям. Видимо, это обусловлено давлением термина, в который вкладывают содержание, связываемое с индоевропейским пониманием причастия, но если же идти не от тер-

мина, а от грамматического содержания, то нужно будет признать, что формы -Dİk и -(y)AcAk образуют вместе с теми турецкими формами, причастная сущность которых не вызывает у исследователей сомнения, своеобразную систему форм» [4:35]. С точки зрения С. Н. Иванова, особенность турецких причастий заключается в их полифункциональности и своеобразном разделении на синтаксические функции: атрибутивные (-an), атрибутивно-предикативные (-ag, -miş), атрибутивно-субстантивные (-Dİk), атрибутивно-субстантивно-предикативные -(y)acak [4:35]. «Причастие с аффиксом -Dİk представляет собой форму определения (с притяжательным оформлением) при определяемых со значениями объекта (прямого и косвенного), места и времени действия; причастие с формантом -(y)AcAk допускает те же типы определяемых, что и причастие -Dİk, но может, кроме того, быть и присубъектным определением» [4:35].

Но интерпретировать субстантивно-адъективные формы как причастия значит отрицать их глубокие отличия от причастий, игнорировать в них особенный, более многофункциональный, нежели причастие языковой механизм. Как явствует из всего вышесказанного, САФ обладают двумя важными функциями, т. е. имеют два коммуникативных предназначения. В отличие от причастия, которое представляет собой глагольную форму, выражающую действие лишь в виде признака и обладающую агентивным значением, САФ имеет две четко выраженные функции и, следовательно, две сферы синтаксического употребления: 1) субстантивное функционирование и 2) адъективное предназначение.

Особенность САФ в адъективном функционировании, отличающая их от причастия, заключается в том, что первые лишены агентивного значения, т. е. «семы, сигнализирующей о том, что предмет, носитель признака, есть производитель действия, представляемого в виде признака» [2: 161]. Категориальные значения САФ, естественно, близки, с одной стороны, со значением имен действия, которые передают только «опредмеченное» действие, с другой стороны, со значением причастий, способных выражать действие, обозначающееся в образе признака. «Однако следующие морфологические, семантические и синтаксические особенности данной формы отличают ее от этих родственных глагольно-именных форм:

1) в морфологическом аспекте — репрезентационная двуфункциональность субстантивно-адъективных форм;

2) в семантическом аспекте — наличие двух категориальных значе-

ний (не только «опредмеченного» действия, как у имени действия, но и «опризначенного действия, как причастия);

3) в синтаксическом аспекте — функционирование этих форм в субстантивной и в атрибутивной сферах использования» [2: 161].

Важно отметить, что субстантивно-адъективные формы в субстантивном функционировании отличаются от масдаров (имен действия) наличием у них временных характеристик. Формы $-(y)AcAk$ и $-(y)AsI$ указывают на будущее время, а $-DIk$ называет настоящее или прошедшее действие. Что касается сферы адъективного функционирования, то данные формы отличаются от причастий отсутствием агентивного значения, т. е. сигнализации о том, что называемый определяемым предмет является производителем действия [2: 162]. В сфере адъективного функционирования субстантивно-адъективная форма, которая лишена агентивного значения, индифферентна к характеру отношений между выражаемым глагольной основой действием и предметом, называемый определяемым. «Следовательно, субстантивно-адъективные формы, которые не выступают в залоговой форме и употребляются в функции определения в составе определительных конструкций, благодаря отсутствию в их семантике информации о производителе действия, способны передавать различные взаимоотношения действия с предметом, кроме случаев передачи изъяснительных отношений типа *fiṛtina koptuḡi* (корасаḡi) haḡeṛi «весть о том, что разразилась (разразится) буря» [3:63].

По С. Н. Иванову, анализирующему соответствующие формы $-gan$, $-ḡtan$, $-digan$ в узбекском языке, в адъективной сфере функционирования субстантивно-адъективной формы предмет, называемый определяемым, по отношению к действию, выраженному глагольной основой, может быть: 1) его производителем; 2) его прямым или косвенным объектом; 3) местом его совершения; 4) временем его протекания [5: 49]. «К этому перечню семантических возможностей субстантивно-адъективных форм, выражающих характер связи предмета с действием, называемым глагольной основой, можно добавить также: 5) предмет-цель; 6) средство, инструмент; 7) причина действия». [3: 64]. Можно утверждать, что декодирование определительных конструкций вместе с глагольной субстантивно-адъективной формой, выступающей в функции определения, происходит либо на основе каких-либо фоновых знаний, либо на основе опыта с опорой на логику связи элементов реальности. Примеры:

1. Определяемое называет производителя действия:

Ağır bir hastaya söylenecek sözler değil [7: 46] — «Это не те слова, которые следует говорить тяжело больному человеку».

Важно отметить, что в современном турецком языке форма -Dik, указывающая на прошедшее время, в функции определения не может относиться к определяемому, которое называло бы производителя действия. Агентивные отношения между определением, выражаемым в САФ глагольной основой (-Dik), и определяемым предметом передаются с помощью причастий. В отличие от САФ причастия в функции определения передают в виде признака такое действие, производителем которого является предмет, называемый определяемым.

2. Определяемое называет объект:

Bu adam uzun uzun muayeneden sonra hastalığın zatürree olduğunu söyledi ve etrafındakilerin şaşkınlığını görünce... [7:40] — «Этот человек после долгого обследования сказал, что он болеет пневмонией (его болезнь — пневмония), и когда он увидел изумление окружающих...»

3. Определяемое называет место совершение действия:

Raif efendinin yattığı odaya girince büsbütün şışırdım [7:25] — «Когда Раиф вошел в комнату, где лежал господин Раиф, я был сильно удивлен».

4. Определяемое называет время протекания действия:

Yalnız kaldığım zamanlar, kafamda canlanan bu kadınlarla, en usta aşıkların bile aklına gelmeyecek sahneler yaşar, sıcak ve zonklayan dudakların sarhoş eden tazyikini ağızımda, hakikatte olabileceğinden birkaç kat daha kuvvetli olarak duyardım. [7:60] — «Когда я оставался в одиночестве, я рисовал себе сцены, которые не пришли бы и в голову самым опытным волокитам, и чудилось мне тогда, будто моих губ касаются пьянящие, обжигающие женские губы, и это ощущение было гораздо сильнее реального».

5. Определяемое называет цель совершения действия:

Okuyacak maksat yok — «Незачем это читать».

6. Определяемое называет предмет/средство осуществления действия:

Bu acımasız savaşın şehitlerini saygılı bir şekilde gömecek para yok — «Не было денег, чтобы достойно похоронить шахидов этой жестокой войны».

7. Определяемое называет причину действия:

Ben bunu okumayacağım. Okuyamam, işte. Ne var okuyacak? — «Я не

буду это читать. Не буду читать, и все! Да здесь просто нечего читать».

Проанализировав приведенные выше примеры употребления САФ в определительных словосочетаниях, следует заключить следующее: 1) адъективное функционирование изучаемых форм указывает лишь на то, что действие является признаком какого-либо предмета; 2) значение САФ не содержит в себе агентивного залогового значения, которое указывало бы на то, что предмет — носитель признака — является производителем действия [1:56]. В отличие от причастий, САФ лишены какой-либо собственной залоговой семы. Но это не значит, что они не могут вступать в залоговые отношения. При коммуникативной необходимости прояснить отношение между действием, выступающим в функции определения, и предметом в функции определяемого залоговые показатели включаются в состав субстантивно-адъективных словоформ:

1. *Odada insanı şaşırtacak bir kargaşalık hüküm sürüyordu* [7:26] — «В комнате царил хаос, который заставит удивиться любого человека».

2. *Tercüme edilecek yazılar bir odacı ile evine gönderilir ve birkaç saat sonra alınırdı* [6:20] — «Все статьи, которые нужно перевести, отправляли ему на дом с посыльным и через пару часов они были готовы».

«Однако залоговый показатель, входящий в состав субстантивно-адъективных словоформ, не изменяет их категориального значения “опризначенного” действия, которое реализуется в сфере адъективного использования, а лишь добавляет свое залоговое значение в цепочку значений, представляемых другими морфами, входящими в состав словоформы» [3: 67]. При наличии коммуникативной потребности передать информацию о производителе действия в состав субстантивно-адъективных словоформ, как при субстантивном функционировании, так и при атрибутивном использовании, входят аффиксы категории принадлежности. Например, *beş dakika önce yazdığımı bile unuttum* — «Я даже забыл то, что написал пять минут назад».

Как и причастия, САФ в адъективном функционировании близки к именам прилагательным. Следовательно, они как прилагательные могут окказионально субстантивироваться, т. е. представлять предмет, являющийся носителем признака. «А в таких случаях, когда они представляют предмет, они могут выступать в синтаксических функциях существительного в высказываниях — в первую очередь в качестве как определения, так и определяемого в составе изафетных конструкций, субъекта предиката, дополнения» [3:68]. Таким образом, САФ способны

присоединять аффиксы именных словоизменяемых категорий и употребляться с послелогами.

Субстантивно-адъективная форма -Dik

Форма с показателем -Dik в своем субстантивном и адъективном функционировании является наиболее продуктивным представителем данной категории. Ее важнейшая особенность заключается в способности функционировать в формах категории принадлежности, как в сфере субстантивного, так и в сфере адъективного использования [1: 122]. Показатели принадлежности, следующие за показателем -Dik, указывают на производителей действия. Данная форма указывает на то, что действие, представляемое в образе предмета или признака, выражает будущее, т. е. прошедшее или настоящее время [3:69].

1. Прошедшее действие, представляемое в образе предмета

Kadın ve erkek münasebetleri o kadar karmakarışık ve arzularımız, hislerimiz o kadar anlaşılmaz ve bulanık ki, hiç kimse ne yaptığını bilmiyor ve akıntıya kapılıp gidiyor [7: 99] — «Отношения между мужчинами и женщинами настолько запутаны, а наши желания и чувства настолько непонятны и туманны, что никто не знает, что они делают, и от этого попадались в ловушку».

2. Настоящее действие, представляемое в образе предмета

Gündüz hadiseleri olduğu gibi kabul ediyor, onun kararlarının kati olduğunu, aradan biraz zaman geçmesini beklemekten başka bir şey yapamayacağını anlıyordum [7: 129] — «Днем я принял события такими, какие они есть, и понял, что ее решения (являются) окончательны и что мне ничего не остается, как подождать, пока пройдет какое-то время».

Следует отметить еще одну характерную особенность рассматриваемой формы: вне категории принадлежности форма -Dik функционирует в отрицательном статусе в адъективной сфере использования. Подобное ее функционирование также продуктивно и производительно. Например, Вътн teessърlerimiz, inkisarlarэмэз****, hiddetlerimiz, капюэмэза зэкан hadiselerin anлаюэlmadik, beklenmedik taraflarэнэдэг [7:23] — «Все наши обиды, горести и гнев связаны с непредсказуемыми и неожиданными сторонами событий, с которыми мы сталкиваемся».

Однако важно сказать, что данная форма очень редко функционирует в положительном статусе вне категории принадлежности. Подобное ее использование является анахронизмом: tanэдэк biri — «знакомый».

Ниже приведены примеры использования формы -Dik в субстантивном функционировании, способные выступать в качестве сказуемого (1), подлежащего (2) и дополнения (3):

1. Baıolangız noktam, dın akıyam neler uırtıpım ve onu bu iıoi halletmeye nasıl kandırdıpımdı — «Мне следовало начать с того, что вчера вечером **я сделал** и как **я убедил** его решить это вопрос».

2. Nayata gelecek zocurun babası oldurım da, zok sıpheli idi — «Было очень сомнительным то, что **я являюсь** отцом ребенка, который появится на свет».

3. Raif Efendinin vaziyetinin de pek hoıe olmadıpınız ve bu kalabalıpın izinde onun fazla ve lızumsuz bir iuey gibi durdurunu fark edıyordum [6: 28] — «Я понял, что в 28 лет **положение** Раифа Эффенди **было** не очень приятным, и **он выглядел** в этой толпе каким-то слишком бесполезным человеком».

Как было сказано ранее, форма -Dik в адъективном использовании может функционировать в роли определения в составе изафетных конструкций для передачи изъяснительных [3: 72] отношений:

1. **Onun uırtıpı iddiası** — «Утверждение о том, что **он совершил**».

2. Benim ınıversiteden mezun olmadıpı haberı — «Новость, о том, что **я не закончила** университет».

Субстантивно-адъективная форма -(y)AsAk

Форма -(y)AsAk, как и форма -Dik продуктивная и производительная. «Она выступает как в неаффирированном состоянии (в частности, в адъективной сфере), так и в формах категории принадлежности; как в сфере субстантивного, так и адъективного использования» [3: 73]. Данная форма указывает на то, что действие, представляемое в образе предмета или признака, выражает будущее время [6: 472].

Согласно точке зрения А. Н. Кононова, форма -(y)AsAk, именуемая им как причастие, «выражает 1. будущее действие, 2. будущее действие с оттенками возможности предположительности долженствования» [6: 472]. Однако форма -(y)AsAk, по-видимому, через свои модальные значения во всех случаях указывает одновременно и на модальные смыслы [3: 73]:

1. Смысл возможности

В сфере субстантивного функционирования:

1. Onun izindekini cırenmemek suretiyle, etrafımda dolıyan bir felaketi uzaklaıtır**abileceđimi** ımıt edıyordum [7:140] — «Я надеялся, что, не узнав, что творится у нее в душе, **я смогу отвести** эту катастрофичную обстановку, которая была вокруг меня».

2. Dьnyada bu kadar rahat, bu kadar sьkьyn izinde aplanabileceğini tasavvur edemezdim [7:138] — «Я даже не мог представить себе, что на этой земле **можно** настолько спокойно и тихо **выплакаться**».

В сфере адъективного функционирования:

Gьzlerinde adeta dьmanca diyebileceğim parəltə vardə [7:160] — «В его глазах был блеск, который я мог бы назвать враждебным».

2. *Смысл предположительности*

В субстантивном функционировании форма с такой семантикой неупотребительна. В сфере адъективного функционирования данная форма со смыслом предположительности встречается чаще:

Bizimle birlikte bu evde oturacak geline annemin saygə duymayər onu ezecegini ve аюарэласарэнэ elbette hepimiz anləyorduk — «Мы, конечно, все понимали, что моя мать не будет проявлять уважение, а будет унижать **невестку, которая возможно, будет жить в этом доме с нами**».

3. *Смысл долженствования*

В сфере субстантивного использования:

Ofiste ne уарэласарэнэ зок iyi biliyogum — «Я прекрасно понимаю, **что должно быть сделано** в офисе».

В сфере адъективного использования:

Birbirimize sьuleyecek eeyleri ilk акеам bitirmie depildək — «В первый вечер мы не закончили говорить друг другу о **вещах, которые следовало бы сказать**».

К этому перечню смыслов, передаваемых рассматриваемой формой, Озлем Дениз-Йьлмаз добавляет еще два.

4. *Смысл «план-намерение»*

В сфере субстантивного использования:

Beni nasəl olsa affedecerini biliyogum. «В конце концов я знаю, что **ты меня простишь**».

В сфере адъективного использования:

Evlenceserim kadən izin zок uzun zamandər en gьzel уьзьрь агьуогум— «**Женщине, на которой собираюсь жениться**, я очень долго искал самое прекрасное кольцо».

5. *Смысл вероятности в будущем*

В сфере субстантивного использования:

1. Neler sьulenceserini, konueulасарэнэ sen benden de iyi biliyorsun. «Ты лучше меня знаешь, **о чем будет разговор**».

В турецком языке встречаются такие высказывания, в которых форма *-(y)AsAk* указывает на то, что действие не совершается так, как этого желал говорящий. Она выражает узуальный модальный смысл — информацию о том, что действие является, с точки зрения говорящего, неприятным, нежелательным:

Есім *olacak* erkek beni his dinlemiyor — «**Мужчина**, который, к сожалению, **является** моим мужем, меня совсем не слышит».

Как было сказано ранее, рассматриваемая форма обладает синтаксической функцией, способная выступать в качестве любого члена предложения: подлежащего, сказуемого, определения, прямого дополнения, косвенного дополнения, обстоятельства.

Ниже приведены примеры форм, выступающих в качестве прямого и косвенного дополнений:

1. Benimle epleneceklerini zannetmiçtim! — «Я думал, что вы со мной **будете развлекаться!**» (прямое дополнение).

2. Ancak, şimdi, bütün eski günleri, hiçbir heyecan duymayacağım dan emin olarak, bir kere daha uyd etmek isteyince, onun zehresini aramayı, fakat bulamamıyorum [7:157] — «Но теперь, когда я хотел еще раз вспомнить все былые дни, будучи уверенным, что **не почувствую** никакого волнения в душе, я искал ее лицо, но не мог его найти» (косвенное дополнение).

Форма *-(y)AsAk* в атрибутивном использовании, как и форма *-Dik* может функционировать в роли определения в составе изафетных конструкций: Türk Cumhurbaşkanı'nın öğretmen ve doktor maaşlarını yükselteceği söylentisi. «Слух о том, что **президент** Турции **собирается повысить** зарплаты учителям и докторам».

Субстантивно-адъективная форма -(y)AsI

В современном турецком языке форма *-(y)AsI* встречается довольно редко. Раньше она часто употреблялась как форма, имевшая временное значение будущего действия. В современной турецкой речи данная форма, аналогична форме *-(y)acak* и рассматривается как анахроничная и практически полностью вытесненная. Данная форма функционирует как в формах категории принадлежности, так и вне ее и не способна присоединять аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа. Атрибутивные конструкции с ее участием, как правило, вне категории принадлежности выражают обычно пейоративные смыслы [3:78] (проклятья, ругательства). Форма *-(y)AsI* также выполняет синтаксическую функциональность в высказываниях.

Пример субстантивного употребления формы:

Güz kiz olasə kardeşim — «**Чтоб** тебе **ослепнуть**, братец».

В свете вышеперечисленных фактов следует заключить следующее: субстантивно-адъективные формы представляют собой морфологические средства, с помощью которых можно представлять действие в определенном виде и действие, представляемое как признак. Эта коммуникативная двуфункциональность обуславливает их синтаксическую универсальность, заключающуюся в способности выступать в функции любого компонента конструкции. Данные формы указывают на временные семы: будущее время у форм $-(y)сAk$ и $-(y)Asэ$ и «небудущее», т. е. настоящее и прошедшее время у формы $-Dik$. Они имеют несколько различающиеся функциональные свойства: $-(y)сAk$ способна передавать агентивную связь предмета и действия и функционировать вне категории принадлежности. Форма $-Dэk$, наоборот, не способна выражать агентивную связь предмета и действия и функционирует преимущественно в формах категории принадлежности. Две современные формы $-Dэk$ и $-(y)сAk$ и анахроничная форма $-(y)Asэ$ составляют ряд, формируемый родственностью семантики и коммуникативных функций, что позволяет признавать их глагольной категорией субстантивно-адъективных форм, входящей в качестве частной категории в общую категорию номинализации действия.

Литература:

1. Гузев, В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол. На материале староанатолийско-тюркского языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — 165 с.
2. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / Под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицина. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. — 320 с.
3. Дениз Ёылмаз, О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — 227 с.
4. Иванов, С. Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 2: Грамматические категории глагола. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. — 46 с.
5. Иванов, С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: форма на -ган и ее производные. — Л.: Изд-во восточной литературы, 1959. — 152 с.
6. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 571 с.
7. Sabahattin, Ali. Kürk Mantolu Madonna. — Istanbul: Remzi kitabevi, 1943. — 267 s.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

О болгарско-тюркском происхождении этнонима алан: по данным средневековых авторов

Аннотация: Статья посвящена обоснованию болгаро-тюркского происхождения этнонима *алан*. Его древнейшая пратюркская исходная форма **(h)alan*, обозначающая равнинное болгаро-тюркское население, отвечает исходному в данном случае **ala-n/*ala-η* 'равнина, лужайка, открытое пространство, площадь' праалтайского уровня. Была известна с достаточно давних времен и другая горная часть болгарского населения Кавказа. Она упоминается во II в. до н. э. Мар Абасом Котиной в связи с тем, что в 149–127 гг. до н. э. «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле болгар», точнее, *балкар* (*булгар*) досл. 'горцы'.

Ключевые слова: болгаро-тюркское происхождение, этноним *алан*, средневековые авторы.

G.-R. A.-K. Guseinov

On the Bulgarian-Turkic origin of the ethnonym Alan: according to medieval authors

Abstract: The report is devoted to the justification of the Bulgarian-Turkic origin of the ethnonym *Alan*. His most ancient Praturk initial form **(h)alan*, designating the flat bulgar-Turkic population, meets the original in this case *ala-n/*ala-η* 'the plain, a lawn, open space, the area' of praaltay level. Another mountainous part of the Bulgarian population of the Caucasus has been known since quite a long time. It is mentioned in the II century. BC. Mar Abas Kotina due to the fact that in 149-127. AD 'there were great troubles in the chain of the Caucasus Mountains, in the land of the Bulgarians', or rather, the *Balkars* (*Bulgars*), etc. 'Highlanders'.

Key words: bulgarian-turkic origin, ethnonym *алан*, to medieval authors.

Проблема языка алан, происхождения рассматриваемого этнонима традиционно связывается с осетинским этносом. Его представители проживают на Центральном Кавказе, и, как полагают исследователи, придерживающиеся традиционной точки зрения, относятся к ираноязычным кочевым племенам скифо-сарматского происхождения.

Ко времени своего появления в Приазовье и Предкавказье аланы

упоминаются в письменных источниках с I в. н. э. Часть из них осела на территориях, прилегающих к предгорьям Кавказа, а после татаро-монгольского нашествия 1230-х гг. была вытеснена в горы Центрального Кавказа и Закавказья, где «одна из групп аланов, при участии местных племен, дала начало современным осетинам» [22].

Наиболее известным письменным памятником аланского или древнейшим памятником осетинского языка традиционно считается знаменитая Зеленчукская (в районе Архыза) надпись X в. греческого письма на могильной плите. Ее чтение, в том числе и на иных языках, до сих пор вызывает споры.

Она была обнаружена в 1888 г. на правом берегу реки Большой Зеленчук (карач. *Зилинджик*) [18], название которой еще в XIX в. было известно в русских источниках в усеченной форме *Инджик* [см. 5: 32]. При этом, имея в виду возможность аффиксального происхождения второй части (-джик) вышеупомянутого гидронима, имеющей значение признака, в его первой корневой части (*зилин-*) представляется возможным видеть отражение балкарского (малкарского) *зылан* ‘змея’ — репрезентата обще-, межтюрк. *ыла:н* [29: 277], тоже восходящего к пратюрк. **julan* ‘змея’ [24: 180], т. е. ‘змеиная’. Данное явление может носить достаточно древний (булгарский) характер, если принять во внимание наличие аналогичного з-анлаута в булгаризмах, в том числе раннесредневековых, языков Северо-Восточного Кавказа, включая не только балкарский, но и хазарский (письмо кагана Иосифа, X в.), кумыкский [12: 37–38].

Таким образом, довольно парадоксально вышеупомянутая «алано-осетинская» надпись обнаруживается в зоне распространения по Кубани еще в середине X в. кубано-булгарского языка, причем аналогичное происхождение имеет также название левого притока Зеленчука *Кяфар* и левого притока Кубани — *Лаба* [16: 48]. Тем более что древнейшим письменным упоминанием булгар в Кавказском регионе считается сообщение сирийского ученого Мар Абаса Когини о том, что 149–127 гг. до н. э. «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле болгар» [21: 93]. Тогда же, во II в. до н. э., от первичного (пратюркского) булгарского языка отделяются прочие собственно тюркские языки [25: 734, рис. 5; 17: 66].

Это может быть связано с древнейшими миграциями тюркоязычных народов со своей прародины, ибо не случайно, как полагает И. Р. Кыз-

ласов [см. 20], ранняя, относящаяся к бронзовому и раннему железному векам культурная история тюркоязычных народов связывается с отделением хазаро-булгарского компонента, поглощенного впоследствии продвижением на запад более поздних восточных тюрков. Они пришли в Центральную Азию ко времени гуннской экспансии с первоначальной западноазиатской прародины позднее исхода из нее прахазаро-булгар.

Автором настоящей работы были установлены новые историко-лингвистические данные, позволяющие предполагать закавказскую (в нынешней Южной Осетии) первичную локализацию области распространения осетинского языка и распространение его будущих носителей из Закавказья на Северный Кавказ, но не наоборот, как полагали ранее. Основанием для подобного суждения послужили не только данные северных и южных осетинских диалектов, но и то, что большинство предполагаемых восточноиранских черт данного языка имеет тюркское (булгаро-огузское) происхождение и могло развиваться в нем по мере продвижения его носителей с Южного на Северный Кавказ, где было представлено соответствующее тюркское население, что позволяет усомниться в традиционном отнесении данного языка к северо-восточным (скифо-сарматским) [13: 515, 520, 526].

Вместе с тем следует отметить, что традиционная иранская этимология этнонима *alan*, в основе которой лежит возведение осет. *al-lon* — фольклорного этнического термина к др.-иран.*aryāna, даже с собственно иранистической точки зрения, до сих пор остается далеко не бесспорной [11: 101–102]. То же следует отметить и в отношении недавно высказанного суждения о нахском генезисе рассматриваемого этнонима, каковое при ближайшем рассмотрении также оказалось недостаточно убедительным [15: 78–80].

Кроме того, по данным Августина Алеманя [1: 27, 512, 516], лишь в I в. н. э. аланы становятся известными латинским (*Alānī*, позднее *Halānī*) и греческим (*Αλανοί*, где ^ˊ — знак тонкого придыхания, отвечающий лат. *h-*) авторам, что позволяет восстановить исходную форму *(*h*)*alan*. Кроме того, к числу наиболее ранних упоминаний рассматриваемого этнонима относят, по данным китайских источников (ок. 225–239 гг.), название царства Яньцай — *Алань* (архаическое *â-glân[-liôg]*), граничившего на западе с Римской империей. Оно еще в 25–55 гг. носило имя *Аланьяо* — Древнее *â-lân[-lieu]*.

С собственно тюркологической точки зрения, первый аффикс (*-liôg*)

может передавать тюркский суффикс *-lyu* с первичным значением «множественность, концентрация, совокупность предметов, выраженных производящей основой», второй (*-lieu*) — *-ly*, который не только образует относительные прилагательные, но и имеет местное (локативное) значение [24: 141, 149]. Оба аффикса имеют древнейший пратюркско-алтайский характер [26: 230]. Менее надежным представляется другой вариант, обнаруживающий близость к аналогичному башкирскому показателю местного падежа *-ла*, каковой связывался Дж. Г. Киекбаевым с подобным, на *-ла~ле*, тунгусо-маньчжурским формантом [28: 39–40].

Принимая во внимание, что обще-, межтюрк. *алан* имеет значение «ровная открытая и обширная местность» [23: 134–135], речь может идти о местности с преобладающим равнинным ландшафтом.

Соответственно, еще раньше, в царствование Мете (Модэ)-кагана (209–179 гг. до н. э.) периода расцвета Государства хунну, границы последнего включали Среднюю Азию и достигали Северного моря (Каспия), на берегу которого находилась земля *Алань-я* [3: 14–15]. По мнению других специалистов, основывающихся на материалах Чжан Цяня (ок. 138–126 гг. до н. э.), под Северным морем в данном случае можно понимать не только Каспий, но и Аральское море, где располагалось уже упоминавшееся царство Яньцай [1: 509, 512]. Известные попытки интерпретации его названия на иранском языковом материале, обосновывающие в частности возможность передачи *-ns->-rc-* [1: 514], не исключают возможности отражения в данном названии тюркского источника, ср.: обще-, межтюрк. *йа:н* ‘бок, (боковая) сторона’ [29: 113] + *сай*, имеющее в целом ряде тюркских языков значение «река (обычно пересыхающая время от времени из-за недостатка воды осенью и зимой)» [30: 159]. Возможно, под Яньцаем следует понимать соответствующую сторону древней долины Узбоя в северо-западной Туркмении, которая считалась античными (Геродот в V в. до н. э.) и средневековыми авторами протоком Аму-Дарьи, впадавшим в Каспийское море [4: 519, 520].

Все это может свидетельствовать о возможном наличии в данном регионе еще во II в. до н. э. (эпоха Мете (Модэ)-кагана) тюркоязычного населения в условиях преимущественно равнинного ландшафта выше-названных территорий. Не случайно в середине I в. н. э. аланы фиксируются латинскими и греческими источниками на соседних равнинных территориях — в Подунавье, Подонье и на Кавказе, где они жили первоначально около Танаиса (Дона) и Меотийского озера [19: 85] (Азовского

моря). И в этом названии получили отражение особенности ландшафта области их преимущественно равнинного проживания. Ср. в данном отношении связываемые с аланами и хазарами предания о мифических великанах-*алангасарах* (алано-хазарах или равнинных хазарах), завоевавших когда-то Поволжье, которые бытуют у народов Поволжья — татар, башкир, удмуртов и марийцев, а также у ногайцев, казахов и караимов [2: 15].

В последнем случае речь должна идти о пришедших именно с Северного Кавказа хазарах, завоевавших, как известно, такие равнинные области, как нижнее Поволжье и Дон, и бравших дань с древнерусского племени полян, что и отразилось в вышеупомянутом их названии. Причем в нынешнем Дагестане — области исходного распространения хазар, были известные и горные хазары, точнее, булгары [8], что указывает на достаточно давнюю дифференциацию тюркского населения региона на горных и равнинных — алан.

В известиях арабских авторов IX–XIII вв. (Ибн-Руста, ал-Белазури, Йакут, Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих) содержатся сообщения о наличии в этой области замка (области) *Ала:л и Гу:ми:к*, переданного Ануширваном царю *Сарира*, упоминаются также *Дарьял* — (Аланские) ворота (Баб-) и область *ал-Лан*. Причем в первой половине X в. царь алан и царь Серира были женаты на сестрах друг друга, а владение Гумик «жило в мире с царством Алан» [6: 168, 201, 204, 206, 237, 239; 27: 47, прим. 47, 48, прим. 63].

Причем Серир, по данным письма кагана Иосифа (ок. середины X в.), входил в число хазарских владений [7: 188, 203], также являясь собственно болгарской (тюркской) языковой областью [9: 64; 12: 59;]. Аналогично этнохороним *Гумик*, известный в пределах нынешнего Дагестана как самостоятельная государственная единица с VII в., является генетически болгарским и восходит к эндоэтнониму кумыков [см. 10].

Форма *Ала:л и Гу:ми:к* восходит к **ал-Лан-ва-Гумик* (здесь первая часть — *al-Lān* — считается заимствованной из новоперсидского и квалифицируется как неправомерная попытка вычленения артикля из этнонима *alān* [1: 28–29], что позволило прийти к выводу о возможности локализации области *ал-Лан-ва-Гумик* на стыке границ Сарира, Гумика и Алании [11: 102]. Это позволяет предполагать равнинное, соседнее Алании расположение равнинной (**Аланлы >*Алалы*) части Гумика с характерным для кумыкского языка развитием *n+l>ll* на стыке основы

и аффикса [24: 329], т. е. «Равнинный» Гумик — одна из областей исторического расселения кумыков в то время, как обе части Гумика (Гумик и ал-Лан-ва-Гумик) были известны в конечном счете с VII–IX вв.

Таким образом, у кумыков в историческом прошлом жители равнины могли именоваться **алаллы*, а позже нынешних дагестанских горцев стали называть *тавлу* «горный, горец», что используется в качестве самоназвания карачаевцами и балкарцами наряду с *аланла*, в котором, в отличие от кумыкского языка, сочетание *-нл-* сохраняется. Это может говорить об аналогичном различии двух вышеупомянутых групп населения, что может носить у обоих этносов достаточно давний, возможно, с болгарской эпохи характер, если допустить возведение аффикса *-ла* к болгарскому редуцированному репрезентату общетюрк. *-лы*, каковой известен в форме *-ла* в современном чувашском языке. Все это говорит о том, что подобным образом обозначалось равнинное болгарское население всего Северного Кавказа.

Была известна и вторая его группа с аналогичным болгарским ламбдоидным (пратюрк. **balk* ‘вершина, верхушка, макушка’) по происхождению названием — *балкъар* (болгары) досл. ‘горцы’ [14: 21]. Они, как уже было отмечено, упоминаются еще во II в. до н. э. Мар Абасом Котинной [21: 93]. Тем самым обозначалась дихотомия: не только болгарское равнинное — собственно *алан*, но и горное — болгарское — население (*балкар*).

На древнеболгарское происхождение рассматриваемого этнонима может указывать его возведение к пратюрк. **ala-n/*ala-η* «равнина, лужайка, открытое пространство, площадь» праалтайского уровня. Речь идет о его дунайско-болгарском варианте, в котором восстанавливается анлаутное **h-*, отвечающее реконструированной на основе греко-латинской фиксации (см. в предшествующем изложении) форме названия алан — **(h)alan* праалтайского характера [см. 17: 48–49].

Кроме того, в пользу предложенной этимологии рассматриваемого этнонима и отмеченной давности его бытования говорит и то, что «Врата (Ворота) аланов», т. е. Дарьяльский проход, «упоминаются в надписях Сасанидского царя Шапура I и его верховного мага Кирдира (243–273) на среднеперсидском языке *l n n*, парфянском *l nn*», где конечное *-n/-n* — показатель мн. ч. Сюда же примыкает в семантическом отношении как еще одно обозначение алан др.-русск. ЯСЫ (мн. ч.), ЯСИНЬ (ед. ч.), которое считается неясным по происхождению [1: 28, 469, 470, 33]. Од-

нако, как показал проведенный анализ, этот этноним восходит к обще-, межтюрк. *йасы* 'плоский' при известности в кумыкском формы *ясы авлакь* «обширная равнина» [11: 103–105], чем еще раз, но уже косвенно подтверждается тюркское происхождение этнонима *алан*.

Литература:

1. Алемань, Августи. Аланы в древних и средневековых источниках. — М.: Менеджер, 2003. — 608 с.
2. Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Поволжья. — М.: Наука, 1981. — 144 с.
3. Баскаков, Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М.: Наука, 1985. — 207 с.
4. Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1977. — 3-е изд. — Т. 26. — 624 с.
5. Броневский, С. Новейшая географическая и историческая известия и о Кавказе. — М.: В типографии С. Селивановского, 1823.
6. Гаджиев, М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана. — Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1996. — 462 с.
7. Гадло, А. В. Этническая история Северного Кавказа. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — 216 с.
8. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. Древняя Русь, Дагестан и горные хазары. К этимологизации и ареальной интерпретации нескольких булгаризмов древнерусского, дагестанских и иных языков // Языкознание в Дагестане. — 2005. — №8. — С. 92–101.
9. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. «Шеломы Оварьская» в «Слове о полку Игореве» и Дагестан. К истории древних взаимоотношений русского языка с языками Северо-Восточного Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. — 2008. — Вып. 4 (а).
10. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. Гумик ~ Гумук ~ Кумук средневековых источников: опыт историко-этимологической и ареальной интерпретации // Дагестанский востоковедческий сборник. — 2008. — Вып. 1. — С. 145–152.
11. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. Ал-ал (Алал?)-ва-Гумик восточных и ясы древнерусских и древнененгерских источников в контексте истории и лингвоэтногенеза кумыкского и других куманских народов Северного Кавказа, Дагестана и Восточной Европы // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии». — Карачаевск, 2010. — Т. I. — С. 98–107.

12. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказ и Дагестана с русским языком. — Махачкала: АЛЕФ, 2010. — 214 с.
13. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. Об одной из вероятных областей первоначального распространения нахско-дагестанских и осетинского языков, или еще раз о северокавказских аланизмах // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. — 2014. — Т. 10. — Ч. 1. — С. 515–534.
14. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. Сравнительный анализ болгаризмов языков венгерского, Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в историко-этимологическом и ареальном контексте // *Российская тюркология*. — 2014. — № 2 (11). — С. 20–26.
15. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. Вопрос о происхождении названий Алуан и алан в нахском языковом контексте // Тезисы докладов V Международной научной конференции «Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности». — Махачкала: ДНЦ РАН, 2016. — С. 78–80.
16. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. Кубанско-булгарский язык и его отношение к другим булгарским языкам в контексте вопроса об области их первоначального распространения // *Российская тюркология*. — 2017. — № 1–2 (16–17). — С. 47–54.
17. Дыбо, А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. — М.: Восточная литература, 2007. — 223 с.
18. Зеленчукская надпись // [Электронный ресурс] URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Зеленчукская_надпись... (Проверено 15.11.2021).
19. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. — М.: Наука, 1988. — 544 с.
20. Кызласов, И. Р. Где искать тюркскую прародину? Следы древнейших миграций тюркоязычных народов // Тезисы международного тюркологического симпозиума «Тюркский мир: история и современность». — Астана, 2011. — С. 18–21.
21. Лайпанов, К. Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов / К. Т. Лайпанов, И.М. Мизиев. — Черкесск: ПАО «ПУЛЬ», 1993. — 140 с.
22. Перевалов, С. М. Аланы // *Российская историческая энциклопедия*. — М.: ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2011. — Т. 1. — С. 220–221.

23. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1974. — 767 с.
24. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М.: Наука, 1988. — 560 с.
25. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М.: Наука, 2001. — 822 с.
25. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М.: Наука, 2002. — 767с.
26. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М.: Наука, 2006. — 908 с.
27. Шихсаидов, А. Р. Дагестанские исторические сочинения / А. Р. Шихсаидов, Т. М. Айтберов, Г. М.-Р. Оразаев. — М.: Наука, 1993. — 301 с.
28. Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). — Л.: Наука, 1977. — 191 с.
29. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. — М.: Наука, 1989. — 292 с.
30. Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Восточная литература РАН, 2003. — 446 с.

М. О. Деркачёва

Тюркский фольклорный анекдот

Аннотация: Фольклорные жанры тюркской литературы, в частности анекдотический жанр, являются предметом изучения филологов, литературоведов, поскольку считаются источником познания культурных особенностей и картины мира тюркских народов; исследователи могут отыскать в них огромное множество уникальных черт быта, изучить основные занятия и увлечения. В статье рассматривается многообразие тюркских анекдотов (анекдоты о «Бу Адаме», о Бекташи, о Ходже Насреддине и некоторые другие), сюжеты, которые раскрываются в них, и их основные герои.

Ключевые слова: : анекдотический жанр, картина мира, тюркские народы, «Бу Адам», Бекташи, Ходжа Насреддин.

М. О. Derkacheva

Turkic folklore anecdote

Abstract: Folklore genres of Turkic literature, in particular the anecdotal genre, are the subject of study of philologists, literary scholars, since they are considered a source of knowledge of the cultural characteristics and the picture of the world of the Turkic peoples, researchers can find a huge variety of unique features of life in them, study the main occupations and hobbies. In this article the variety of Turkic anecdotes (anecdotes about “Bu Adam”, about Bektashi, about Hodja Nasreddin and some others), their plots and their main characters are considered.

Key words: anecdotal genre, the picture of the world, Turkic peoples, “Bu Adam”, Bektashi, Hodja Nasreddin.

Прежде чем переходить к тюркским анекдотам, следует определить само понятие «анекдот». Анекдот — это фольклорный жанр, чаще всего небольшая смешная история, которая передается из уст в уста. Его используют в общении, рассказывают друг другу, желая развлечь собеседника и разрядить обстановку в компании, также, что немаловажно, его применяют для иллюстрации важности и злободневности тех или иных общественных проблем. В тюркских анекдотах основными объектами осмеяния являются лицемерие, развращенность и лихоимство, т. е. чрезмерная алчность.

Под тюркскими анекдотами подразумеваются анекдоты таких народов, как: азербайджанцы, гагаузы, казахи, каракалпаки, киргизы, татары, турки, туркмены, узбеки, уйгуры, хакасы, чувашаи, якуты и др. Изначально на тюркскую литературу и в том числе на составление анекдотов активным образом влияла арабо-персидская культура. Позже, приобретая свою специфику, сюжеты анекдотов связывались не только с конкретной исторической и географической средой и местными традициями, но часто и с новыми персонажами.

Турецкий городской анекдот (анекдоты о «Бу Адаме»)

Анекдоты о «Бу Адаме» — литературный памятник турецкой культуры. Буквально, с турецкого языка словосочетание “Bu Adam” переводится на русский язык, как «этот человек». Сохраненная автором анонимность главного героя позволяет ему помещать героя в различные жизненные ситуации, а также значительно увеличивает горизонт возможных происшествий, на фоне и по поводу которых герой высказывает собственное мнение и поступает тем или иным образом. Характер Бу Адама отличается широким многообразием личностных черт.

Все анекдоты об этом персонаже собраны в сборнике османского писателя-народника Мехмеда Тевфика. В большинстве анекдотов Бу Адам — простой бедняк. Язык сборника — чисто народный и иногда приближен к среднему стилю в описании и повествовании. В анекдотах не говорится о каких-то конкретных исторических событиях или знаменитых личностях. Несмотря на довольно безобидный характер анекдотов, элементов социальной сатиры было достаточно, чтобы сборник Мехмеда Тевфика некоторое время находился под запретом цензуры.

Нищета и бедность являются одними из центральных тем в книге Мехмеда Тевфика «Бу Адам», в которой автор передает в целом обстановку старой Турции, реалистически изображая ее. Беден и сам герой сборника, в ряде случаев он остается вовсе без средств к существованию, у него нередко нет работы, никаких доходов, он с трудом находит себе пропитание. Среди рассказов о «Бу Адаме» определенное место принадлежит так называемым «глупым» анекдотам. Нетрудно, однако, заметить, что эта «глупость» часто выполняет лишь роль своеобразного условного фона для осуждения и осмеяния различных человеческих слабостей или пороков. Многие анекдоты посвящены высмеиванию ряда человеческих пороков: лживости, пьянства, жадности, скупости, пустословия, а также хвастовства и назойливости.

В некоторых анекдотах можно заметить ироническое отношение к религии, религиозным канонам. Сам Бу Адам порой пренебрежительно относится к исламу, мусульманским религиозным догматам. Герой не соблюдает рамазан, когда предполагается соблюдение обязательного поста в священный месяц мусульманского календаря.

Говоря в целом о главном герое анекдотов Мехмеда Тевфика, стоит сказать, что по сравнению со многими другими героями тюркской анекдотической литературы, образ Бу Адама довольно демократичен. Его характер отличается многообразием личностных черт — как положительных, так и отрицательных. Его действия и действия окружающих его людей, их отношения к вещам и друг к другу заставляют читателя задуматься о правильности поступков и должном поведении в обществе.

Анекдоты о дервишах-бекташи

«На фоне официального исповедания — суннитского правоверия — по Малой Азии мелькали там и сям селения, жители которых уклонялись от общих норм, установленных шариатом» [2: 32]. Дервиш — мусульманский мистик (суфий), который ведет бродячий образ жизни. В учении дервишей существует множество школ и направлений. В турецкой народной литературе отдельное место принадлежит анекдотам о дервише Бекташи. «Надо заметить, что в Турции именно с «беспутным» дервишем-бекташи связывалось прежде всего представление об открытом богоульстве и профанировании святынь» [1: 11]. Можно сказать, что Бекташи выступает антагонистом по отношению к официальному исламу. С самого детства герой не совершает намаз (мусульманскую молитву) и не видит в этом никакой необходимости, не считает несовершенство намаза грехом. Он шутит и говорит, что молился последний раз двадцать лет назад на похоронах своего отца. У Аллаха он не просит ничего, кроме денег на еду, раки и расплату с долгами, которых у него очень много. Очень важная проблема — проблема социального неравенства в обществе — также поднимается в анекдотах о Бекташи. Он говорит о том, что Аллах несправедлив, кому-то он дает с избытком, а кому-то совсем ничего.

Анекдоты о Ходже Насреддине

Ходжа Насреддин — знаменитый фольклорный герой мусульманского Востока, персонаж небольших юмористических историй, анекдотов. Народная традиция, образы в анекдотах делают Ходжу Насреддина многоликим. «На современном типе ходжи Насреддина отложились два течения: религиозное и бедняцко-народническое» [3: 347].

На данный момент по всему миру существует множество вариантов происхождения этого литературного героя. Ходжа любил и природу, и шумную людскую толпу, что довольно типично для народов Ближнего Востока. Окружающие его люди (сельчане) часто приходят к Ходже за различными советами, просьбами, интересуются его собственным мнением о тех или иных вещах. То есть можно говорить о том, что в народе его уважают.

В некоторых анекдотах он ведет себя странно, порой кажется глупым, недалеким и простоватым. Так или иначе, основная черта характера героя — умение находить выход из любой ситуации (даже самой сложной). Может показаться, что он как бы играет роль простачка, что соответствует его порой неопрятному внешнему виду и одежде, однако в действительности он умен и расчетлив.

Помимо вышеупомянутых персонажей анекдотов тюркской литературы, у многих тюркских этносов есть собственные герои, часть из них совершенно уникальна, а некоторые похожи на образ Ходжи Насреддина. Алдар-Косе — это герой казахского фольклора. Алдар-Косе — не имя персонажа, а его прозвище, которое переводится как «безбородый обманщик». Скорее всего, герой вымышлен казахским народом. Имя Алдара-Косе знает не только каждый казахстанец, но и жители всей Средней Азии. Героя действительно любит народ, ему посвящены не только анекдоты, но и другие литературные произведения, фильмы и памятники. В анекдотах Алдар-Косе является сыном бедняка, пастуха Алдана, который пытается бороться за справедливость, отстаивать мнение простого народа. У многих грамотных людей в народе этот персонаж ассоциируется с героем английского фольклора Робинот Гудом, однако его оружием являются не стрелы и лук, а умение ловко использовать слово. Алдара-Косе можно назвать заступником бедных людей, а также добрым смельчаком. Почти во всех рассказах Алдар-Косе действует в одиночку, но все же в некоторых историях фигурирует также Жирен Шешен, его друг и сподвижник.

Апенди (или Афанди) — герой кыргызского фольклора. Феномен Апенди заключается в его характере. Он совмещает черты как афериста, философа и шутника, так и простачка, неудачника. Он ловко делает деньги из воздуха, но при этом часто сам остается голодным. Больше всего на свете Апенди не любит глупость и несправедливость. Многие исследователи отмечают сильное сходство данного героя с Ходжой Насреддином.

Уйгуры — тюркский народ, проживающий в Восточном Туркестане (ныне это восточная часть Казахстана и Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая). В уйгурском народном фольклоре есть комедийный персонаж наподобие турецкого Ходжи Насреддина или кыргызского героя Апенди — остроумный хитрец Афантьи (Насреддин Апанди). Часть анекдотов совершенно идентична тем, что сочинены о Ходже Насреддине.

В некоторых анекдотах тюркских народов присутствует такой персонаж, как Каракуш. В рассказах он выступает в роли везира. «Это тупоумный и упрямый правитель, поставленный вершить суд над людьми» [1: 44].

Ахмет Ахай — яркий персонаж крымскотатарского фольклора. Анекдоты о нем распространены лишь на Крымском полуострове, который находился под влиянием Османской империи на протяжении нескольких веков. Многие исследователи и литературоведы указывают на влияние турецкого Ходжи Насреддина на Ахмета Ахая и схожесть сюжетов и ситуаций, описываемых в анекдотах.

Через юмор люди стремятся обратить внимание на общественные проблемы, тюркские народные герои воплощают в себе все самые яркие черты человеческого характера, чем вызывают к себе чувство симпатии. Значение анекдотов действительно велико, и очень важно продолжать заниматься изучением этого жанра народной литературы. Анекдоты, безусловно, важны, так как юмор и смех необходимы человеку во многих жизненных ситуациях.

Литература:

1. Бекташи и другие. Турецкие короткие народные рассказы / Сост. и пер. с турецкого Р. А. Аганин. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972. — 127 с.
2. Гордлевский, В. А. Дервиши-безбожники // Гордлевский, В. А. Избранные сочинения. Т. 3. — М.: Изд-во восточной литературы, 1962. — С. 33–37.
3. Гордлевский, В. А. Ходжа Насреддин // Гордлевский, В. А. Избранные сочинения. Т. 2. — М.: Изд-во восточной литературы, 1961. — С. 337–349.

М.Э. Дубровина

Субстантивные указательные местоимения в турецком языке как маркеры наличия криптотивной семантики у имен существительных

Аннотация: В статье рассматриваются указательные местоимения с субстантивной семантикой. В сферу исследовательского интереса попадают противопоставленные местоимения *bu* и *burası*, *o* и *orası*. Автором проводится попытка выявить их значение и функциональное применение в речи. В результате анализа делается вывод, что эти местоимения выступают в качестве выразителей скрытой семантики, которая присутствует в лексическом значении имен существительных. Тем самым они помогают осознать необходимость выделения среди имен существительных тех, которые обладают скрытой семантикой, связанной с обозначением пространства.

Ключевые слова: тюркология, местоимения, демонстративы, скрытые категории, криптотив.

M.E. Dubrovina

Substantive demonstrative pronouns in Turkish as markers of the presence of hidden semantics in nouns

Abstract: The article deals with demonstrative pronouns with substantive semantics. The opposable pronouns *bu* and *burası*, *o* and *orası* fall into the sphere of research interest. The author attempts to identify their meaning and functional application in speech. As a result of the analysis, it is concluded that these pronouns act as expressions of hidden semantics, which is present in the lexical meaning of nouns. Thus, they help to realize the need to distinguish among the nouns those that have hidden semantics associated with the designation of space.

Key words: Turkology, pronouns, demonstratives, hidden categories, cryptotiv.

В ходе анализа турецких речевых высказываний исследователя привлекает довольно развитая система местоимений. Можно констатировать, что даже в чисто количественном отношении этот класс лексем в турецком языке значительно богаче, чем в европейских языках. Турецкие местоимения представляют собой хорошо структурированную по

семантическим разрядам многочисленную группу лексем, каждая из которых имеет свою и зачастую непривычную с европейской точки зрения семантику, а также широкое функциональное поле в речи. Необходимо заметить, что как в плане номенклатуры, так и в семантическом отношении, турецкие местоимения едва ли могут иметь аналоги в сравнении с местоимениями других языков и, прежде всего, русского.

Однако несмотря на свое своеобразие, местоимения и связанные с ними вопросы в качестве самостоятельной темы для исследований стали входить в сферу интересов ученых-тюркологов лишь в последние десятилетия [5]. Насколько становится понятным из обзора специальной литературы, отечественные тюркологи касались этой темы довольно бегло, лишь в связи с описанием строя различных тюркских языков [2; 6]. Вследствие описательного подхода, который являлся доминирующим в этих работах, местоимения не подвергались детальному анализу ни с точки зрения их языкового значения, ни с позиций выявления их полного состава. Именно функционально-семантический подход позволил по-новому взглянуть на эти лексические средства и, прежде всего, на их предназначение в языковой системе. Так, В. Г. Гузев, продолжая традиции семантического подхода к частям речи, вслед за Л. В. Щербой, акцентирует внимание на ту особенность в значениях местоимений, которая объединяет их в одну часть речи, в один лексико-грамматический класс. По словам ученого: «Местоимения — лексические единицы, которые как и существительные, прилагательные, наречия и числительные причастны к классифицирующим грамматическим значениям, но отличаются от этих классов тем, что непосредственно не называют предметы, признаки, обстоятельства и количества, а передают их опосредованно» [1: 52–53]. Исходя из этого определения значения, логичным выглядит и та классификация самих местоимений, согласно которой они прежде всего подразделяются не на личные, указательные и т. д., как это делается традиционно, а на предметные (субстантивные), определительные (атрибутивные), обстоятельственные (адвербиальные) и количественные (нумеральные). Такое разделение связано с тем частеречным значением, на которое местоимения *опосредованно указывают*, и функционально сближает их с такими частями речи, как имена существительные, прилагательные, наречия и числительные. Тем не менее внутри субстантивных, адъективных и т. д. разрядов местоимений можно выделить личные, указательные, неопределенные, вопро-

сительные и т. д. местоимения, т. е. те группы, которые обнаруживают практически все специалисты.

Целью настоящего исследования являются указательные местоимения. При анализе турецкой речи исследователь начинает обращать внимание на интересные с точки зрения не носителя турецкого языка факты употребления этих демонстрационных прономинативов. Речь идет, прежде всего, об указательных местоимениях, которые используются в высказываниях, типа:

Это что? — Это шкаф.

В турецком языке можно выделить три базовых указательных местоимения: *bu*, *o*, *şu*, которые могут опосредованно передавать как информацию о предмете и входить в группу субстантивных местоимений, так и информацию о признаке, включаясь таким образом в группу определительных местоимений. В речевых высказываниях они соответственно способны выступать как в субстантивной функции (примеры 1, 2, 3), так и в атрибутивной (примеры 4, 5, 6):

1. *Bu kitap.* — «*Это — книга.*»

2. *O pencere.* — «*То — окно.*»

3. *Şu kalem.* — «*Вот это — ручка.*»

4. *Bu kitap ilginç.* — «*Эта книга — интересная.*»

5. *O pencere temiz.* — «*То окно — чистое.*»

6. *Şu kalem kırmızı.* — «*Вот эта ручка — красная.*»

Настоящее исследование касается исключительно субстантивной функции. Несмотря на то, что эти лексемы неоднократно подвергались лингвистическому анализу [5], не все темы, связанные с их семантикой, функционированием и местом в языковой системе, оказались успешно изученными. Увидеть особенности их употребления легче всего оказывается не носителю турецкого языка, так как их конкретное функционирование в речи помимо опоры на свое языковое значение — опосредованно указывать на предмет, речевого-дейктического — соотносить предметы по их положению относительно говорящего и слушающего, имеет еще одно указание, *практически никем из ученых не сформулированное*. Именно на эту тонкость хочется обратить внимание в ходе настоящего исследования.

В простых именных предложениях местоимения *bu*, *şu* и *o* выступают в качестве подлежащего, имея значения «*это*», «*вот это*», «*то*». В целях экономии времени и особенностей значений, не имеющих отно-

шения к данной работе, ограничимся рассмотрением только двух местоимений *bu* и *o*.

Так, говорящий на турецком языке для передачи значения «это» может кроме приведенного выше местоимения *bu* употребить также однокоренное местоимение *burası*, для выражения значения «то», «там» вместо местоимения *o* — местоимение *orası*, в значении «вот это», «вот то» вместо *şu* — *şurası*. Однако наличие таких местоимений, как *burası*, *orası*, *şurası*, которые представляют собой также указательные субстантивные местоимения, употребляющиеся в высказывании в позиции подлежащего, наталкивают исследователя на мысль о необходимости изучения параллельных употреблений этих лексем.

Рассмотрим примеры:

1. *Bu ne ? — Bu sandalye. — «Что это? — Это стул».*

Burası ne? — Burası restoran. — «Что это? — Это ресторан».

2. *Bu pencere. Bu pencere (bu) küçük ve kirli. — «Это окно. Это окно (оно) маленькое и грязное».*

Burası koridor. Bu koridor (burası) dar ve kirli. — «Это коридор. Этот коридор (он) маленький и грязный».

3. *O ne? — O dolap. — «Что там? — Там шкаф».*

Orası ne? — Orası park. — «Что там? — Там парк».

4. *Dolap nasıl? — O güzel. — «Шкаф какой? — Он красивый».*

Park nasıl? — Orası güzel. — «Парк какой? — Он красивый».

5. *Elma nerede? — O büyük bir tabakta. — «Где яблоко? — Оно на большой тарелке».*

Gar nerede? — Orası şehrin merkezinde. — «Где вокзал? — Он в центре города».

6. *Harita büyük mü? — Hayır, o büyük değil. — «Карта большая? — Нет, она не большая».*

Navalimanı büyük mü? — Hayır, orası büyük değil. — «Аэропорт большой? — Нет, он маленький».

7. *Burası hastane mi? — «Это больница?»*

Hayır, burası hastane değil. Burası küçük bir eczane. Hastane orası. — «Нет, это не больница. Это маленькая аптека. Больница там».

Bu kalem mi? — Hayır, bu kalem değil. — «Это ручка? — Нет, это не ручка».

Bu kurşun kalem. Kalem o. — «Это карандаш. Ручка там (то)».

8. *Orası soğuk mu? — Hayır, orası sıcak. Orası Fas. — «Там холодно? — Нет, там жарко. То место — Марокко».*

9. *Burası Antalya mı? — Hayır, Antalya değil. Burası Adana. Burası çok güzel. — «Это Анталия? — Нет, это не Анталия. Это Адана. Здесь очень красиво».*

Как известно, понятийные категории в разных языках могут иметь различные способы выражения. Так, существует морфологический способ, при котором служебная информация, т. е. различные грамматические значения, передаются в языке посредством специальных маркеров-морфем. Однако помимо эксплицитного способа выражения информации в каждом языке присутствуют имплицитные способы, которые обычно соотносят с различными скрытыми категориями. Скрытые категории (криптотипы) противопоставляются явным, или открытым, категориям (фенотипам). Обычно скрытые категории относят к сфере грамматики, когда предполагается, что именно грамматические значения могут выражаться не посредством специальных морфем, а какими-то дополнительными средствами. Сам термин *криптотип* был предложен Б. Л. Уорфом в 1936–1938 гг. [7: 47] в связи с его наблюдениями над индейскими языками, резко отличными от европейских языковых систем, а впоследствии получил распространение в ряде грамматических теорий, ориентированных на содержание, в первую очередь — в концепции «скрытой грамматики» С. Д. Кацнельсона для объяснения многих грамматических явлений. [3: 78–94].

Тем не менее едва ли можно утверждать, что в языке только грамматические значения могут выражаться имплицитно. Так, в отечественной науке существует позиция, относительно которой скрытые категории могут соотноситься с лексическими значениями. Скрытые категории — это «семантические» и синтаксические признаки слов или словосочетаний, не находящие явного (эксплицитного) морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания, в частности потому, что они оказывают влияние на сочетаемость данного слова с другими словами в предложении [4: 457–458].

В турецком языке в разделении субстантивных указательных местоимений на две группы, типа *bu* и *burası* можно видеть также стремление выразить не только опосредованную соотнесенность с предметом, но и дополнительную семантику. Возможно, эти местоимения необходимо отнести к средствам выражения *скрытой информации*, но не грамматической, а лексической, заключающейся в дополнительной характеристике того предмета, о котором опосредованно идет речь. О какой семанти-

ке здесь может идти речь? На наш взгляд, посредством этих местоимений можно провести деление имен существительных на две группы. В первую группу войдут те существительные, которые означают любые одушевленные или неодушевленные предметы, не представляющие собой какие-либо места или пространства в окружающем мире. Эти имена существительные в речи будут замещаться местоимениями *bu, şu, o*. Вторая группа — существительные, обозначающие любые предметы окружающего мира, которые соотносятся с пространствами или тем, что можно ассоциировать с понятием «место». В речи такие существительные способны замещаться местоимениями *burası, şurası, orası*.

Таким образом, в турецком языке эти местоимения в субстантивной функции являются выразителями не только своих первичных языковых значений — опосредованно указывать на некий денотат, но и несут в себе некую дополнительную информацию, позволяющую коммуникантам определить принадлежность опосредованно называемого предмета к той или иной семантической группе предметов.

Благодаря анализу указательных местоимений в турецком языке становится возможным выделить в отдельную группу имена существительные с так называемой пространственной семантикой. Это лексемы, которые означают любые «места» и «пространства», среди которых 1) наименования всех помещений внутри зданий, 2) наименования всех типов зданий с их специализацией (музей, почта, вокзал, аптека и т. д.), 3) лексемы, означающие объекты внутри города (улица, проспект, площадь, сквер, бульвар, перекресток), 4) наименования населенных пунктов, в том числе сами названия городов и стран, а также 5) лексемы со значениями любых географических объектов, которые могут включать в себя:

- а) гидронимы — лексемы для наименования водных объектов (океанов, морей, озер, рек);
- б) лексемы для наименования рельефа (гор, скальных участков);
- в) лексемы для наименования растительности (леса различных типов, парки и т. п.);
- г) лексемы для наименования земель сельскохозяйственного назначения (поля, огороды, сады).

Литература:

1. Гузев, В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя: На материале староанатолийско-тюркского языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. — 165 с.

2. Дмитриев, Н. К. Краткий очерк башкирской грамматики // Русско-башкирский словарь. — М.: АН СССР, 1948. — 229 с.
3. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972. — 217 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
5. Напольнова, Е. М. Указательные местоимения в турецком языке // Урало-алтайские исследования. — 2014. — № 1. — С. 67–74.
6. Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. — М.: Наука, 1986. — 302 с.
7. Уорф, Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972. — С. 44–60.

А. В. Жевелева, И. И. угли Юсупов

**Две тысячи богачей Стамбула:
нувориши военного времени**

A. V. Zheveleva, I. I. ugli Yusupov

**Two thousand Rich People of Istanbul:
the Nouveau Riche of Wartime**

В 1946 г. увидело свет произведение турецкой романистки Халиде Эдип Адывар «Бесконечная ярмарка» («Sonsuz pazardır»). Роман считается одним из последних произведений, в котором реалистично отражена повседневная жизнь стамбульцев в период Второй мировой войны. Сама романистка описывала «Бесконечную ярмарку» не как роман, а скорее как социологическое исследование или философский труд, который включает в себя критический подход к турецким обычаям и образу жизни турок в военный период. Роман повествует о неблагоприятном влиянии Второй мировой войны даже несмотря на объявленный Турцией нейтралитет. В произведении речь идет о денежном и товарном дефиците, оживлении черного рынка, росте бедности среди простого населения. При этом, пока простой турецкой народ выживал с трудом, в Стамбуле можно было наблюдать процесс появления турецких нуворишей, которых Халиде Эдип называет «Две тысячи» (İki Binler), сообщая, что именно такое количество новых богачей появилось в городе во время Второй мировой войны.

Доклад представляет собой исследование путей обогащения нуворишей Стамбула военного времени. Правительству Турции времен Второй мировой войны удалось не только удержать страну от вступления в опасную военную авантюру, но и сохранить торговые отношения с большинством своих партнеров. В военное время страна с выгодой для себя сбывала за границу стратегическое сырье: хлопок, зерно, табак, хром и пр. Параллельно с этим процессом на внутреннем рынке ощущалась нехватка товаров первой необходимости, что закономерно привело к возникновению черного рынка и оживлению спекуляционной торговли. В условиях военного времени правительство также прибегало

к экстренным мерам, в частности в ноябре 1942 г. турецкий парламент принял Налог на имущество, который в очередной раз пошатнул позиции инациональной буржуазии. В результате все вышеперечисленные процессы способствовали развитию национальной экономики Турции, которая вышла на новую фазу своего развития после окончания Второй мировой войны. Значимыми акторами в развитии турецкой экономики стали уже не только «старые» турецкие предприниматели, начавшие свою деятельность еще в османский период, но и новые богачи Стамбула, которым удалось воспользоваться сложившейся в военное время ситуацией.

Г. З. Закирзянова

Особенности медицинской лексики татарского языка XIX века: на примере русско-татарских и татарско-русских словарей

Аннотация: Двухязычные татарско-русские и русско-татарские словари XIX в. служат ценным источником для изучения развития и изменения медицинской терминологии в татарском языке на протяжении всего XIX века. В каждом словаре имеет место лексика, указывающая на органы, различные заболевания, состояние здоровья организма человека, что в свою очередь является ярким примером татарской речи исследуемого периода.

Ключевые слова: медицинская терминология, лексика татарского языка, словари XIX века.

G. Z. Zakirzyanova

Features of the medical vocabulary of the Tatar language of the 19th century: on the example of the Russian-Tatar and Tatar-Russian dictionaries

Abstract: Russian-Tatar and Tatar-Russian dictionaries of the XIX century are a valuable source for studying the development and changes of medical terminology in the Tatar language throughout the XIX century. In each dictionary there is a vocabulary indicating organs, various diseases, the state of health of the human body, which in turn is a vivid example of the Tatar speech of the period under study.

Key words: medical terminology, vocabulary of the Tatar language, dictionaries of the XIX century.

В большинстве языков история лексикографии начинается прежде всего с переводческих словарей. История их изучения служит надежным источником для составления словарей и сравнительных исторических словарей тюркских языков, особенно ценным лексическим материалом для наблюдения за развитием лексики языка. Сбор и исследование лексических единиц и названий частей тела, имеющих место в переводческих словарях XIX в., — чрезвычайно актуальный вопрос в изучении

медицинской терминологии вышеназванной эпохи — периода начала ее формирования и становления.

История медицинской терминологии уходит своими корнями в глубокую древность, однако истоки ее формирования как науки берут начало лишь в XIX в. Большую роль в процессе ее формирования играют русско-татарские и татарско-русские переводческие словари.

Объемы словарей XIX в. разнообразны, но они отражают богатство татарского языка. Они являются ценным лексическим материалом для наблюдения за тем, как развивался и видоизменяется лексический состав терминов татарского языка сферы здравоохранения. Лексические единицы в составе переводческих словарей XIX в. способствуют формированию медицинских терминов той эпохи, исследованию состояния, развития терминологии, тематическому разделению терминов, определению их происхождения и отношения к современному литературному языку и диалектам, а также лингвистическому анализу терминологии в целом.

Лексические единицы, относящиеся к области здоровья, собранные в переводческих словарях XIX в., можно поделить на несколько тематических групп:

1. *Названия человеческих органов и частей тела, а также анатомо-физиологические термины:* кюксэ, кюкрякъ (грудь), бухуртакъ (кадык), бэдэн (тело), бөйрәкъ (почка), агыз (рот), эл (рука), мүца (туловище), бала йаткылык (матка), эйек (плечо).

2. *Названия заболеваний:* инһраф (болезнь), зянге (цынга), тилчэ (рак), тамля (апоплексия), бума каста (падучая болезнь), тир кастасы (тифозная горячка), француз авыруы (сифилис), фалыж (паралич), агъ бугунь (болезнь червей).

3. *Методы лечения:* ушкюрюпъ кань туктатмакъ (заговорить кровь), яра йиткүзмәкъ (заживить рану), паджамат (кровь пустить), чычяк чыгару (оспопрививание), тэшрих кылмак (анатомировать).

4. *Лица, принимающие участие в процессе лечения:* мәгъжүнче, даругяръ башы, дарыу сагучы (аптекарь), хэким (медик), эбей (акушерка), имче, багучы (знахарь), ликяр, лекар (лекарь), кендек эбейсе (повитуха), фершал (фельдшер), төзэтүче (целебник), джеррах (хирург).

5. *Наименования физических отклонений:* ядъсез, хатырьсез (беспмятный), мүкре киши (горбатый), майрыкъ (косоногий), титак, аксакъ (хромой), билтэк (заика, косноязычный), мәгъбуб, зэгыйф (изувеченный), янчык бурун (курносый), күрә карау (близорукость).

6. *Кожные заболевания:* бирчяю (мозоль), тимрәү (лишай), чабру, сыткыч (прыщ), чуван (чирей), кырмызы (сыпь), чебичке (болячка, пупырешек), цирешь (морщина).

7. *Физиологические состояния:* кумарь, макморь (болезнь от пьянства), дямь (одышка), күзкү (рвота).

8. *Средства оздоровления:* балтакь, таяк (костыль), пимарьханә (лазарет), ягма (мазь), зянбүль (носилки), айнякь, күзлек, чешмек (очки), гыйляж (рецепт).

9. *Вредные организмы:* борчя (блоха), бет (вошь), чыуалчан, суалчан, эчтәге корт (глиста), серкя (гнида).

10. *Продукты выделения:* эрен, урюнь, үлек (гной), күзкү (рвота), селәгәй (слюна), сеңермак (сопли), яшь (слёзы), кан агу (кровотечение).

Лексика исследованных словарей свидетельствует о том, что в татарском языке в то же время имели место заимствованные из разных языков слова. Они занимают значительное место наряду с общетатарской словарной лексикой.

Например, в переводческих словарях XIX в. следующие медицинские термины представлены на арабском языке: дару ханясе — аптека; даругярь башы — аптекарь; сихать сяламеть — доброе здравие; димь — дыхание; шифа — исцеление; табип — лекарь. Однако арабские заимствования появились в татарском языке не только непосредственно из арабского языка: большая их часть пришла из персидского. Поэтому такие слова добавляют языку семантические и фонетические особенности персидского языка. К медицинским терминам персидского происхождения, использовавшимся в переводческих словарях XIX в., относятся: пимарь ханя — лазареть; тирь — поть; тимар — лечение; димаг — мозгочек в виске.

Следует отметить, что многие арабо-персидских заимствования в настоящее время перешли в нормативную лексику и активно используются в качестве медицинских терминов: дару (перс.), даруханә (перс.), яшь (перс.), хаста (перс.), сырхау (перс.), тир (перс.); зиһен (араб.), шифаханә (араб.), табиб (араб.), жәрәхәт (араб.), дәва (араб.), тән (араб.), сәламәтлек (араб.), матдә (араб.).

В группе медицинских терминов словарей XIX в. зафиксированы и русские заимствования, активно использовавшиеся в языке. Эти слова в основном фонетически адаптированы к татарскому языку. Например: балсян — бальзам; ликар — лекарь, врач; пластыр — пластырь;

пляш — плешивый; фершал — фельдшер; чакутка — чахотка; зянге — цынга и др. По сравнению с другими словарями А. Воскресенский и Н. Остроумов в своих трудах представили больше заимствованной лексики. Это явление могло быть связано с их основной деятельностью, тем, что они были представителями миссионерского движения. В словарях же И. Гиганова и Н. Юнусова собраны русские заимствования, хорошо освоенные и укоренившиеся в татарском языке.

Интересны как история, так и значение слов, вошедших в русский язык. Например, слово «аптека» вошло в русский язык в XVI в. из польского. Польский язык заимствовал его из латинского, а латинский — из греческого языка. Первоначальное значение — «кладовая, склад». Таким же образом позволяет нам проанализировать течение слов из разных языков, переход их из уст в уста представителей разных народов словарь Л. Будагова. Например, слово «госпиталь» заимствовано из итальянского языка в турецкий (испиталия), а русский язык перенял его из турецкого языка. Также слово «элексир» совершает переход из греческого языка в арабский (элэксир), а из арабского языка попадает в татарский.

Особое значение в освоении европейской медицинской терминологии имеют переводческие словари Каюма Насыри. В своем переводческом словаре 1892 г. ученый представил раздел «иностранные слова», где он переводит ряд европейских терминов. Однако эти переводы состоят не из отдельных слов, а из выражений и выражений в виде толкований. Автор дает толкование 93 медицинским единицам, таким как адемония, азоогения, акразия, аконитин, акремония, анатомия, ангиография, апоплексия, гельминтология, гематопатия, диафрагма, катаракта, медикамент, оптика и др. Например: хлороформ — лекарство, отнимающее чувствительность; диафрагма — пелена между животом и грудью.

Таким образом, К. Насыри пропагандировал распространение на татарском языке наименований передовой медицинской науки XIX в. И сегодня результаты этой деятельности очевидны, т. е. названия, собранные К. Насыри, нашли свое место в современной медицинской терминологии как отдельные лексические единицы. Например: адамово яблоко — бугаз төене; апоплексия — кан саву; катаракта — күз хрусталигы тоныклану; эпидемия — кизү.

Определенная часть терминов, зафиксированных в словарях, перешла в пассивную лексику, а отдельная часть вообще не используется в

современном татарском языке. Более всего это касается слов арабо-персидского происхождения. Смысл некоторых из них изменился, а некоторые слова не используются в литературном языке и сохранились только в диалектах-говорах. Лексическое богатство словарей имеет много общего с современными диалектологическими словарями. Например, слово «кукся» из словаря XIX в., обозначавшее тогда «грудь» сейчас активно используется в говорах мензелинских, заинских и заказанских кряшен в качестве наименования таких заболеваний, как «чахотка», «астма», «коклюш».

Однако некоторые из слов, относящихся к пассивной лексике, имеют возможность войти в состав современной медицинской терминологии. Это связано с тем, что современный татарский литературный язык не имеет собственных слов, которые можно использовать на уровне термина.

Литература:

1. Будагов, Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: В 2 т. — СПб., 1869. — Т. 1. — 820 с.; 1871. — Т. 2. — 416 с.
2. Воскресенский, А. Полный русско-татарский словарь. — Казань, 1894. — 370 с.
3. Гиганов, И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском народном училище учителем татарского языка, священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованные. — СПб.: Тип. АН, 1804. — 682 с.
4. Зелинский, С. Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. — Тифлис: Тип. М. Д. Ротинианца, 1889. — 165 с.
5. Иманаев, М. Русско-татарский (орфографический) словарь ко второй части учебной книги «Русское слово», составленной для русско-татарских, башкирских школ и русских классов при мектебах и медресе. — Казань: Тип. Б. Л. Домбровского. — 1901. — 46 с.
6. Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом. — Казань: Тип. М. А. Гладышевой, 1882. — 55 с.
7. Кукляшев, С. Словарь к татарской хрестоматии, составленный С. Кукляшевым. — Казань, 1859. — 106 с.
8. Лазарев, Л. М. Турецко-татарско-русский словарь наречий: османско-

- го, крымского и кавказского, с приложением краткой грамматики. — М., 1864. — 336 с.
9. Насыри, К. Татарско-русский словарь. — Казань, 1878. — 120 с.
  10. Насыри, К. Полный русско-татарский словарь, с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины. — Казань, 1892. — 263 с.
  11. Остроумов Н. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещённых татар Казанской губернии / Н. Остроумов. — Казань: Тип. ун-та, 1876. — 146 с.
  12. Остроумов Н. Татарско-русский словарь / Н. Остроумов. — Казань: Тип. ун-та, 1892. — 246 с.
  13. Троянский А. Полный русско-татарский словарь: В 2 т. / А. Троянский. — Казань, 1833. — Т. 1. — 629 с.; 1835. — Т. 2. — 340 с.
  14. Юнусов И. Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений, составленный учителем русского класса при Чистопольском городском медресе Юнусовым / И. Юнусов. — Казань: Тип. Братя Каримовы, 1900. — 164 с.

Ш. Н. Камалова

Средства выражения обстоятельства цели в языке древнетюркских памятников и в азербайджанском языке

Обстоятельственная синтаксическая форма — разновидность атрибутивной формы, которая состоит из обстоятельственного уточняемого и обстоятельства.

Одно из логико-смысловых значений обстоятельственных форм — обстоятельства цели.

Общее значение модели обстоятельств цели состоит в том, что ситуация, описываемая зависимой предикацией, осуществляется с целью вызвать наступление ситуации, описываемой главной предикацией. В сравнении с современными тюркскими языками в языке древнетюркских рунических памятников обстоятельства цели употребляются мало и сильно отличаются по способу выражения. В турецком языке обстоятельства цели выражаются дательным падежом; послелогоми *için, üzere, yoluna/ yolunda*; союзным словом *diye, -mak maksadile, -ma*; союзом *ki*. А в азербайджанском языке используется инфинитив и инфинитный оборот с направительным падежом; послелогоми *üçün, ötrü*; вопросительными словами *niyə? Nə üçün? Nədən ötrü? Nə məqsədlə?*; союзными словами *deyə*; изафетом, которые во второй части слова *məqsəd, uğur, yol, niyə, bəhanə*.

В нашем докладе мы подробно рассматриваем средства выражения обстоятельства цели в древнетюркском и азербайджанском языках.

Литература:

1. Мельников, Г. П. Рецензия на кн. Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сиНаука, 1138.
2. Мельников, Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. — М.: Наук 1969. — С. 63–67.

З. Н. Кириллова

Русские заимствования в говорах крещеных татар

Аннотация: Данная работа посвящена исследованию заимствований из русского языка в говорах кряшен — этноконфессиональной группы татар Поволжья и Приуралья. В их говорах довольно большое место занимают русские заимствования, которые до начала XX в. подверглись фонетическим изменениям. В отдельные группы выделяются названия христианских праздников и обычаев, а также личные имена кряшен.

Ключевые слова: кряшены, крещеные татары, говоры, русские заимствования.

Z. N. Kirillova

Russian borrowings in the dialects of Christian Tatars

Abstract: This work is devoted to the study of borrowings from the Russian language in the dialects of the Kryashens, the ethno-confessional group of Tatars of the Volga region and the Urals. In dialects, Russian borrowings occupy a rather large place, which until the beginning of the 20th century underwent phonetic changes. The names of Christian holidays and customs, as well as personal names of Kryashens, stand out in separate groups.

Key words: Kryashens, Christian Tatars, dialects, Russian borrowings.

Кряшены или крещеные татары — этноконфессиональная группа в составе татар волжского и уральского регионов [4], очень своеобразная и с научной точки зрения недостаточно изученная [5: 108].

Большинство крещеных татар проживает в Республике Татарстан, небольшие группы — в соседних республиках и областях: в Башкортостане, Удмуртии, Челябинской, Самарской и Кировской областях. Таким образом, отдельные группы кряшен находятся на довольно большом расстоянии друг от друга, относительно изолированы. Они отличаются по быту, обычаям и некоторым языковым особенностям от татар-мусульман, а также различаются и между собой.

Согласно традиционной и наиболее обоснованной точке зрения на проблему возникновения кряшен, формирование этой группы как самостоятельной общности происходило длительное время при участии раз-

личных этнических групп, в первую очередь тюркского и финно-угорского происхождения [2: 15, 19]. Данная точка зрения подтверждается также и языковыми особенностями крещеных татар.

Лексика говоров кряшен в основном совпадает с общетатарской лексикой, однако есть специфические особенности, отличающие эти говоры от татарского литературного языка и его диалектов. Наличие этих особенностей обусловлено относительно изолированным развитием говоров кряшен от остальных этнографических групп татарского народа [1: 129].

В говорах крещеных татар отдельное место занимают заимствования из других языков. Большую часть среди них составляют русские заимствования. Как и в татарском литературном языке и в диалектах татарского языка, русские слова, заимствованные до начала XX в., подверглись сильным изменениям и подчинены закономерностям татарского языка. Например: *рожь* — *арыш*, *соха* — *сука*, *мох* — *мук*, *бревно* — *бүрэнә*, *солома* — *салам*, *озимые* — *уңым*, *решётка* — *эрәштәкә*, *скирда* — *эскерт*, *капуста* — *кәбестә*, *творог* — *тугарук*, *варенье* — *баринжә*, *печенье* — *пичинжә*, *насилу* — *начылый*, *шарф* — *шарып*, *племя* — *пеләмә* и др. Как видно из примеров, при заимствовании русских слов имели место добавление гласного звука в начало либо середину слова, выпадение конечного гласного, палатализация твердых гласных, а также звуковые соответствия х~к, ф~п, ж~ш, з~ж и т. д.

В говорах крещеных татар довольно много заимствованных слов, относящихся к обычаям и праздникам христианства. Например: *рождество* — *раштуа/раштыва*, *пасха* — *паскы*, *петров день* — *птырау* / *птрау*, *ильин (день)* — *элжин (көн)*, *поп* — *пуп*, *поминки* — *пуминка*, *венчать* — *минчәт* и т. д.

В кряшенских говорах особенность употребления русских заимствований ярко выражена в личных именах. Русские имена в разговорной речи уподобляются татарскому произношению и подвергаются различным звуковым изменениям. Например: *Катя* — *Кәтук*, *Павел* — *Пауал*, *Николай* — *Микулай*, *Максим* — *Мәкчем*, *Пелагея* — *Палук*, *Осип* — *Учып*, *Оля* — *Үлүн* и т. д. У кряшен многие личные имена используются в нескольких вариантах, за счет аффиксов -кай/-кәй, -ка/-кә, -кый/-ки, -ый/-и, -ай/-әй, -уш/-үш, -ук/-үк таких вариантов становится еще больше: *Евдокия* — *Әудеки*, *Аудыкай*, *Аудый*, *Аудатья*, *Аудук*; *Михаил* — *Микайла*, *Микуш*, *Микай*, *Микәй*; *Наталья* — *Наталжә*, *Натай*, *Натка*, *Натуш*, *Натуша* и др. [3: 68–69].

В заключение можно сказать, что основу лексического состава говоров крещеных татар составляют тюркские слова, в то же время употребляются и русские заимствования, подверженные звуковым изменениям, среди которых выделяются названия христианских праздников и обычаев, а также личные имена кряшен.

Литература:

1. Баязитова, Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. — М.: Наука, 1986. — 248 с.
2. Кириллова, З. Н. Керәшеннәрнең килеп чыгышы мәсьәләсенә карата // Кряшенское историческое обозрение. — 2015. — № 1. — С. 14–19.
3. Кириллова, З. Н. Древнетюркские слова и заимствования в говорах кряшен как отражение народной культуры в диалектной картине мира // Изучение региональной картины мира в поликультурном образовательном пространстве: теория и практика / Под общей ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной, Л. А. Усмановой. — Казань: РИЦ «ШКОЛА», 2017. — С. 65–71.
4. Кряшены [сайт] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кряшены#cite_note-34 (дата обращения: 5.10.2021).
5. Татарская нация: история и современность. — Казань: Магариф, 2002. — 223 с.

Е. А. Климина

Жизненный путь Сабахаттина Али

Аннотация: В данной статье рассмотрен жизненный путь Сабахаттина Али и его влияние на творческую деятельность. Творчество писателя менялось в соответствии с событиями и периодами его жизни, его взглядами и убеждениями. В статье рассматривается, как от романтизма автор переходит к реалистическому изображению действительности.

Ключевые слова: Сабахаттин Али, турецкая литература, турецкий писатель, биография.

Е. А. Klimina

Life path of Sabahattin Ali

Abstract: This article examines the life path of Sabahattin Ali and the way it influenced his creative activity. The writer's work changed in accordance with the events and periods in his life, his views and beliefs. The article examines how the author moves from romanticism to a realistic depiction of reality.

Key words: Sabahattin Ali, Turkish literature, Turkish writer, biography.

Сабахаттин Али — турецкий писатель, творчество которого пришлось на начало XX в. Он сыграл важную роль и оставил неизгладимый след в турецкой литературе, поэтому изучение его творчества и жизненного пути представляет особый интерес.

Сабахаттин Али родился в 1907 г. в Ардино (Болгария). Отец писателя, Селяхаттин-бей, был офицером, его часто переводили с места на место, и Сабахаттин Али переезжал вместе с ним, поэтому побывал во многих городах Западной Анатолии. Начальную школу он закончил в Эдремите [2: 5]. В своих произведениях писатель часто описывает этот город. Одной из привязанностей писателя к этим краям была природа. В юном возрасте Сабахаттин Али часто прогуливался по окрестностям и наслаждался природой. Он был мечтательным и скрытным. Во время своих прогулок он любил наблюдать за поденщиками, которые работали в оливковых рощах, а их песни сливались у него в голове с картинами природы.

С началом Первой мировой войны и революции 1908 г. в турецкой деревне еще больше начала расти нищета. Писатель видел и социальную несправедливость, и насилие. И все же Национально-освободительная война 1919–1922 гг. имела большое влияние на формирование того поколения турецкой интеллигенции, к которому принадлежал Сабахаттин Али. После окончания войны начался раздел Турции, и народ поднялся на борьбу [2: 9]. Такой патриотический подъем произвел впечатление на Сабахаттина Али. Те самые поденщики, которым он в детстве сочувствовал, стали в его глазах героями. Это поколение увидело силу народа, то, на что способны народные массы, если они вдохновлены высокой целью.

В юности писатель часто посещал собрания организации «Турецкий очаг» [2: 12]. Там устраивались литературные вечера, на которых говорилось о необходимости пробуждения национального самосознания, о единстве всех турок. Однако эти идеи постепенно стали подменяться шовинистическими. Но уже со временем он начинает испытывать острое чувство неудовлетворенности и все реже появляется в «Турецком очаге» [2: 16].

Позже Сабахаттин Али уезжает преподавать родной язык и литературу в провинции. «Вся окружающая обстановка вызывала в двадцатилетнем юноше естественное желание бежать» [2: 18]. Рассказы, написанные Сабахаттином Али в 1927 г., когда он преподавал турецкий язык в провинции, напоминают очерковые наброски, посвященные местным событиям и происшествиям. И почти одновременно с рассказами Сабахаттин Али пишет романтические новеллы об идеальной любви. Для писателя в эти годы искусство было утешением. Поэтому он показывал чувства не такими, какими они были в действительности, а такими, какими они были по его представлению. Романтические новеллы Сабахаттина Али были написаны, говоря словами В. Г. Белинского, на той «почве души и сердца, откуда поднимаются все неопределенные стремления к лучшему и возвышенному, стараясь находить себе удовлетворение в идеалах, творимых фантазией» [1: 145].

У Сабахаттина Али, по словам Радия Фиша, появляется недоверие к политике, а за истину в этом мире он принимает человеческое сердце. Такова идейная позиция автора [2: 20].

Писатель воспевает свободную любовь, которая вдохновляет на свершения, поэтому герои его произведений — сильные духом и свободлюбивые люди.

В конце 1920-х гг. Министерство просвещения Турции предложило Сабахаттину Али поехать в Европу, и он отправился в Германию, чтобы продолжить там учебу [2: 21]. Почти два года проучился Сабахаттин Али на философском факультете Берлинского университета. Там он укрепляется в отрицательном отношении к национализму. Именно в Германии молодой писатель еще больше убеждается в силе рабочего класса и народа, пополняет свои литературные познания и расширяет политический опыт.

Изучая немецкий язык, он вскоре учится читать уже не только газеты, но и художественную литературу [2: 23]. Сабахаттин Али восхищался Шиллером, Гете и немецкой романтической школой.

В период жизни в Германии Сабахаттину Али был близок немецкий романтизм, который стремился обличить серость современной германской действительности и обратить внимание на красоту внутреннего мира человека.

Также в это время он увлекается русской реалистической литературой, в первую очередь произведениями Горького [2: 35]. Русский писатель сыграл важную роль в переломном моменте жизни Сабахаттина Али. Именно он помог Сабахаттину Али сделать первые шаги от абстрактной романтики к реалистическому изображению действительности. Творчество Сабахаттина Али приобрело новые черты. Об этом свидетельствует новелла «Мельница», герои которой помимо того, что являются людьми, проживающими действительность через призму сердца, представляют собой достаточно земные и конкретные характеры, а наряду с высокой лексикой, используется и народная разговорная речь.

Руководители турецкой студенческой колонии в Берлине давно уже присматривались к молодому писателю, не скрывавшему своих демократических убеждений и антипатии к националистам. В одном из споров кто-то из немецких национал-социалистов оскорбительно высказался против турецкого народа. Твердость, с которой Сабахаттин Али вступился за турецкий народ, сочли недостаточно «благопристойной» и потребовали отзыва Сабахаттина Али на родину [2: 28].

В конце 1929 г. молодой писатель очутился в Стамбуле без работы [2: 29]. Он перебивается литературной поденщиной, пишет репортерские заметки, переводит с немецкого. «Обострение классовой борьбы в начале тридцатых годов поставило перед двадцатидвухлетним Сабахаттином Али вопрос: “С кем ты?” Ответ на этот вопрос по существу уже был» [2: 30].

Сотрудничество в журнале «Ресимли ай», общение с передовыми писателями страны, знакомство с Назымом Хикметом, быстро перешедшее в дружбу, открыли перед Сабахаттином Али новые горизонты, помогли ему найти свой путь в жизни и в литературе. Революционные настроения писателя росли еще больше [2: 33].

Когда Сабахаттин Али принес свое произведение в редакцию журнала «Ресимли ай», который выступал в защиту демократии, он показал, что его симпатии на стороне тех, кто борется против империализма. Сотрудничество с журналом продолжалось менее года, но опубликованный там «Рассказ о лесе» можно считать достаточно важным пунктом в творчестве Сабахаттина Али. Этот рассказ появился в годы, когда в Турции активно разворачивалась экспроприация крестьян, а лесные массивы исчезали с каждым днем. Впервые в турецкой литературе был изображен активный протест крестьян, их борьба за свои права. Это были шаги от абстрактной романтики к реалистическому изображению действительности.

В 1933 г. Сабахаттин Али был осужден за оскорбление высокопоставленных лиц и заключен в тюрьму [2: 47]. Это был не единственный арест. Поводом для следующего ареста стало стихотворение «Новости из страны», которое содержало критику власти. Несколько лет писатель проводит в тюрьме, сначала в Конье, а позже в Синопе. Крестьяне, с которыми он познакомился в эти годы, становятся героями его произведений. Большое внимание уделяется идее социальной справедливости.

Когда Сабахаттин Али вновь начинает искать своего героя, он обращается к народной поэзии, где присутствует образ мужественного человека, который уходит в горы и леса из деревни ради мечты о воле. Часто здесь присутствует любовь, которая подталкивает его к этому. От имени крестьянина и говорит поэт в своих стихах, его чувства, мысли, настроения выражает. Это по большей части определило композицию, стихотворные размеры, лексику. Идеи стихотворений перекликаются с романтическими новеллами писателя, в которых герои так же не принимают действительность и хотят свободы. Однако сейчас автор больше обращается к местной традиции, на его произведения сильно влияет народное творчество.

Новаторство Сабахаттина Али в том, что он воссоздал правдивый характер крестьянского бунтаря в лирике. Поэт изнутри старается раскрыть его духовный мир. Выход в свет первой книги стихов Сабахатти-

на Али завоевал его имени широкую популярность. «Стихи Сабахаттина Али полюбились простым труженикам Турции, которые увидели в нем одного из близких народу писателей» [4].

Своею миссию автор видит в пробуждении в людях лучших качеств, он показывает им реальный мир таким, какой он есть, со всем наполняющим его ужасом, чтобы люди начали проявлять сочувствие и человечность. Эту возможность автору дает критический реализм. Рассказы же по большей части трагичны. Это такие произведения, как «Айран» или «Чтобы согреть».

Многие критики упрекали Сабахаттина Али в том, что он показывает лишь печальные явления. Однако автор был убежден, что искусство — средство переустройства мира, к тому же он противопоставляет тот идеал нравственных ценностей и верит в народ, что он сможет стать воплощением этого идеала. Герои в произведениях велики по своему духу, хоть у них и не высокое положение в обществе. Сабахаттин Али дает возможность народу увидеть в себе силу.

Сабахаттин Али умел подойти к людям, разбудить в них лучшие свойства ума и характера, ибо верил в них. Его талант и произведения помогают человеку освободиться от негативных качеств и обратиться к себе настоящему. «Его глаза смотрели на окружающих с дружелюбным вниманием, а иногда и с дружеской насмешкой» [3: 4].

В конце 1934 г. Сабахаттин Али выходит из тюрьмы [2: 55]. Власти посчитали, что он уже не осмелится на открытое политическое выступление.

В годы жизни в Анкаре (с 1934 г.) Сабахаттин Али работает в канцелярии службы печати и преподает немецкий язык сначала в школе, а чуть позже и в Анкарской консерватории. Вторая половина 1930-х гг. была для Сабахаттина Али периодом напряженного литературного труда. Писатель словно обрел себя и чувствует, что может поднять любую тему [2: 57].

Постепенно складывается и круг его близких друзей, с которыми он мог чувствовать себя непринужденно. Это молодые поэты Орхан Вели и Мелих Джевдет, преподаватели и профессора Анкарского университета — Пертев Боратан, Ниязи Беркес [2: 58].

В этот период один за другим выходят в свет сборники его рассказов. И каждый сборник свидетельствует о росте его таланта [2: 59]. В это время его произведения начинают переводиться на иностранные языки.

Однако такой успех не приносит писателю материального благополучия.

Раньше при виде социальных проблем у писателя возникало единственное желание — сбежать. Теперь, получив больше опыта, он идет навстречу действительности, открывая в ней лучшее [2: 59].

Высказывание своих убеждений по поводу националистических идеологий привело к публичной травле писателя [2: 120]. Его отстраняли от работы в консерватории, обвиняли в намерении свергнуть турецкое правительство. Но в 1934 г. издательство «Акба» решает пойти на риск и выпускает собрание сочинений Сабахаттина Али, и это издание расходуется с невиданной быстротой.

Сабахаттин Али был вынужден оставить преподавательскую деятельность и переехать в Стамбул. Он решает издавать свою газету, чтобы бороться с фашистами. Первый номер вышел 1 декабря 1945 г. под названием «Новый мир» [2: 129]. Но газета просуществовала всего несколько дней, ее редакция была разгромлена, а вслед за разгромом и других демократических газет последовали аресты их издателей.

Писатель продолжал защищать свои политические взгляды. Его произведения стали печататься в журнале «Тан». Он также привлекал к сотрудничеству молодых писателей.

25 ноября 1946 г. выходит первый номер газеты «Марко-паша» [2: 144]. Ее издатель и главный редактор — Сабахаттин Али. Большинство статей и рассказов принадлежало Сабахаттину Али и Азизу Несину. Не раз эту газету конфисковали, а Сабахаттина Али предавали суду и сажали в тюрьму. Но каждый раз, выйдя из тюрьмы, он продолжал свое дело.

Постоянные аресты, которым подвергался Сабахаттин Али, наводят его на мысль о переезде в другую страну, где бы он мог свободно выражать свои мысли, но этого так и не случилось.

Чуть позже Сабахаттина Али привлекает новый жанр — роман. В романах автора присутствует описание общества и исторической обстановки того времени. При этом автор уже отказывается от прямолинейности, присущей его некоторым первым реалистическим произведениям.

В 1937 г. появляется роман «Юсуф из Куюджака», который становится одним из самых популярных произведений турецкой литературы. В этом романе раскрывается турецкий национальный характер. Главный герой, Юсуф, такой же, как и лирические герои поэзии Сабахаттина Али — представитель народа, бунтарь. Он духовно выше, чем среда, в

которой он находится. В романе хорошо показана как диалектика чувств героя, так и обстановка в Турции в начале XX в.

В годы Второй мировой войны автор видел в фашизме главную опасность для свободы Турции и не мог остаться в стороне [2:102]. В те годы выходит его роман «Дьявол внутри нас». Писатель не выходит за рамки личных отношений героев, но при этом отражает политическую реальность и показывает истинное лицо шовинистов. В этом романе основное внимание обращено на внутренний мир героев, а не на обстановку, хотя и она показана тоже.

Вскоре выходит роман «Мадонна в меховом мантио». Здесь социальные и психологические проблемы связаны друг с другом. И это произведение было окрашено в достаточно мрачные тона, автор вновь возвращается к романтизму.

В марте 1948 г. писатель исчез. Позже его нашли рядом с турецко-болгарской границей в лесу Карабаира [2:148]. Весть об убийстве писателя вызвала возмущение в обществе. В народе говорили, что это дело рук полиции. И власть, чтобы доказать свою непричастность, решила предать убийцу суду. Но на суде стало ясно, что изначально полиция и убийца сотрудничали.

Сабахаттина Али убили за то, что он защищал свободу, независимость турецкого народа, боролся за мир и человеческую жизнь. Но его идеи и принципы, за которые он сражался, останутся в его произведениях.

Литература:

1. Белинский, В. Г. Статья вторая. Карамзин и его заслуги, карамзинский период русской литературы: Дмитриев, Крылов, Озеров, Жуковский и Батюшков — Значение романтизма и его историческое развитие // Полное собрание сочинений. — М.: Изд-во Академии наук СССР. — Т. 7. — 1955. — С. 132–222.
2. Фиш, Р. Сабахаттин Али. Критико-биографический очерк. — М.: Гослитиздат, 1959. — 151 с.
3. Хикмет, Н. Предисловие // С. Али Дьявол внутри нас. — М.: Гослитиздат, 1955. — С. 3–6
4. Хикмет, Н. Сабахаттин Али — борец и писатель. — М.: Новое время, 1952.

М. А. Козинцев

**Сведения по ономастике Крыма и Ближнего Востока
в XVII веке в сборнике Прохора Коломнятина¹**

М. А. Kozintcev

**Onomastics of Crimea and the Middle East in the 17th century
based on Prokhor Kolomniatin's miscellany**

Тюркско-русский словарный свод представляет собой наиболее объемный памятник лексикографии в составе рукописного сборника («Цветника») 1668 г. (Отдел рукописей ГИМ, Музейское собр., № 2803), подписанного иноком Прохором Коломнятином и включающего также несколько других уникальных словарей-разговорников. Кроме собственно лексического ряда текст памятника содержит множество повествовательных вставок различной тематики. Одну из наиболее объемных и разнообразных по содержанию условных тематических групп представляют сведения по ономастике Крымского ханства и сопредельных территорий, а также Ближнего Востока. Зачастую эти данные перемежаются со сведениями о религии крымского населения. В тексте встречаются, нередко с подробными толкованиями, имена библейских и коранических персонажей: Мухаммада, Исы, Мусы, Авраама, Идриса и др. Особенно примечательны краткие перечни мужских и женских имен, очевидно, распространенных у тюркского населения Крыма в XVII в., фиксирующие, хотя и в очень ограниченном объеме, материал по местной антропонимике. Большинство имен, прежде всего мужских, отражено в близких по времени источниках, к примеру, в «Османском реестре земельных владений Южного Крыма» и, таким образом, не дают уникального материала. По сравнению с мужскими женские имена представляются более редкими. Некоторые из них, по-видимому, существовали с доисламских времен, какие-то в дальнейшем вышли из широкого употребления и не зафиксированы в позднейшей литературе.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00200 А.

Гораздо полнее в своде представлены гидронимы и ойконимы. Они в основном сосредоточены в конце текста, в главах 24–32, посвященных описанию путей, ведущих к Крымскому полуострову, и маршрутам по ближневосточным землям. Описания реально существующих географических объектов обычно перемежаются с «историческими экскурсами» и легендами, что объясняется характером составления памятника, записанного автором по устным рассказам, очевидно без привлечения каких-либо письменных источников.

Вполне естественно, что составитель свода уделяет большое внимание рекам и морям, служившим основными транспортными путями для путешествий. Он указывает направления течения наиболее крупных рек (Днепра, Волги, Дона, некоторых их притоков и др.), взаиморасположение водных объектов и населенных пунктов. Приблизительный характер называемых составителем свода расстояний вместе с достаточно частыми фактическими ошибками обусловлен тем, что сам он описанными маршрутами никогда не ходил, о чем в некоторых случаях сообщает прямо.

Менее крупные реки, в основном относящиеся к бассейну Дона и Днепра, а также наиболее значительные крымские реки (Салгир, Альма, Бештерек, Субаш и др.), с переводом их названий на русский язык даны автором в виде словарного списка, причем сами названия, как правило, оставлены без комментариев и лишь иногда снабжены краткими описаниями. Названия большинства рек не изменились до сих пор, либо известны из других источников и потому, как правило, легко поддаются атрибуции, хотя в отдельных случаях можно определить их лишь приблизительно.

Наряду с реками автор приводит список наиболее значимых населенных пунктов Крыма. Названия большинства из них, таких как Бахчисарай, Мангуп, Балаклава, Гёзлёв, Судак и др., также легко узнаваемы. Порой автор прибегает к буквальному переводу татарских названий. В некоторых пояснениях заметно его внимание к дипломатической сфере и даже знакомство с содержанием родословных татарской знати. Это можно увидеть, к примеру, по рассказу о городе-крепости Чуфут-Кале, расположенном на горном плато близ Бахчисарая.

Что касается географии Ближнего Востока, то составитель тюркского свода, очевидно, не выезжавший за пределы Крыма, имел о ней крайне смутное представление. Здесь мы имеем дело с интерпретациями и

контаминациями устных сведений, полученных им от «информантов» (по-видимому, купцов и паломников), отчего описания ближневосточных стран и городов изобилуют фантастическими подробностями. К примеру, автор систематически путает Анатолию (полуостров Малая Азия, на котором расположена большая часть территории современной Турции) с Египтом, а Египет с Индией, повествует о вымышленной калмыцкой столице Баур-Сабак и т. п.

В целом сведения географического и этнографического характера, содержащиеся в «Цветнике» Прохора Коломнятина, хотя и не дают принципиально нового фактического материала, тем не менее служат ценным источником, фиксирующим состояние крымской ономастики в XVII в., а также представления разных религиозных групп и этносов крымского общества об истории и культуре Крымского ханства и Ближнего Востока.

Т. О. Кураксина

Политическая концепция османизма. Отражение принципов османизма в конституции 1876 года

Аннотация: В исторической науке, а именно в истории Османской империи османизм занимает особое место. Именно османизм стал первой идейно-политической доктриной, которая была выдвинута в середине XIX в. В целом данная концепция преследовала главным образом одну цель — обоснование необходимости сохранения многонациональной империи. Ключевым этапом становления данной политической концепции стала конституция 1867 г. В статье рассмотрен процесс формирования доктрины османизма.

Ключевые слова: Османская империя, османизм, Танзимат, конституция, история, востоковедение.

Т. О. Kuraxina

Ottomanism as a political conception. Principles of ottomanism in the Ottoman Empire's constitution of 1876

Abstract: Ottomanism occupies a special place in the history of the Ottoman Empire. Ottomanism became the first ideological and political doctrine that was put forward in the middle of the 19th century. The concept pursued mainly one goal — to substantiate the need to preserve a multinational empire. The key stage in the formation of this political concept was the constitution of 1867. The article examines the process of forming the doctrine of Ottomanism.

Key words: Ottoman Empire, Ottomanism, Tanzimat, constitution, history, oriental studies.

В исторической науке, а именно в истории Османской империи османизм (тур. Osmanlılık) занимает особое место. Именно османизм стал первой идейно-политической доктриной, которая была выдвинута в середине XIX в. В целом данная концепция преследовала главным образом одну цель — обосновать необходимость сохранения много-

национальной империи. Концепция османизма неслучайно возникла именно в середине XIX в. Данный период во многом характеризовался подъемом национально-освободительного движения нетурецких народов против власти Порты. В то же время османизм как политическая доктрина представлял собой ряд долгосрочных политических мероприятий в разных сферах государственного устройства с целью духовного, социального и политического объединения всех народов империи вне зависимости от их вероисповедания и национальности. Доктрина османизма в том или ином виде нашла свое отражение в текстах большинства законодательных актов османского правительства начиная с танзиматских рескриптов и заканчивая конституцией 1876 г. Формирование и появление на свет основных законодательных актов, связанных с концепцией османизма, приходится на 50–70-е годы XIX в.; в течение чуть более двадцати лет концепция эволюционировала от официальной концепции сохранения целостности Османской империи эпохи танзиматских реформ (здесь имеется в виду доктрина и политическая концепция «слияния» всех народов империи) до главной идейно-политической доктрины конституционного движения новых османов, которая нашла свое отражение в нескольких статьях конституции 1876 г.

В середине XIX в. в правящих кругах Османской империи появились люди, которые находились в поисках новых путей сохранения турецкого господства над некогда покоренными народами. Так, на рубеже 1850–1860-х гг. появилась идея «слияния» всех народов Османской империи. Решид-паша (1800–1858), османский государственный деятель и великий визирь, ввел термин «тебаа» (тур. *tebaa*), что означало «подданные». Это было понятие, объединяющее все народы империи. Идея «слияния» была призвана обеспечить единство всех подданных султана в качестве важнейшего условия сохранения империи. При этом данная идея предполагала и сохранение господствующего положения турок. Однако идея «слияния» стала широко пропагандироваться лишь на рубеже 60–70-х годов [1: 84].

В феврале 1856 г. был обнародован султанский рескрипт (хатт-и хумаюн), который ознаменовал начало нового этапа в истории Османской империи и вошел в историю как второй этап Танзимата. Положения указа были направлены на уравнивание в правах мусульман и немусульман, устанавливая таким образом принцип равного представительства в смешанных меджлисах. Такими мерами предполагалось добиться

некоторой лояльности христианских народов по отношению к власти Порты. Также все жители империи, вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности, объединялись в единое понятие — «подданные священного государства» (*tebaa-i şahane*). Таким образом, Порта стремилась установить единое гражданство для всех жителей Османской империи [2: 47].

Для претворения в жизнь идеи «слияния» Мехмед Эмин Али-паша и Мехмед Эмин Фуад-паша, видные государственные деятели второго периода Танзимата, предлагали целый ряд мероприятий. Ключевые идеи базировались на воспитании всех народов империи «в едином духе» преданности правительству, для этого было принято решение о создании учебных заведений смешанного типа. В отношении образования Фуад и Али переняли идею Решида-паши, которая предполагала распространение в народных массах идей просвещения. Однако в данном отношении реформаторы пошли дальше: они сформулировали концепцию целенаправленного воспитания «всех османских подданных» в духе верности Порте. Другой важной мерой стал допуск христиан в армию. Однако данная идея не нашла поддержки как у мусульман, так и у немусульман [2: 41].

Примечательно также, что в тексте документа впервые было употреблено выражение на османском языке, эквивалентное понятию «патриотизм», — *vatandaşlık*. Исходя из этого, в указе были отражены понятия, которые во многом стали основой концепции «османской нации» и «османского патриотизма». Ранее понятие родины (*vatan*) означало лишь то, откуда прибыл человек, где он родился и вырос. Однако с появлением указа понятие приобрело и «эмоциональное» значение. Теперь родина становилась местом, к которому каждый подданный империи должен ощущать свою духовную и материальную сопричастность [4: 51].

В 1860 г. был издан правительственный указ, в котором отмечалась необходимость допуска христиан в мусульманские школы. Указ объяснялся тем, что в таком случае христианам была бы предоставлена возможность получения образования, которое целиком и полностью бы контролировалось правительством, а значит — выпускников таких образовательных учреждений можно было бы использовать на государственной службе. Однако в полной мере претворить все положения указа в жизнь не удалось. Такого рода преобразование встретило критику со стороны мусульман, которые считали смешанное обучение непра-

вильным с точки зрения ислама. Указом были недовольны и христиане, посчитавшие, что таким образом правительство лишь пытается «ослабить их чувство народности и религии» [2: 52].

Совместными усилиями Али-паши и Фуад-паши в 1869 г. был опубликован закон об османском подданстве. Согласно первой статье этого акта, все жители Османской империи, вне зависимости от их национальной или конфессиональной принадлежности, провозглашались официально «*подданными османского государства*». Таким образом, впервые в теократической Османской империи немусульмане официально получили право называться «подданными» наравне с мусульманами. По замечанию турецкого историка Г. Фишека, это был первый в мусульманских странах закон о подданстве, свободном от религиозности [2: 61].

Полигоном для испытаний политики османизации стал Дунайский вилайет. Генерал-губернатором области был назначен Мидхат-паша (1822–1884), автор конституции 1876 г. Такой территориальный выбор был неслучайным. Али и Фуад пытались также проверить новые методы борьбы с находящимся на подъеме национально-освободительным движением болгарского народа. Выбор пал на Болгарию еще и потому, что эта территория находилась недалеко от столицы, что давало центральным властям возможность непосредственно контролировать и корректировать политику руководства в случае непредвиденных ситуаций. Осенью 1864 г. султанским ирадэ на месте Нишского, Видинского и Силистрийского эйялетов был создан Дунайский вилайет, который охватывал большую часть болгарского царства: Придунайскую и Западную Болгарию [2: 62].

В целом в Дунайском вилайете проводилась политика, направленная на смягчение противоречий между мусульманами и немусульманами. Именно здесь Мидхат-паша начал закладывать основы политики «османизации», стремясь создать некую единую «нацию», в которую бы на равных правах вошли все народы империи независимо от религиозной и национальной принадлежности. Важным средством на пути достижения этой цели он считал совместное обучение в школах мусульманских и немусульманских детей, что вызвало всеобщее недовольство: немусульманские общины усмотрели в этом нарушение своей издавна сложившейся автономии в делах просвещения, а мусульманское духовенство — угрозу своему духовному господству над турецкой частью населения. В целом данные меры не оказались эффективными, Порте

не удалось остановить процесс нарастания национально-освободительного движения. Восстание, которое вспыхнуло в 1876 г., во многом продемонстрировало несостоятельность политики османизации в данном регионе [2: 78].

Зарождение конституционного движения в 60-е годы XIX в. ознаменовало новый этап в истории Османской империи: в этот период происходит зарождение той тайной политической организации, которой суждено было стать зачинателем реформаторского общественного движения. Эта тайная организация под названием «Новые османы» возникла в Стамбуле в июне 1865 г. Основными фигурами и идейными руководителями новых османов были: Намык Кемаль (1840–1888), Зия-паша (1825–1881) и Али Суави-эфенди (1839–1878). Двое из организаторов общества, Сагыр Ахмед-бей (1839–1880) и Кани-пашазаде Рифаат-бей (1831–1885), принадлежали к стамбульской аристократии. Некоторые члены тайной организации даже занимали видные государственные посты. Кроме того, к обществу был близок и Ахмед Мидхат-паша, позднее ставший руководителем новых османов и в 1876 г. возглавивший борьбу за провозглашение конституции. Членов общества «Новых османов» объединяло недовольство внешней и внутренней политикой правительства. Многие из них негативно высказывались по поводу правительства великого визиря Али-паши. В то же время новые османы не имели единого представления о том, какие меры должны быть предприняты для изменения политики правительства [2: 79].

В то же время существуют все основания полагать, что некоторые конституционные проекты у организации все же существовали уже на первых порах деятельности тайного общества. Доказательством тому могут служить косвенные и завуалированные призывы к установлению в Османской империи основ конституционного правления, высказанные в письме видного государственного деятеля Фазыл-паши (1830–1875). Фазыл недвусмысленно писал о том, что существующие в Османской империи проблемы могут быть решены при помощи конституционализма [2: 30].

В последующие несколько лет турецкому правительству также удалось формально ликвидировать деятельность новых османов. К 1873 г. руководители движения были сосланы в отдаленные уголки империи, однако правительство не смогло воспрепятствовать распространению в кругах турецкой интеллигенции их общественно-политических взгля-

дов и конституционной программы. Таким образом, новые османы подготовили основу для конституции 1876 г. [1: 107].

Провозглашение конституции 1876 г. произошло в конце декабря. В определенной степени это событие стало заслугой Мидхата-паши, который и возглавил борьбу за конституционное движение в 1870-е гг. К тому времени данный государственный деятель уже обладал практическим опытом по проведению политики османизации в различных регионах страны [2: 114].

В состав конституционной комиссии вошло несколько христиан. Вероятно, именно под давлением представителей немусульманских народов на рассмотрение правительства была включена 12-я статья, согласно которой народам империи предоставлялось право сохранения и использования родного языка. Таким образом, статья явно противоречила принципам самой доктрины османизма. Однако данный пункт не вошел в финальную редакцию конституции: сторонники османизма представили султану письмо, в котором говорилось, что на протяжении долгой истории империи все народы, входящие в ее состав, имели возможность свободно пользоваться своими языками, и это, в свою очередь, породило «вражду и непонимание» между ними, имеющие место и сейчас. Так, в письме предлагалось объявить османский язык государственным языком и сделать его знание обязательным условием для приема на государственную службу. Султан одобрил предложение, и данный пункт стал частью окончательного текста конституции [2: 105].

Таким образом, именно конституция 1876 г. стала главным отражением политической концепции османизма. При детальном рассмотрении конституции стоит выделить следующие статьи: Все османы пользуются личной свободой, которая является неприкосновенной (ст. 9, 10). Также все османы равны перед законом, имеют одинаковые и равные права и обязанности перед государством независимо от исповедуемой религии. По конституции, допуск к государственной службе был возможен лишь для лиц, обладающих знанием османского языка (ст. 18). Показательно, что государственной религией по конституции являлся ислам, при этом утверждалось, что «... государство ... покровительствует свободному отправлению всех исповеданий, признанных в империи, и сохраняет религиозные привилегии, предоставленные разным общинам, при том условии, чтобы не наносилось никакого ущерба общественному порядку и добрым нравам» (ст. 11) [3:10].

В то же время далеко не все статьи конституции носили положительный характер для немусульманских народов империи. Так, в 16-й статье все школы империи, в том числе и школы христианских народов, переходили под непосредственный контроль государства [2: 110].

Также в соответствии с конституцией был образован двухпалатный парламент, который начал свою работу уже в марте 1877 г. Верхняя палата — Сенат — состояла из 32 членов, назначаемых султаном, в том числе из семи депутатов-немусульман. В состав нижней палаты было избрано уже 115 депутатов, из которых 46 были немусульманами: греками, армянами, болгарами, сербами [3: 11].

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам. Длительный экономический и политический кризис в Османской империи изменил отношение правящих кругов к немусульманским народам. Для дальнейшей борьбы с национально-освободительным движением Порте требовались новые пути решения. Именно поэтому проблема выработки ключевых способов удержания христианских народов в составе Османской империи стала одним из главных вопросов как для реформаторского движения эпохи Танзимата, так и для конституционного движения во второй половине XIX в. Были заложены основы концепции «единства» всех подданных султана вне зависимости от их религиозной или национальной принадлежности. Данные идеи были восприняты и развиты лидерами движения за реформы уже в период второго этапа Танзимата. На базе этих идей были сформулированы основные положения идейно-политической доктрины османизма в роли официальной концепции для сохранения целостности Османской империи. Целью доктрины стало осуществление полного «слияния» всех народов государства. В то же время были предусмотрены средства для осуществления такой политики: создание новой системы учебных учреждений народного образования, основанной на принципе совместного обучения детей мусульман и немусульман. Также усиливался контроль Порты над общественной жизнью христианских народов. В том числе были предусмотрены меры по ограничению приема немусульман на государственную службу, так как знание османского языка стало одним из ключевых факторов при рассмотрении кандидатов на те или иные государственные посты.

Первые турецкие конституционалисты позаимствовали основные положения османизма у деятелей Танзимата и попытались использовать доктрину для борьбы с нарастающим недовольством некогда подчинен-

ных народов империи. Доктрина османизма приобрела свой окончательный вид в 70-е годы XIX в. В тексте новой конституции были отражены основные положения политической доктрины. Таким образом, именно конституция стала итоговым документом становления идейно-политической доктрины османизма.

Литература:

1. Петросян, А. Ю. Османская империя. Реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.) / А. Ю. Петросян, И. Е. Петросян. — М., 1993. — 190 с.
2. Сафрастян, Р. А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. — Ереван, 1985. — 146 с.
3. Сквозников, А. Н. Правовое положение немусульманских подданных в Османской империи в XVI–XIX вв. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2015. — № 1–2 (17).
4. Akşin ,S. Ana Çizgileriyle Türkiye'nin Yakın Tarihi. — Ankara: İmaj Yayıncılık, 1998. — 224 с.

Э. Е. Лебедев

О некоторых особенностях форм со значением прошедшего времени в чувашском языке

Аннотация: В статье дается обзор форм глагола со значением прошедшего времени в чувашском языке. Категория времени глагола характеризуется большим количеством форм, и большинство из них способно передавать более одного значения. Автором выявлены следующие значения форм прошедшего времени: кратковременность, длительность, индиректив, перфект, плюсквамперфект, постоянство и будущее в прошедшем.

Ключевые слова: категория времени, прошедшее время, плюсквамперфект, будущее в прошедшем, индиректив.

Е. Y. Lebedev

About some features of the forms with the meaning of the past tense in the Chuvash language

Abstract: The article gives an overview of the verbal forms with the meaning of the past tense in the Chuvash language. The verbal category of tense has many forms. The author has revealed the following meanings of the past tense forms: short duration, time duration, indirective language, perfect, past perfect, constancy and future in the past.

Key words: category of tense, past tense, past perfect, future in the past, indirective language.

Как и большинство тюркских языков, чувашский язык обладает развитой системой глагольных времен. Основное место в этой системе занимают формы, передающие значения прошедшего времени. К ним относятся:

- прошедшее очевидное время (-рă/-рĕ, -тă/тĕ, -чĕ);
- прошедшее неочевидное время (образуется при помощи формы с показателем -нă/-нĕ);
- длительное в прошедшем (-аттă/-емтĕ, -атчĕ/-етчĕ);

– давнопрошедшее (в его образовании участвует несколько форм: *-самтă/-сеттĕ*, *-самчĕ/-сетчĕ*, *-нăччĕ/-нĕччĕ*, *-нă/-нĕ пулнă*).

Такое количество форм прошедшего времени обусловлено необходимостью передачи помимо основной временной семантики дополнительных значений, таких как очевидность или неочевидность выполнения действия, его продолжительность и давность совершения. Все значения, передаваемые этими формами в чувашском языке, можно разбить на следующие группы: значение непродолжительного действия в прошлом, которое говорящий либо сам наблюдал, либо уверен в его совершении (прошедшее категорическое время); значение непродолжительного действия в прошлом, которое не наблюдалось говорящим непосредственно, он не вполне уверен в нем и судит о его совершении со слов других лиц, либо догадывается и предполагает о его совершении (прошедшее субъективное время); значение перфекта — действия, совершенного в прошлом, результат которого наблюдается в настоящем; значение действия, которое произошло до определенного действия в прошлом, либо произошло давно безотносительно ко времени совершения других действий (давнопрошедшее время или плюсквамперфект); значение длительного действия, которое совершалось на протяжении относительно протяженного временного отрезка в прошлом (длительное в прошедшем или определенный имперфект); значение постоянного действия, которое совершалось на протяжении большого временного отрезка в прошлом, либо краткого действия, совершавшегося периодически в прошлом (постоянное в прошедшем или неопределенный имперфект); значение действия, которое совершится после определенного момента в прошлом (будущее в прошедшем, ближайшее будущее в прошедшем). В чувашском языке формы прошедшего времени демонстрируют интересные особенности, как в плане выражения, так и в плане содержания.

Форма прошедшего категорического времени передает значения:

– кратковременного действия:

Хĕрарăм ун-кун нăккаласа илчĕ (Гордеев) «Женщина **осмотрелась**»;

– относительно длительного действия в прошлом:

Вăхăт-вăхăтпа вĕсем капанса пысăк иурă тусем пек курăнчĕс (Вутлан) «Временами они (облака) скапливались и **напоминали** большие белые горы».

Форма прошедшего субъективного действия образуется при помощи аффикса причастия прошедшего времени с показателем *-нă/-нĕ*, который

не присоединяет к себе аффиксы лица. Значения, передаваемые этой формой, следующие:

– заочность, неочевидность, индиректив [2: 196] (семантика данной формы безразлична к признаку продолжительности действия):

Кунта аллăмĕшĕ çул таранчченех кăпчанкă плантацияĕ пулнă (Емельянов) «Здесь до пятидесятих годов **была** плантация бересклета»;

– перфект, значение действия, которое произошло в прошлом, но его результат можно наблюдать в настоящем [3: 196]:

Аçуна аннĕ таççанах вăраннă (Мранька) «Твои родители давно уж **проснулись**».

Значение плюсквамперфекта способно передаваться несколькими формами, которые отличаются друг от друга по схеме их образования. К ним относятся: *-нăччĕ/-нĕччĕ*; *-нă/-нĕ пулнă*; *-самтă/-сеттĕ* (*-самчĕ/-сетчĕ*).

Рассмотрим примеры на эти формы:

Эпĕ сире вăрçă вахăтĕнчи хăрушă кунсенче çынсен пĕр-пĕрне яланах пулайса пурăнмалли çинчен темçе хут та каланăччĕ (Кибек) «Я ведь вам много раз **говорил**, что люди в страшные военные годы должны всегда помогать друг другу»;

Вăрмансенче темле Орлик банди çĕрени çинчен килтех илтсеттĕм (Збанацкий) «Дома я **слышал**, что в лесах орудует какая-то банда Орлика»;

Пĕрре Катус киле таврăннă. Килĕнче никам та пулман: амăшĕ таçта кайнă пулнă (Ашмарин) «Однажды Катя вернулась домой. Дома никого не было: ее мать куда-то **ушла**».

Форма длительности действия в прошлом является производной и образуется путем сочетания формы настоящего времени с формой прошедшего времени: *-аттă/-еттĕ* [5: 302]. Она передает следующие значения:

– значение длительности действия:

Атăл хĕрринче уçăлса çĕреттĕм (Ефимов) «Я **прогуливался** по берегу Волги».

При реализации данной формой указанного значения практически всегда присутствует дополнительное контекстное значение другого последующего действия, с наступлением которого обозначаемое действие прекращается [1: 207–208; 4: 247].

– значение постоянства действия:

Чӑн та, уроксене хатӑрленеттӗм те тантӑшсем патне чупаттӑм (Григорьев) «И действительно, я **готовился** к урокам и **бежал** к своим сверстникам»;

– значение будущего (или ближайшего будущего) действия в прошедшем:

Хӑраните чутах вилеттӗм (Максимов-Кошкинский) «Я **чуть было не умер** от страха».

Это значение передается указанной формой достаточно редко. И в каждом случае для его передачи необходимо наличие дополнительного лексического указателя. Чаще всего это слова *кӑҫех* «вот-вот, скоро», *чут* «чуть» и др. Семантика будущего времени в прошедшем здесь реализуется только в контексте действия, которое не произошло по причине того, что было прервано другим действием.

Значение постоянного действия также передается при помощи производного аффикса *-аканчӑ/-екенчӑ*, который образован сочетанием аффиксов причастия настоящего времени с показателем *-акан/-екен* и недостаточного глагола *-чӑ*. Эта форма обычно не включается в ряд форм категории времени в чувашском языке, но по всем функционально-семантическим особенностям уже может считаться особой временной формой со значением неопределенного имперфекта *-аканчӑ/-екенчӑ*:

Пирӗн пата лайӑх ҫынсем кӑна килекенчӑ (Ильбек) «К нам (всегда) **приходили** только хорошие люди».

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

– группы значений, перечисленные нами в начале статьи, как правило, передаются более, чем одной формой, и при этом одна форма, как правило, способна передавать несколько значений;

– прошедшее категорическое время, несмотря на то, что чаще передает непродолжительное действие в прошлом, может иметь и семантику длительного действия. В подобных случаях обычно присутствуют дополнительные лексические указатели на продолжительность действия;

– значение прошедшего субъективного времени передается при помощи формы с показателем *-нӑ/-нӗ*;

– передача значения длительности действия или будущего действия в прошедшем формой *-аттӑ/-еттӑ* происходит только при контекстуальном условии, что действие в последующем было неожиданно прервано другим действием;

– значение постоянства действия может передаваться особой формой, образованной от аффикса причастия настоящего времени с показателем *-аканччĕ/-екенччĕ*, и эту форму необходимо включить в систему прошедших времен на полноправной основе.

Литература:

1. Ашмарин, Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. — Ч. 2. — Симбирск, 1923. — 276 с.
2. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб., 2015. — 320 с.
3. Егоров, В. Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. — Чебоксары, 1957. — С. 151–239.
4. Павлов, И. П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. — Шупашкар, 1965. — 343 с.
5. Сергеев, В. И. Морфология чувашского языка. Словоизменение, формоизменение и формообразование. — Чебоксары, 2017. — 400 с.

Э. П. Лямина

Проблема родства алтайских языков

Аннотация: Проблема родства языков алтайской общности до настоящего времени в языкознании остается неразрешенной. Все лингвисты, занимающиеся языками, входящими в состав этой семьи, признают эту общность, но отношение отдельных групп языков между собой внутри этой общности понимается и определяется различными исследователями по-разному. В настоящей работе приведен тщательный анализ трудов алтаистов, которые выступают за генетическое родство между языками алтайской семьи, и исследователей — сторонников теории типологического сходства между языками алтайской семьи, по итогу которого автором было составлено представление о проблеме родства алтайских языков.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, теория языкового родства, урало-алтайская гипотеза, алтайская общность, алтайская теория.

E. P. Lyamina

The issue of the kinship of the Altaic languages

Abstract: The problem of the kinship of the languages of the Altaic community remains unsolved in linguistics to the present day. All linguists concerned with the languages that make up this family acknowledge this unity, but the relationship of individual language groups to each other within this community is understood and defined differently by different researchers. This paper presents a thorough analysis of the works of Altaicists who advocate genetic affinity between the languages of the Altaic family and researchers who support the theory of typological similarities between the languages of the Altaic family, which has led the author to form an understanding of the problem of kinship of the Altaic languages.

Key words: comparative-historical linguistics, theory of linguistic kinship, Ural-Altaic hypothesis, Altaic community, Altaic theory.

Алтайская и урало-алтайская теории и сравнительно-историческое изучение уральских и алтайских языков имеют длительную историю.

Уже в XIX в. некоторые исследователи исходили из предположения, что прародиной многих близких языков северо-восточной части Европы и Сибири был Алтай. Тогда же российский филолог и основоположник сравнительной уралистики М. Кастрен и немецкий филолог, востоковед широкого профиля В. Шотт взяли на себя задачу научно обосновать родство алтайских языков, к которым они относили языки финнов, тюрков, самоедов, монголов и тунгусов, т. е. языки, впоследствии называемые урало-алтайскими [8: 51].

Алтайская семья — это гипотетическая языковая общность, о родстве внутри которой до сих пор идут споры среди лингвистов, т. е. проблема алтайской семьи как общности языков до настоящего времени остается в языкознании неразрешенной. Существует две основные точки зрения: 1) языки, входящие в алтайскую общность, являются генетически родственными; 2) близость алтайских языков объясняется их типологическим сходством и тесным взаимодействием народов [2: 3].

К алтайской семье традиционно относят тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, однако некоторые ученые расширяют рамки включения языков в эти группы. Далее мы рассмотрим основные варианты определения состава алтайской семьи.

В XVIII столетии шведский офицер Ф. И. Табберт-Страленберг и некоторые исследователи отмечали общие типологические и генетические черты уральских и алтайских языков, на основании чего и была сформулирована теория генетического родства урало-алтайских языков [2: 5]. Урало-алтайская общность языков подразделялась ими на две языковые семьи — уральскую и алтайскую. Уральская семья делилась на финно-угорскую и самодийскую, которые позже распались: первая на финскую и угорскую, а вторая — на самодийскую и, предположительно, юкагиро-эскимосско-алеутскую группы языков. Алтайская семья, в свою очередь, распалась на три ветви: 1) тюрко-монгольскую с тюркской и монгольской группами; 2) тунгусо-маньчжурскую с тунгусской и маньчжурской группами и, предположительно, 3) японо-корейскую с японской и корейской группами [2: 6]. Однако в настоящее время вполне доказанным является родство лишь внутри каждой из указанных групп. Отношения между уральскими и алтайскими языками основываются на типологическом сходстве, но не на генетических связях [6: 5]. Таким образом, наиболее общепризнанным является родство уральских языков только внутри уральской группы и алтайских языков также только

внутри алтайской группы [6: 3].

В середине XX в. финский лингвист Г. Й. Рамстедт, один из наиболее ярких представителей алтайского сравнительно-исторического языкознания, расширяет пределы алтайской семьи за счет дальневосточных языков, в первую очередь корейского и древнеяпонского. Согласно проведенным им исследованиям, в корейском и алтайских языках имеется большое количество лексических и грамматических элементов, которые могут быть общего происхождения [2: 36].

С. А. Старостин (1953–2005), советский и российский лингвист, в своей работе «Алтайская проблема и происхождение японского языка» провел подробный сравнительный анализ японского языка и языков, входящих в австронезийскую семью, и сделал вывод, что японский язык также относится к алтайской семье, причем внутри семьи он больше всего сближается с корейским [7: 183].

Согласно труду Н. А. Баскакова «Алтайская семья языков и ее изучение», японо-корейская ветвь возникла в результате смешения алтайских диалектов с соседними алтайскими языками и поэтому в современной алтаистике сравнительно-исторические исследования обычно ограничиваются только тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, выделяя в особую отрасль языкознания японо-корейскую общность [2: 16].

В дальнейшем изложении мы также ограничимся рассмотрением только тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков как основных групп языков, составляющих алтайскую семью.

Первое основное направление в алтаистике — это генетическая теория родства алтайских языков. Ее крупнейшими представителями являются российский востоковед, монголовед, академик АН СССР Б. Я. Владимирцов, русский и советский востоковед и лингвист Е. Д. Поливанов, советский и американский лингвист и специалист по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии Н. Н. Поппе и, главным образом, финский лингвист и основоположник сравнительно-исторического монгольского и современного алтайского языкознания Г. Й. Рамстедт [2: 37]. Далее мы рассмотрим основные аргументы, приводимые этими исследователями в обоснование гипотезы генетического родства алтайских языков.

Разберем особенности морфологии и лексики. Все алтайские языки классифицируются как агглютинативные или языки агглютинативного

морфологического строя [6: 29]. Агглютинативные языки — это языки, в которых словоизменение осуществляется путем агглютинации [1: 531]. Этим языкам свойственно стремление передать каждый оттенок значения слова посредством отдельного морфологического показателя [6: 29].

Как отмечал Г. Й. Рамстедт, в алтайских языках существует особая классификация слов: отсутствует их подразделение на различные части речи. Одно слово в большинстве случаев может выполнять функции как существительного, так и прилагательного, а если оно относится непосредственно к глаголу, то и наречия. Имя, выступающее в отношении другого имени как определение, является прилагательным [6: 26].

Мнение, что границы между классами лексем неотчетливые, очень распространено в алтаистике, однако современная тюркологическая наука опровергает представление о невозможности в частности разграничить прилагательное и наречие в турецком языке. В. Г. Гузев, выдающийся петербургский тюрколог, писал, что в тюркском языкознании под (именем) прилагательным понимается лексема, означающая как признак предмета, так и признак действия [4: 79].

Также В. Г. Гузев констатировал, что в настоящее время тюркское языкознание располагает достаточным арсеналом доводов и в пользу разграничения существительных и прилагательных [4: 81].

Не исключено, что и в других алтайских языках ситуация обстоит похожим образом.

В. Л. Котвич, польский лингвист и востоковед, специализировавшийся на языках монгольской группы алтайской семьи, провел исследование в области материальных совпадений между алтайскими языками: общий фонд сходжений между монгольскими и тюркскими языками в морфологии составляет около 50%, в лексике — 25%, а между тунгусо-маньчжурскими, с одной стороны, и тюркскими и монгольскими — с другой — 10% в лексике и около 5% в морфологии. Грамматическая близость тюркских и монгольских языков, более четко выраженная, чем лексическая, позволяет предполагать процесс постепенного расхождения когда-то близкородственных языков. Грамматическая близость и значительные расхождения в словарном составе характерны только для родственных языков, например, соотношение турецкого или азербайджанского языков, с одной стороны, и хакасского или алтайского — с другой, где число грамматических и лексических сходжений будет при-

мерно то же, что и между тюркскими и монгольскими языками [2: 56]

Грамматические схождения между монгольскими и тюркскими, а также другими алтайскими языками касаются не только общей системы словообразования, но и самых непроницаемых во взаимодействии неродственных языков грамматических категорий, какими являются морфологические категории, а именно категории словоизменения. Все основные категории словоизменения в монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках: категория лица, категория принадлежности и категория падежей являются общими не только в типологическом отношении. Они также выражаются генетически общими аффиксами [2: 57].

Так, рассмотрим категорию склонения (падежей). Во всех алтайских языках, как отмечают В. Л. Котвич и Г. Й. Рамстедт, система склонения обнаруживает чрезвычайную близость форм, образующих все основные падежи, граничащую с единством [2: 63]. Например, местный падеж (особое падежное образование для обозначения понятия места и времени) имеется в тюркском, монгольском и тунгусском языках. В тюркском его окончанием является *-da* (*dä* или, соответственно, *-ta*, *tä*). От местного падежа с помощью окончания *-ki* можно образовать прилагательное¹. Монгольский язык имеет в данном падеже окончания *-da* (*-ta*), *-de* (*-te*) и *-du* (*-tu*), *-dü* (*-tü*). Как и в тюркском, прилагательное образуется здесь путем присоединения к аффиксу местного падежа окончания *-ki*, т. е. посредством *-daki*. В тунгусских диалектах этот падеж имеет окончание *-du*, *-tu*, а в маньчжурском языке *-de* (неизменно в данном написании) [6: 41].

Также к особенностям морфологии и лексики алтайских языков относятся сходство личных местоимений, отсутствие грамматической категории рода, необязательность выражения категории числа (в рассматриваемых языках форма без показателя множественности не является формой единственного числа и не несет никакой информации о числе), использование чистой основы в качестве повелительного наклонения для глаголов и отсутствие префиксов и предлогов (их заменяют послелоги) [8: 54].

Разберем особенности синтаксиса. В языках алтайской группы второстепенные члены предшествуют главным (определение предшествует определяемому, субъект предикату, наречие глаголу). Глаголы стоят в

¹ Необходимо отметить, что современная тюркологическая наука рассматривает форму *-ki* как «категорию вторичной репрезентации», а не словообразовательный аффикс прилагательного. См.: [4: 119].

конце предложения. Также для данных языков характерно почти полное отсутствие союзов и относительных местоимений и вводимых ими придаточных предложений [8: 54].

Перейдем к фонетическим особенностям рассматриваемых языков, поскольку главным признаком родства является наличие фонетических закономерностей. Г. Й. Рамстедт провел обширное исследование, охватывающее основные вопросы фонетики и грамматики алтайских языков, представляющее собой законченную сравнительно-историческую фонетику и грамматику алтайских языков, в которой устанавливаются основные процессы фонетического и грамматического развития алтайских языков, а также реконструируется фонетическая и грамматическая их древнейшая структура. В его труде фонетические закономерности реализуются на конкретном материале грамматических форм всех алтайских языков. Особым достоинством работы Г. Й. Рамстедта является то, что он, опираясь на факты тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков, при анализе конкретных грамматических форм выводит на основании соответствующих фонетических закономерностей как бы общую для всех этих языков пра-алтайскую форму, характерную для общеалтайского языка-основы, и, далее, приводит значительный фактический материал по каждой из перечисленных групп языков, иллюстрирующий и доказывающий правомерность реконструированной формы [2: 37]. На основании данных закономерностей был сформулирован закон, получивший название «Фонетический закон Рамстедта — Пеллио» [8: 55].

Во всех алтайских языках прослеживается чередование звуков в присоединяемых к основе грамматических показателях. В соответствии с определенными фонетически обусловленными правилами один и тот же показатель варьируется, причем изменениям подвержены как гласные, так и согласные. Степень изменения гласного аффикса и соединительного гласного полностью зависит от звукового состава основы, в частности от гласного ее первого слога. Эта зависимость именуется гармонией гласных, или сингармонизмом. Важно отметить, что в тунгусских языках представлен сингармонизм несколько иного типа (уподобление не по рядности, а по подъему) [6: 28].

Также данным языкам присущи неустойчивость конечного «н», тенденция избежать начальных звонких согласных, отсутствие долгих или удвоенных согласных и расположенность к открытым слогам [8: 54].

Второе основное направление алтаистики представляет теорию о типологическом схождении алтайских языков, согласно которой алтайская общность сформировалась не за счет разделения единого языка, а за счет контактирования генетически неродственных языков, образовавших языковой союз со значительным фондом общей лексики, сходных элементов в морфологии и общих черт в синтаксисе [3: 140]. Ее сторонниками являются русский и польский лингвист и востоковед В. Л. Котвич, британский востоковед-тюрколог Дж. Клоусен, советский и российский тюрколог и алтаист А. М. Щербак и советский филолог-монголовед Г. Д. Санжеев [2: 49]. Далее мы рассмотрим аргументы этих исследователей, приведенные в опровержение теории генетического родства алтайских языков.

Согласно трудам В. Л. Котвича, в далекую эпоху, относящуюся ко времени за несколько веков до нашей эры, к северу от Китая находились тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские племена, говорившие на различных, но типологически сходных языках. В процессе передвижения отдельные группы этих племен выделялись и изолировались, а их языки под влиянием новых субстратов приобретали свои особые черты. Таким образом, В. Л. Котвич считает, что благодаря постоянному передвижению различных по языку этнических групп и часто возникающих языковых контактов можно с уверенностью говорить о тюркских заимствованиях в монгольских и маньчжурских языках, как и о значительном влиянии этих языков на тюркские языки [2: 45].

В лексике и грамматике алтайских языков имеются расхождения. А. М. Щербак относится к ученым, которые категорически отрицают родство алтайских языков [2: 49]. Придерживающиеся данной точки зрения считают невозможным их сравнительно-исторические исследования и предлагают ограничиться только установлением объема и характера лексических и грамматических взаимосвязей этих языков [2: 33]. В своей статье «Об алтайской гипотезе в языкознании» А. М. Щербак критически подошел к ряду доводов Г. Й. Рамстедта.

Фонетический закон Рамстедта — Пеллио — это закон соответствия начальных смычных звуков, установленный на материалах всех трех языковых групп (тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской) [8: 55]. Однако русский востоковед С. М. Широкогоров после изучения возможности применения данного закона к тунгусскому материалу пришел к отрицательным выводам [8: 57]. А попытка распространить «закон»

соответствия начальных смычных на такие слова, как эвенкийск. *хукур* «корова» (ср. тур. *öküz*, монг. *чхэр*), подрывает в основе гипотезу об общем тунгусо-маньчжурском смычном.

П. Пеллио также высказывает предположение, что в прототюркском языке в некотором количестве слов начальный **n* или **φ* перешел в *б* и таким образом сохранился [8: 58]. Однако наличие «приставных» согласных в начале некоторых слов в ряде тюркских языков не может рассматриваться как свидетельство сохранения этими языками следов праалтайского или пратюркского смычного. «Приставные» согласные — это продукт явления, имевшего место во многих языках и заключавшегося в том, что начальные гласные в этих языках почти всегда имели слабую инкурсию, которая в зависимости от разных условий могла приобретать совершенно конкретное звуковое качество или сохраняться в неопределенном виде [8: 60].

Огромное количество лексических и морфологических параллелей выделено Г. Й. Рамstedтом без достаточных оснований. Таковы тюрк. *ördäk* «утка» и монг. письм. *örüne* «запад», тюрк. *үч* «три» и монг. письм. *üçüken* «маленький» и т. д. Количество подобных параллелей составляет значительную часть используемых Г. Й. Рамstedтом примеров. Характерно, что при выделении указанных выше параллелей Г. Й. Рамstedт иногда не считается даже с теми фонетическими соответствиями, которые он установил сам [8: 63].

Перейдем к последнему аргументу, который приводится против теории родства алтайских языков. В мире существует четыре структурных типа языков: агглютинативные, изолирующие, флективные и инкорпорирующие [5: 109]. Каждому типу присущи особые типологические свойства, однако необходимо осознавать, что структурное сходство языков необязательно свидетельствует об их генетическом родстве, а структурные различия — об отсутствии генетического родства [5: 110].

Многие из аргументов Г. Й. Рамstedта причисляются авторами статьи к строевым особенностям агглютинативных языков, а следовательно, не могут использоваться в качестве аргументов, подтверждающих генетическое родство рассматриваемых языков. В частности: иерархический порядок слов в предложении — второстепенные члены предшествуют главным (определение предшествует определяемому и т. п.); отсутствие союзов и вводимых ими сложных предложений — вместо них в агглютинативных языках активно используются глагольные имена и

вводимые ими осложняющие конструкции; отсутствие рода: у лексем отсутствуют какие-либо классифицирующие грамматические значения, способные иметь морфологическое выражение или маркировку (например, категориальные значения рода, одушевленности/неодушевленности) и отсутствие формы единственного числа [5: 114].

В рамках настоящей работы была рассмотрена проблема родства алтайских языков. Опираясь на работы Н. А. Баскакова, Г. Й. Рамстедта, А. М. Щербака, С. А. Старостина, В. Г. Гузева и А. А. Бурыкина, мы составили представление об алтайской и урало-алтайской языковых общностях, разобрались с тем, какие языки в них входят и какие исторические попытки были предприняты для доказательства/опровержения родства как между данными общностями, так и внутри каждой из них. Также нами были рассмотрены аргументы исследователей за теорию генетического родства языков алтайской семьи и доводы ученых, отрицающих родство алтайских языков на генетическом уровне и выступающих за теорию их типологического сходства и межъязыковых заимствований.

В результате проведенной нами работы мы пришли к выводу, что проблема родства алтайских языков по сей день остается нерешенной. В книге современных алтаистов Игоря де Рашвильца и Фолькера Рыбцаки «Introduction to Altaic Philology» даже соавторы не сходятся между собой во мнениях о гипотезе родства алтайских языков [9: 355]. Таким образом, это до сих пор очень противоречивая гипотеза, имеющая своих приверженцев и противников. Как отмечают авторы: «The problem is not solved, so the discussion is not finished»² [9: 356].

Литература:

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
2. Баскаков, Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. — М.: Наука, 1981. — 134 с.
3. Бурыкин, А. А. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. — СПб., 2015.
4. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. — 318 с.
5. Гузев, В. Г. Общие строевые особенности агглютинативных языков

² «Проблема не решена, поэтому обсуждение еще не окончено».

- / В. Г. Гузев, А. А. Бурькин // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* — Т. III. — Ч. 1. — СПб.: Нестор-история, 2007.
6. Рамстедт, Г. Й. Введение в алтайское языкознание. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. — 242 с.
  7. Старостин, С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М.: Наука, 1991. — 190 с.
  8. Щербак, А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании // *Вопросы языкознания.* — 1959. — № 6.
  9. de Rachewiltz, I. Introduction to Altaic Philology: Turkic, Mongolian, Manchu. p. cm. — (*Handbook of Oriental Studies = Handbuch der Orientalistik.* — Section 8. — Central Asia; 20) / Igor de Rachewiltz, Volker Rybatzki; with collaboration of Hung Ching-fu. — Leiden; Boston, 2010. — 534 p.

Ш. А. Мамбетова

Феномен самозванства в истории Турции и России (XV–XVII вв.)

Аннотация: Исследование посвящено изучению феномена самозванства в истории Турции и России в XV–XVII вв. В ходе исследования были рассмотрены генезис и бытование данного явления, использование самозванцев внутренними и внешними силами; выявлены общие и отличительные черты самозванства в истории Турции и России, было проанализировано социально-политическое влияние феномена самозванства на ход истории двух государств.

Ключевые слова: Феномен самозванства, самозванец, политическое (царистское) самозванство, социально-утопические легенды, самозванство как специфическая форма народной борьбы против феодального государства, самозванство как культурно-исторический феномен, религиозный аспект самозванства как явления русской культуры, типология российских самозванцев, использование самозванцев.

Sh. A. Mambetova

The phenomenon of imposture in the Turkish and Russian history of the 15th–17th centuries

Abstract: The aim of this research was to study the phenomenon of the imposture in the history of Turkey and Russia in the 15th–17th centuries. Genesis and existence of this phenomenon were studied alongside the use of impostors by internal and external forces. Some general and distinctive features of the imposture were identified. The social and political influence of self-proclamation on the course of the history of two states was analyzed as well.

Key words: The phenomenon of imposture, impostor, political (tsarist) imposture, social and utopian legends, imposture as a specific form of popular struggle against the feudal state, imposture as cultural and historical phenomenon, the religious aspect of imposture as a phenomenon of Russian culture, typology of Russian impostors, the use of impostors.

Такое явление, как самозванство было свойственно еще древним обществам Востока и Запада (Лжесмердис, который упоминается в третьей книге Геродота «Талия», выдавал себя за умершего сына Кира Великого (559–530 до н. э.); Араха, утверждавший, что он сын последнего вавилонского царя Набонида (после 556–539 до н. э.); Филипп, который выдавал себя за сына последнего царя Македонии Персея (179–168 до н. э.); самозванец, выдававший себя за императора Нерона (54–68 до н. э.) и утверждавший, что он спасся от смерти). Под термином «самозванство» принято понимать присвоение отдельными личностями имен известных людей (правителей, пророков и т. д.) для достижения определенных целей. Можно выделить два основных типа самозванства — царистское и религиозное.

Появлению почти всех лжецарей, как показывают исторические примеры, предшествовала совокупность нескольких факторов:

- социально-политический кризис;
- прерывание правящей династии;
- народная вера в чудесное спасение царя и в его скорое возвращение;
- странные обстоятельства смерти, создающие удобную ситуацию для самозванцев.

Почти все лжецари и лжецаревичи, независимо от своих «добрых» или «корыстных» побуждений, выступали против правящей власти. Также находились те, кто пытался использовать их в собственных интересах. Немногие из самозванцев добились успеха. Однако даже правление преуспевших длилось не долго, и все они — и те, кому благоволила фортуна, и те, кому нет, — закончили одинаково.

В отличие от самозванства в Турции, которое вспыхнуло в XV в. и уже к концу XVII в. угасло, это явление в истории России долговечное. Оно появилось в начале XVII в. и продолжалось до XIX в. Количество самозванцев с их момента появления в истории России и до конца XVII в. составляет около 20 [11: 53].

Также стоит отметить, что самозванство, хотя и не являлось особенностью какого-то определенного народа, в каждой стране имело свои специфические черты. Так, в Османской империи в основном имело место политическое (царистское) самозванство. В меньшей степени было распространено самозванство религиозного типа, несмотря на то, что социальные движения находили свое проявление в распространении

религиозных ересей. Самозванство в Турции возникало в результате социально-экономических и политических проблем, а иногда — просто в зависимости от популярности и репутации того или иного султанского сына (шехзаде). Ярким примером этого является казненный сын султана Сулеймана Великолепного (1520–1566) шехзаде Мустафа, который был популярен среди народа и янычар.

В России было широко распространено политическое (царистское) самозванство, а также имело место самозванство религиозное. В России данное явление обуславливалось совокупностью ряда факторов — таких, как династический кризис, сложное социально-экономическое положение, наличие утопических легенд о «возвращающемся избавителе» и вера в «хорошего царя»; представление о богоданности царя, сакрализация царской власти и пр.

В обоих государствах бытовали утопические легенды, однако русские самозванцы ими максимально пользовались в отличие от своих турецких товарищей. В России самой известной в конце XVI – начале XVII вв. была легенда о «возвращающемся избавителе» [15: 49]. Крестьяне, попавшие в зависимость от феодала и не имевшие шанса уйти от него, полагались только на царя, который мог бы облегчить их участь. Однако люди, правившие страной в конце XVI – начале XVII вв. (Федор Иванович (1584–1598), Борис Годунов (1598–1605), Василий Шуйский (1606–1610)), не оправдали надежды народа на освобождение от крепостного права и разочаровали его. «При сохранении веры в добрые намерения истинного царя это приводило к убеждению, что царствующий царь не настоящий, и к изживанию формулы “царь хочет, бояре не дают”». Династический кризис, наступивший со смертью последнего представителя правящей династии (Ивана Грозного (1547–1584)) и разочарование в правлении последующих царей, ускорили созревание данного типа легенды и создали благоприятную почву для появления самозванцев. Народ, верующий в приход «царя-избавителя», проецировал свои ожидания на самозванца и с их помощью надеялся освободиться от феодальных угнетений. В Турции легенда о махди, возникшая в XV в. на почве усиления эксплуатации крестьян (крестьяне теряли свои земли, страдали от произвола феодалов, высоких налогов и частых междоусобных войн), имела религиозный характер и в общем не была подхвачена массами. Ни один из рассмотренных нами в турецких самозванцев (за исключением Шейха Бедредина) не объявлял себя махди. Хотя

к ним и присоединялись суфии, среди которых эта идея была популярна.

В России самозванцы в первую очередь оспаривали легитимность царя (за некоторыми исключениями), а в Турции самозванцы не ставили под сомнение «истинность» правящего султана и в своих претензиях на султанский трон опирались помимо своего якобы царского происхождения еще и на тюркские традиции, в которых нормами права устанавливается «институт старшинства» [7: 159]. В России сакрализация царской власти, народные представления о богоизбранности царя, отсутствие каких-либо четких критериев, позволяющих отличить истинного царя от неистинного и наличие на теле «царских знаков» сильно воздействовали на психологию самозванца и заставляли его в какой-то степени поверить в то, что он был избран Богом и ему предназначено царствовать. Нарушение прямого порядка престолонаследия приводило к тому, что для самозванца, поверившего в свое предназначение и избранничество, тот, кто реально занимал престол, являлся самозванцем. Наличие одного самозванца на троне провоцировало появление других: происходил как бы конкурс самозванцев, каждый из которых претендовал на свою отмеченность (избранность). В Турции, хоть и считали султана тенью Аллаха на земле, самозванцы никогда не ставили под сомнение «истинность» правящего султана.

Как российские, так и турецкие самозванцы использовали идею естественного продолжения правящей или правившей ранее династии (в России династический кризис, наступивший со смертью последнего правителя из рода Рюриковичей, правивших Русью еще с IX в., стал одной из причин появления самозванства. В Турции смерть султана Баязида I (1389–1402), не назначившего наследника престола, и последовавшая за ней междоусобная война между братьями приводит к появлению самозванца, который заявлял о своих законных правах, опираясь на древние тюркские традиции «старшинства» и претендовал на султанский трон. Сложная социальная и экономическая ситуация в государстве создавала благоприятную почву и помогала набирать сторонников; поиск легкой наживы заманивал мелких феодалов; странные обстоятельства смерти правителя (либо наследника) давали повод сомневаться в смерти царя и предполагать подлинность самозванцев, которые рассказывали о своем чудесном спасении от смерти или плена, обещали наградить тех, кто поддержит их, после воцарения, прибегали к разным уловкам, чтобы доказать свою принадлежность к царскому роду.

Нередко самозванцы становились политическими марионетками в руках правящих кругов, иностранцев, предводителей народных движений. Господствующая верхушка прибегала к использованию самозванцев для устранения неугодного им правителя и/или своих политических противников. Так, например, крупные бояре, недовольные правлением Бориса Годунова, который ущемлял их права и привилегии и опирался на дворянство, пустили слухи о «спасении» царевича Дмитрия для того, чтобы свергнуть с престола неугодного им царя. Получив от Лжедмитрия I (1605–1606) боярство, вотчину и дворы Годуновых, братья Марии Нагой признали его царское происхождение и, будучи недовольны Годуновым, охотно пошли служить самозванцу.

Европейские державы и соседние страны, поддерживая самозванцев, пытались вмешаться в дела Османской империи и Московского государства. Так, например, несмотря на дружественные отношения между государствами, реакционные круги польских и литовских феодалов активно поддерживали Лжедмитрия I и мечтали захватить часть русских земель и подчинить Россию Речи Посполитой. В свою очередь, самозванец взамен поддержки деньгами и военными силами обещал отдать полякам Северную и Смоленскую земли после своего воцарения. Объявившийся в начале 1607 г. Лжедмитрий II (1607–1610) также был ставленником Речи Посполитой, которого поддерживали отряды шляхты. Лагерь самозванца в Тушине фактически находился под руководством польских отрядов.

Что касается использования самозванцев иностранными силами в истории Турции, можно привести в пример ситуацию в Османском государстве после ухода Тимура (1370–1405), когда в стране наступил период Междуцарствия (Фетрет деври). Византия, пользуясь этой ситуацией и поддерживая то одного сына Баязида I, то другого, активно вмешивалась в турецкие дела.

Так, Лжемустафа I в турецкой историографии выступает в роли марионетки, выдвинутой византийским императором Мануилом II Палеологом (1391–1425) на арену политических интриг в качестве сына Баязида Молниеносного и потенциального претендента на турецкий престол.

Нередко предводители народных движений пытались иметь при себе какого-нибудь самозванца, так как их наличие санкционировало выступление против феодалов. Восстания И. И. Болотникова в 1606–1607 гг.

и С. Т. Разина в 1669–1671 гг. — явный тому пример. Ни Болотников, ни Разин не претендовали на захват царской власти. Они лишь использовали наличие лжецаревичей среди своего войска для легитимации своих действий в борьбе против бояр-изменников.

Самозванство в истории России XVII в. представило миру «верхних»¹ и «нижних»², «авантюристов»³, «марионеток»⁴, «пропагандистов»⁵, «реформаторов»⁶, «благенных»⁷, «защитников»⁸, «мошенников»⁹ и многих других. Однако до сих пор не разработана универсальная типология самозванцев. Это немаловажно, так как, относя самозванцев к тем или иным типам, можно будет выявить причины их успехов или

¹ Это самозванец, выступающий в данной роли по чужой воле заинтересованных политических сил. Такой тип самозванства был менее всего распространен и соотносится едва ли не с единственным Лжедмитрием I.

² Человек из низов или близкий к низам, который одновременно понятен и непонятен. Понятен — потому что, преодолев недоверие, становился по логике масс своим. Непонятен — потому что, по представлениям низов, это свойство исконно царское.

³ Индивиды, «которые приняли на себя новое имя и/или новый статус только ради личной выгоды, которые даже не прикрывали свою корысть обещаниями популярных мер и привлекательными для народа лозунгами, а также добивались своих целей путем дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где они вращались» [1: 48].

⁴ Это самозванец, выступающий в данной роли по чужой воле заинтересованных политических сил. Такой тип самозванства был менее всего распространен и соотносится едва ли не с единственным Лжедмитрием I.

⁵ Это человек, принужденный за отсутствием иных средств полагаться на бойкость ума и острогу своего пера.

⁶ Это человек, который пытается сочетать личные интересы с интересами своих соратников и сторонников (неважно, искренне или только для виду). К этой же группе относятся и лица, которые хотя и не обещали провести социальные преобразования, но оказались замешанными в движениях социального протеста «светского» характера.

⁷ Самозванцы, не вошедшие в состав первых двух типов и полагающие, что «после “проявления” их ждет “законное” место на троне или рядом с ним». Среди них преобладают люди, с расстройленной психикой [3: 18].

⁸ Это «заступник народа от произвола чиновников, изменивших “законному государю”; он руководствуется “деятельностью для другого”. Мотив его самозванства — различные мирские “несправедливости”: его действие направлено на установление традиционного социального порядка; его целью является привлечение внимания властей к решению конкретных социальных проблем и попытка вмешательства в процесс принятия политических решений». Как правило, этот тип самозванцев имел массовую социальную поддержку [10: 306].

⁹ Тот, кто преследует личную, в том числе материальную, выгоду; это «деятельность для себя». Примеры подобного типа самозванства в основном редко получали поддержку (а тем более — массовую) и далее реализации индивидуальных замыслов не заходили и, таким образом, в движение самозванства не перерастали [10: 308].

неудач, понять социокультурные обстоятельства, сопровождавшие народное безразличие или отклик на призывы лжецарей и лжецаревичей.

Таким образом, можно сделать вывод, что феномен самозванства в истории Турции и России отличался друг от друга, хотя некоторые черты совпадали.

Литература:

1. Андреев, И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание — сила. — 1995. — № 8. — С. 46–56.
2. Арканникова, М. С. Идентификационный дискурс самозванства // Вестник РГГУ. — 2014. — № 1. — Политология: Социально-коммуникативные науки. — С. 159–164.
3. Арканникова, М. С. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — СПб., 2005. — 24 с.
4. Жуков, К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. / Отв. ред. М. С. Мейер. — М.: Наука; ГРВЛ, 1988. — 192 с.
5. Ламкина, Г. П. Самозванство в контексте кризиса института политической власти в России XVII века // Вестник Моск. ун-та. — 2008. — № 4. — С. 3–7.
6. Пери, М. Самозванцы XVII века и вопрос о легитимности правящего царя // Самозванцы и самозванчество в Московии. — Будапешт, 2010. — С. 66–88.
7. Петросян, И. Е. Янычары в Османской империи. Государство и войны (XV – начало XVII в.). — СПб.: Наука, 2019. — 604 с.
8. Смирнов, Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв.: в 2-х тт. — Т. 2. — М.: Изд-во МГУ, 1946. — 175 с.
9. Тюменцев, И. О. Рождение самозванчества в России в начале XVII века // Самозванцы и самозванчество в Московии. — Будапешт, 2010. — С. 100–127.
10. Усенко, О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (Опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. — М., 2004. — Вып. 2. — С. 290–353.
11. Усенко, О. Г. Самозванчество на Руси: норма или патология // Родина. — 1995. — № 1. — С. 53–72.
12. Успенский, Б. А. Царь и Бог: (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) / Б. А. Успенский, В. М. Живов // Успенский, Б. А. Избр. тр. — Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. —

- 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 205–337.
13. Успенский, Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский, Б. А. Избр. тр. — Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 142–183.
  14. Флоря, Б. Н. Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х – начале 30-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. — Часть 1. Главные тенденции политических взаимоотношений. — М., 1998. — С. 96–115.
  15. Чистов, К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 120 с.
  16. Uzunçarşılı, İ. H. Osmanlı Tarihi. — Cilt I-II. — Ankara: TTK Basımevi, 1988.

Е. М. Напольнова

Семантика турецких глаголов *al-* ‘брать’ и *ver-* ‘давать’

Аннотация: В статье представлены результаты анализа семантических компонентов, синтаксической и лексической сочетаемости и вторичных значений турецких глаголов *ver-* ‘давать’ и *al-* ‘брать’. Глаголы представляются антонимами, но их парадигматические отношения не однозначны. *Ver-* ‘давать’ описывает добровольную передачу Источником Объекта Адресату из рук в руки. Семантически значимой валентностью является направление перемещения, выражаемое дативом. *Al-* ‘брать’ не содержит указания на передачу из рук в руки. Адресат может быть единственным участником акта. *Al-* может отражать действие, совершаемое с приложением силы. С помощью датива может указываться конечный «выгодополучатель» действия. Важным семантическим компонентом является воздействие на Объект.

Ключевые слова: турецкий язык, тюркские языки, турецкие глаголы *al-* и *ver-*, семантика турецких глаголов, лексико-семантические исследования тюркских языков.

Е. М. Napolnova

Semantics of the Turkish verbs *al-* and *ver-*

Abstract: Analysis of semantic components, syntactic and lexical compatibility, and features of the formation of secondary meanings of Turkish verbs *ver-* ‘give’ and *al-* ‘take’ shows that these verbs appear to be antonyms, but their paradigmatic relations are rather complex. It is established that in relation to the semantics of *ver-* it is important that the "act of transfer" is carried out between the two sides "hand in hand"; the most important semantic valence is the direction of movement of the Thing, expressed by Dative. Concerning the semantics of *al-*, it is important that the act of receiving the Thing by the Recipient can be one-sided, i.e. there is no mandatory condition for transferring the Thing "from hand to hand"; several meanings of *al-* reflect "transfer" as a forced act performed by Recipient without the Giver's consent or by force; the most important semantic component is influencing the object; the end point of the moving Thing can be not the Recipient but a third person, or a point.

Key words: Turkish, Turkic languages, verbs "give" and "take" in Turkish, semantics of Turkic verbs, lexical and semantic studies of Turkic languages

Современное понимание задач лексической семантики определяется коммуникативным подходом к изучению языка как средства общения и обмена информацией и включает в себя определение норм синтаксической, семантической и лексической сочетаемости слов, соблюдение которых является условием их правильного соединения в высказывании на определенном языке, правильного понимания высказывания, прослеживания семантических отношений между высказываниями, а также осуществления лексико-семантических преобразования высказываний, что достигается использованием как синонимов, так и других языковых средств — дериватов, многозначных слов, конверсивов, антонимов.

Исследование имело две задачи: практическую — для использования в ходе обучения турецкому языку как иностранному, и теоретическую — заложить основу для сравнения эквивалентов этих глаголов в тюркских языках с целью определения истоков и путей развития их семантики и процессов формирования вторичных значений, что позволит вовлечь тюркские языки в сферу типологических лексико-семантических исследований.

В прямом значении глаголы со значениями «брать» и «давать» в разных языках выражают каузируемое перемещение объектов между участниками акта. Стандартность описываемой глаголами «давать» и «брать» ситуации межличностного взаимодействия, заключающейся в «передаче объекта из рук в руки», существенно отлична от того, насколько сложна семантика таких глаголов и на каких характеристиках передаваемых объектов, особенностях акта передачи и намерений участников может быть акцентировано внимание в разных языках, а также с использованием каких языковых инструментов это осуществляется [10: IX]. В качестве основных направлений формирования переносных значений глаголов «давать» в разных языках в [10: X] указываются: межличностное общение (*I gave a lecture to the third-year students*); возникновение / проявление (*The sun gives warmth*; “give fruit”, “give interest” в итальянском); становиться причиной, позволять; схематическое взаимодействие (*I gave the car a wash*); маркировка адресата / бенефициара; перемещение (“to go to a place” в немецком); вспомогательный глагол со значением завершенности действия.

В турецком языке для описания акта передачи объектов используются два основных глагола — *ver-* ‘давать’ и *al-* ‘брать’.

В отношении семантики *ver-* важно, что

– «акт передачи» осуществляется между двумя сторонами «из рук в руки»;

– передача Объекта Адресату является «актом доброй воли» со стороны Источника;

– Объект перемещается из «личного пространства» Источника в «личное пространство» Адресата;

– перемещение Объекта происходит в направлении, выраженном дативом; незаполненность этой семантической валентности приводит к изменению значения глагола на ‘производить’;

– значение ‘продавать’ реализуется только при условии дополнительных контекстуальных или лексических указаний.

В отношении семантики *al-* важно, что

– акт получения Объекта Адресатом может быть односторонним;

– не имеется обязательного условия передачи Объекта «из рук в руки»;

– перемещение Объекта в собственное «личное пространство» может осуществляться Адресатом насильственным/принудительным путем;

– наиболее важным семантическим компонентом является оказание воздействия на объект;

– значение ‘покупать’ вторично по отношению к ‘брать’, однако для турецкого языка должно признаваться одним из основных; при описании купли-продажи датив может маркировать эквивалент стоимости Объекта;

– конечной точкой перемещения Объекта может являться не сам Адресат, а третье лицо («выгодополучатель») или точка в пространстве («место назначения»), маркируемые дативом;

– Объект может перемещаться не только в «личное пространство» Адресата, но и внутрь него.

Литература:

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Апресян, Ю. Д. Избранные труды. — Т. 1. — М., 1995.
2. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян, Ю. Д. Избранные труды. — Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М., 1995. — С. 629—650.

3. Вострикова, Н. В. Грамматикализация глаголов каузации движения и изменения положения в пространстве // Диалог-2003: Труды Международной конференции (г. Протвино, 11–16 июня 2003 г.). — М., 2003. — С. 36—48 // URL: www.dialog-21.ru/media/2701/vostrikova.pdf
4. Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А.М. Щербак. — Л., 1969.

О. А. Нурьева

Недостаточные глаголы в языке произведения «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского

Аннотация: При исследовании языка поэмы «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского выявлено употребление недостаточных глаголов. Формы недостаточных глаголов, такие, как *turur*; *erdi/idi*, *erse/ise*, *erür*; *erken*, *ermiş*, имеющие место в письменном памятнике XI в., дают возможность проследить степень развития туркменского языка в Средние века. Каждая из этих форм недостаточных глаголов формировалась по-своему и отличается смысловым оттенком.

Ключевые слова: язык поэмы «Кутадгу билиг», недостаточные глаголы.

O. A. Nuryyeva

Insufficient verbs in the language of “Kutadgu bilig” by Ýusuf Balasagun

Abstract: At researching of the poem “Kutadgu Bilig” by Yusuf Balasagun it have been revealed the use of insufficient verbs in the work. The forms of insufficient verbs, such as, *turur*; *erdi/idi*, *erse/ise*, *erür*; *erken*, *ermiş* which were found in the written monument of XI century are reliable source for providing in research of development of Turkmen language in the Middle Ages. Each of these forms of insufficient verbs was formed in own way and differs in semantically.

Key words: language of the poem “Kutadgu Bilig”, insufficient verbs.

Поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского является выдающимся письменным памятником духовного культурного наследия тюркских народов, откуда можно черпать богатый лингвистический материал для исследования истории туркменского языка. В языке этого произведения использованы недостаточные глаголы. В туркменском языке недостаточными глаголами называют те языковые элементы, которые придают словам, к которым они присоединяются, оттенок сказуемости и глагольные свойства, способствующие их спряжению по лицам и изменению по временам.

В древней туркменской письменности использовались недостаточные глаголы? оканчивающиеся на *durur/-dur/-dъr*, *erъr*, *erdi//idi/-dy/-di*, *ermie//imie/ -mye/-mie*, *erken//eken*, *-kan*. В современном туркменском языке из перечисленных языковых единиц используются такие аффиксы, как *-ken*, *-ka/ -kд*, *ise*, *idъk*, *ermes//imes*. В современном туркменском языке некоторые из этих единиц утратили свою лексическую самостоятельность или стали окончанием. Недостаточные глаголы в туркменском языкознании так и называются «недостаточными глаголами», а в некоторых грамматиках (1960) «категориями сказуемости». В тюркологии эти формы именуются по-разному. Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян, А. Н. Кононов называют недостаточные глаголы «категорией сказуемости» или «аффиксами сказуемости» [4: 5–15; Севортян 9: 16–21; 7: 203]. Они именовали их так потому, что существительные, глаголы и другие группы слов, которые принимают формы недостаточных глаголов, приобретают предикативный характер. Слова эти, принимая личные окончания, выступают как предикат предложения, относящийся к разным лицам.

А. Н. Баскаков противоречит точке зрения ученых, которые называют недостаточные глаголы «аффиксами сказуемости», отмечая, что предикативность в предложении связана не с добавлением форм недостаточных глаголов, а с личными окончаниями глаголов, которые к ним прибавляются, и что эта ситуация является не синтаксическим, а морфологическим феноменом [1: 274].

Э. И. Будагова также не согласна с наименованием недостаточных глаголов термином «категория сказуемости» [11: 120].

Недостаточные глаголы именовались также и другими терминами. Одни исследователи называют их вспомогательными глаголами [6: 179–181; 3: 194], другие считают их глаголами-связками [10: 158–161; 2: 178–180], третьи — частицами [5: 36], четвертые — модальными формами глаголов [8: 219–229]. В целом эти различия в названиях связаны с морфологическими и синтаксическими свойствами недостаточных глаголов в предложении.

В туркменском языкознании использовался термин «категория сказуемости», но в последние годы популярным стал термин «недостаточные глаголы».

Туркменский исследователь Г. Баллыев в своем методическом пособии для студентов туркменской филологии определяет критерии, при

которых можно использовать термин «недостаточные глаголы». Отмечая основные условия использования термина «недостаточные глаголы» в туркменском языке, он полагает, что:

1. «Недостаточные глаголы по сути дела являются вспомогательными глаголами, у которых в последующем сократилось их лексическое значение.

2. Не способны быть во всех формах.

3. Таким образом, отличаясь от других вспомогательных глаголов, они имеют специфические особенности.

4. Несмотря на это, они содержат некоторые особенности глаголов:

а) участие в выражении времени;

б) распознавание в их семантике остатков вспомогательных глаголов;

в) вхождение в составе предиката предложения;

г) способность изменяться по числам и лицам и т. д.

5. Термин «недостаточный глагол» в целом, используя давно в школьной грамматике и учебных пособиях, «прижился» среди туркменского народа [12: 16].

Недостаточный глагол *turur* часто встречается в письменных памятниках туркменского языка. Исторический путь сокращения этой формы недостаточного глагола до окончания Н. А. Баскаков представляет так: *turur* > *tur* // *dur* > *dy* > *t* [1: 266].

В языке проанализированного нами письменного памятника «Кутадгу билиг» использовалась форма недостаточного глагола *tutur* (быть, являться). Например:

Negülük tise sen ukuşsuz turur (رورت) [КБ, 33] ‘Что ты не скажешь, то является неразумным’.

Biligke turur (رورت) *bu agyryk kamug* [КБ, 31] ‘Мудрости будет все уважение’.

Ukuşsuz kişiler ülügsüz turur (رورت) [КБ, 33] ‘Лишенные разума люди не имеют величия’.

В некоторых случаях недостаточный глагол *turur* употребляется с именами, обретая разные смысловые оттенки. По контексту их значение можно понять. Недостаточные глаголы, употребляясь с именами, обозначают утверждение, определение, сообщение чего-то. Это можно проследить по контексту. Например:

Üçgü turur (رورت) *tüz kamytmaz bolur* [КБ, 68] ‘Троих правильных не сдвинешь (с места)’.

Kamug üç adaklyg köni tüz *turur* (رورت) [КБ, 68] ‘Все три ножки (треножника) стоят прямо, правильно’.

Gara baş ýagysy guzyl til *turur* (رورت) [КБ, 80] ‘Врагом твоей головы будет красный язык’.

Biliglik sözi ýerke suw teg *turur* (رورت) [КБ, 80] ‘Ученое слово словно вода для земли’.

Biligsiz kişi köngli gum teg *turur* (رورت) [КБ, 81] ‘Душа неразумного человека как песок’.

Ýawa söz *turur* (رورت) bu gara baş ýigen [КБ, 82] ‘Пустое слово — головная боль’.

Ýise, todsa, ýatsa bu ýylky *turur* (رورت) [КБ, 82] ‘Если будет есть, насытится, спать в этом году’.

Часто употребляется в языке «Кутадгу билиг» форма недостаточного глагола на *erdi/idi*. Например:

Bir aý toldy atlyg är *erdi* (ىدرا) tetig [КБ, 44] ‘Сказали, что есть муж по имени Айтолды’.

Ýoryg *erdi* (ىدرا رىروى) erdem eligke alyp [КБ, 45] ‘Взяв в руки, доблестно шёл’.

Tonga Alp är *erdi* (ىدرا) kuty belgььg [КБ, 32] ‘Тонга Алп (великий) (Афрасияб) признак счастья’.

Sözi ýumşak *erdi* (ىدرا) tili tьz tamar [КБ, 45] ‘Слово мягкое, а язык соленый’.

Ogьr *erdi* (ىدرا رىروى) erdem eligke alyp [КБ, 45] ‘Взяв в руки, доблестно косил’.

В языке анализируемого письменного памятника встречаются случаи употребления формы недостаточного глагола на *erdi/idi* с именами и другими словами. Форма недостаточного глагола *erdi/idi* вместе с сопутствующим ему словом в предложении выступает сказуемым. Например:

Ýigit *erdi* (ىدىكى ىدرا) oglan kylynzu amul (asuda, rahat) [КБ, 45] ‘Мальчик стал джигитом, приобретя спокойствие’.

Bir aý toldy atlyg *er erdi* (ىدارا) tetig [КБ, 44] ‘Сказали, что есть муж по имени Айтолды’.

Ýüzi görkliig *erdi* (ىدرا كولاكروك) gьzьr gьz kamar [КБ, 45] ‘Лицо его стало красивым, увидав (его) глаза месяц’.

Tilekim söz *erdi* (ىدرا زوس) äz bilge bьgь [КБ, 33] ‘Прошу слово, эй, мудрый мудрец’.

Kiçig *erdi* (ىدرا كىج) äzeу ue ol ogььnut [КБ, 95] ‘Тот сын его был

маленьким по возрасту’.

Ýok erdim (مدرای قوی) tıçtıti igidti meni [КБ, 91] ‘Не было меня, родил и выкормил меня’.

Tonga Alp är erdi (رایدرای) kuty belgььg [КБ, 32] ‘Тонга Великий (Афрасияб) – признак счастья’.

Исследователи отмечают, что недостаточные глаголы сами по себе не могут быть в роли сказуемого в предложении. Например, «...недостаточные глаголы не имеют собственных лексических значений, а только придают дополнительные модальные оттенки значениям слов, глаголам и формам времени. Следовательно, они не могут быть самостоятельно сказуемым предложения, а только входят в состав предиката. А это значит, что они вместе с сопутствующим словом являются предикатом» [12: 10].

В языке поэмы «Кутадгу билиг» есть случаи добавления к форме недостаточного глагола на *erdi/idi* личных окончаний, особенно первого и второго лица единственного числа. Например:

Azur ýügrür erdim (مدرای رورکوی) aýu birdi ýol [КБ, 39] ‘Сбился с пути, как показали путь, я побежал’.

Köýer erdim (مدرای رایوک) otka küdezme ol [КБ, 39] ‘Я сторю в огне, если он не присмотрит’.

Törütülmüş erdiñ (شاملوت ووروتکنیدرای) törügli ölür [КБ, 101] ‘Ты создан, созданный умрет’.

Без окончания форма недостаточного глагола *erdi/idi* обозначает 3-е лицо. Например:

Syýaset kulur erdi (یدرای رولق) himmet bile [КБ, 41] ‘С усердием проводил политику’.

Ýugrak eştür erdi (روتشایدرای) gulak tutsa ma [КБ, 404] ‘Если прислушаешься, то услышишь издалека’.

Tolu erdi (یدرای ولوت) ауум irildi tolu [КБ, 89] ‘Полным было мое слово, полностью убыло’.

Talu erdi (یدرای ولات) kylkym baryr bu talu [КБ, 89] ‘Был мой характер особенным, исчезает (теперь) эта особенность’.

Biri edgü erdi (یدرای وكدا) any ögdiler [КБ, 30] ‘Один был хорошим, его хвалили’.

Biri isiz erdi (یدرای زیسیای) any söktiler [КБ, 30] ‘Другой был скверным, его бранили’.

В анализируемом языке письменного памятника глагол *erdi/di* так-

же может сочетаться с глаголами и выражать разное время.

В языке «Кутадгу билиг» встречается форма недостаточного глагола *-(g)ay erdi. -gay/-gey* — это желательного-мечтательная форма глагола, придающая недостаточному глаголу мечтательно-желательный смысл действия, которое произойдет в будущем. Например:

Tünirmegey erdi (یدرا یا کامرانوت) *ýarumyş güne* [КБ, 60] ‘Да не стемнеет из-за светящегося солнца’.

Esiz yer kody(aşak) bargay erdi (یدرا اغرب) *toga* [КБ, 417] ‘Неухоженная земля с рождения пропадет’.

Форма недостаточного глагола на *erdi/idi*, употребляясь с формой настояще-будущего времени на *-yr/-ir/-ar/-er*, выражает прошедшее незавершенное время. Например:

Sewinçin togar erdi (یدرا راغوت) *togmyş künüm* [КБ, 89] ‘Радость его появлялась в день моего рождения’.

В языке анализируемого письменного памятника присутствует форма недостаточного глагола на *erse/ise*, имеющая условное значение. Она образовалась от суффикса *i/-er-* и формы условного наклонения на *-sa/-se*, соответственно, придающей значение условности.

В языке «Кутадгу билиг» можно встретить форму недостаточного глагола *erse/ise* в сочетании с глаголами. Недостаточный глагол такой формы обозначает условие будущего движения. Например:

Gelip barmaz erse (یرا بیلک اسرا) *bu döwlet ýana* [КБ, 60] ‘Если не будет это богатство ещё’.

Sewer sewmez erse (یرا سامقىس راقس) *saňa açty göz* [КБ, 415] ‘Если любит или не любит, тебе откроет глаза’.

Цыт *boldy erse* (یرа یدلوب) *gara saç sakal* [КБ, 91] ‘Если будут белыми черные волосы и борода’.

Kaýu beg bolur erse (یرа رولوب) *mundag kulug* [КБ, 144] ‘Каким будет бек, такой будет и слуга’.

Встречается форма недостаточного глагола на *erse/ise* в сочетании с именами и модальными словами. Тем не менее, и в такой форме недостаточные глаголы обозначают условность предстоящего действия. Например:

Bitigde ýok erse (یرа قوی) *kim okgay any* [КБ, 32] ‘Если в книге нет, кто прочтет его’.

Ajunda ýok erse (یرа قوی) *bu edgü duga* [КБ, 417] ‘Если нет в мире этой доброй молитвы’.

Özi öldi erse (اسرا یدلوا) aty (یدلاق) kaldy yz [КБ, 29] ‘Если сам умрет, останется после него имя’.

Kylyñçy ne erse (اناسرا) kör asly ol ok [КБ, 415] ‘Если что совершит, причина его от того рода’.

Bilig kimde erse (ادویکاسرا) ajun begleri [КБ, 30] ‘Если у кого знание, он — бек вселенной’.

В языке анализируемого письменного памятника обнаруживается форма недостаточного глагола *erür*. Она образовалась способом присоединения к вспомогательному глаголу *er-* формы причастия настоящего будущего времени. Помимо этого, встречается форма недостаточного глагола, образованная от вспомогательного глагола *er-* и отрицательного суффикса *-maz/-mez*. Например:

Wefa kylgu ermez (وغلیقسامرا) ýetürgil bilig [КБ, 423] ‘Если недобросовестный, дай знание’.

Эана ýangu ermez (وکنایسامرا) geçürmiş günüň [КБ, 101] ‘Еще не сделал добро, пройдет твой день’.

Ýaş ermez (شایسامرا) bu edgü bu künlük sanga [КБ, 77] ‘Жизнь не будет такой хорошей сегодня тебе’.

Kidin (yzky) öňden ermez (زامرا) ne soldan ongun [КБ, 19] ‘Ни сзади, ни спереди, ни слева и справа’.

Bu gün bolmuş ermez (سامرا شملوب) gelip barmagym [КБ, 91] ‘Сегодня не будет прибытия, не убытия’.

Bu saklyk erür (قلقاسرورا) hem şerigat işi [КБ, 43] ‘Эта чуткость — тоже дело шариата’.

Недостаточный глагол *erür* «...когда употребляется с именами и некоторыми другими словами, придавая глагольное значение как *turur*; служит для передачи таких модальных оттенков значения, как подтверждение, сомнение, простое намерение» [12: 16]. В вышеприведенных примерах недостаточных глаголов это значение тоже прослеживается.

Реже в языке «Кутадгу билиг» употребляется недостаточный глагол *erken*, образованный от *-kan/-ken*, сократившийся от вспомогательного глагола *er-* и слова *eken*. Например:

Sen oglan kiçig erken (ناکرا) öldi ataň [КБ, 413] ‘Когда ты был маленьким мальчиком, умер твой отец’.

В языке анализируемого письменного памятника реже используется форма недостаточного глагола *ermic*, образовавшаяся от вспомогательного глагола *er-* и формы прошедшего времени *-muş/-miş*. При

употреблении этой формы с именами и другими словами она передает значение сомнения о произошедшем случае, который говорящий лично не видел. Например:

Okuşlug biliglig beg *ermiş* (شىمىرا كىب) amul [КБ, 45] ‘Начитанный и образованный бек был смиренным’.

В языке анализируемого памятника форма недостаточного глагола *ermiş* употребляется с глаголом, обозначающим настоящее-будущее время. Недостаточный глагол в этой форме обозначает продолжительность начатого действия. Например:

Tiler ermiş (شىمىرا رالىت) erdem idilerin ol [КБ, 45] ‘Он просил доблести от господина (хозяина)’.

В связи с употреблением недостаточных глаголов в языке поэмы «Кутадгу билиг» можно проследить ту языковую норму, которая была присуща времени образования этого письменного памятника. В языке анализируемого письменного памятника чаще всего употребляются формы недостаточного глагола *turur*; *erdi/idi*, *erse/ise*. Значительно реже употребляются формы недостаточного глагола *erür*; *erken*, *ermiş*. Каждая из этих форм отличается смысловым оттенком.

Принятое сокращение:

КБ — Юсуф Баласагунский. Кутадгу билиг (наманганский список). — Анкара, 2015.

Литература:

1. Баскаков, А. Н. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — II. Морфология. — М., 1956. — С. 263–303.
2. Грамматика азербайджанского языка. — Баку, 1971. — 178 с.
3. Дмитриев, Н. К. Грамматика башкирского языка. — М.; Л., 1948. — 276 с.
4. Дмитриев, Н. К. К истории аффиксов сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II. Морфология. — М., 1956. С. 5–15
5. Исхаков, Ф. Г. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. — М., 1961. — 363 с.
6. Казем-Бек, М. А. Общая грамматика турецко-татарского языка. — Казань, 1846.

7. Кононов, А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л., 1960. — 446 с.
8. Покровская, Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. — М., 1964.
9. Севортян, Э. В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — II. Морфология. — М., 1956. — С. 16–21.
10. Серебренников, Б. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б. Серебренников, Н. Гаджиева. — Баку, 1979. — 304 с.
11. Будагова, З. И. Мүасир азэрбајчан дилиндә хәбәрлик категоријасы. Әдәбијат ве дилчилик мәчмуәси. — Бақы, 1960. — 120 с.
12. Türkmen diliniñ ýazuw ýadygärliklerinde kem işlikler. Методическое пособие / Подготовлено к печати Г. Баллыевым. — Ашхабад, 1989. — 67 с.

A. B. Образцов, A. C. Сулейманова

Повествовательная стратегия Ахмеда Митхата в романе «Фелятун-бей и Рақым-эфенди»

Аннотация: В данной статье рассматриваются элементы повествовательной стратегии, к которым прибегает Ахмед Митхат для создания образов «правильной» и «неправильной» европеизации в романе «Фелятун-бей и Рақым-эфенди».

Ключевые слова: Ахмед Митхат, роман «Фелятун-бей и Рақым-эфенди», повествовательная стратегия, повествующий субъект, европеизация.

A. V. Obratsov, A. S. Suleymanova

The narrative strategy of Ahmet Mithat in the novel “Felâton Bey ile Râkım Efendi”

Abstract: In the center of attention of the paper presented are elements or aspects of the narrative strategy which Ahmet Mithat uses to create the images of the “right” and “wrong” ways of Europeanization in his novel “Felâton Bey ile Râkım Efendi”.

Key words: Ahmed Mithat, the novel “Felâton Bey ile Râkım Efendi”, narrative strategy, narrator, Europeanization.

When analyzing a fictional narrative, the traditional approach is to focus attention on such structural elements as the plot, hero, protagonists and antagonists of the hero, fabula, etc. With M. M. Bakhtin’s works, a defining characteristic of the text has shifted to the chronotop (i. e. spacial and temporal interrelationships artistically applied in a literary text), which is now quite fashionable in literary studies.

In recent years, these ideas have evolved and developed into a new way of analyzing fiction when the narrative strategy becomes the central point of investigation and is given most attention to. By the narrative strategy we understand here the means the story-teller (the author, the narrator) employs in

communication with the reader as the recipient of the text, i. e. a set of compositional forms that connect the reader with the fictional reality portrayed by the story-teller. In other words, these forms constitute a repertoire of artistic literary devices/techniques that writers choose not in the least randomly, for they deem them to be essential tools in interpreting their ideas and conveying them to the reader.

The narrator is the one who tells the reader about the events of a story, the characters' actions, keeps the track of time, describes the characters' appearances and settings, analyzes the hero's internal state and motives for his/her behavior, characterizes the hero's human psycho-type. At the same time, the narrator is neither a participant of the events, nor does he/she appear as portrayed by any of the characters. The narrator possesses an all-embracing outlook and knowledge which is secret, unknown or hidden within the borders of the represented realm, his/her words are directed outwards, outside the limits of the novel's world, since the addressees of his/her messages are not the characters but readers instead. Therefore, the narrator is a function rather than a human being or personality.

On the other hand, unlike the narrator, the story-teller is located not on the border-line going between the real world and the imaginary one, but inside the latter.

Functioning of the narrator as a 'go-between' helps the reader to get a comprehensive, objective and deeper understanding of the events and actions described, as well as to see the lives of characters' hearts [2: 750–753].

In terms of perspective and knowledge, the narrator is very close to the author-creator, and this results in situations when the notions of 'narrator' and 'author' may get confused [7: 167–168]. It is in this sense that we deal with Ahmet Mithat's strategy — as a combination of the three functions (a narrator, an author-creator and the image of an author).

We have already written about Ahmet Mithat's novel "Felâtnun Bey ile Râkım Efendi" (1875) looking at it from another angle and focusing on the attitude of the Turkish society to the novel itself and its cult status in Turkish literature [4, 5, 6]. This paper is an attempt to look into the author's strategy, in other words, to examine the set of artistic literary devices he uses to achieve his aesthetic goals. The analysis centers around Chapter Four of the novel, which, in our view, can be regarded a key part, for it sets the tone and style for the whole book, giving the story a judgmental evaluative quality and emphasizing it.

It is worth reminding that the novel is constructed as a contraposition of two types of heroes or archetypes, who, according to the author, epitomize different attitudes to Europeanization. These contrasting approaches to understanding and implementation of Europeanizing ideas is partly explained in the novel by different social statuses of the characters. Felâtun Bey was born to a well-off family, he is extravagant and wastefully spends the inherited money on fashionable things and actresses. Mihriban, his sister, is confident that the “European” quality of her brother is nothing else but an inclination to live a carefree life of an idler, to enjoy himself, do nothing, have no responsibilities. At the end of the novel, the reader gets to know that after having spent all his money, Felâtun Bey has to leave Istanbul being sent to a provincial sanjak. The other main character, the other hero, Râkım Efendi, is an orphan belonging to an unwealthy social class, he moves upwards on a social ladder and achieves a higher status due to his education (he is a graduate of a secular school Rüşdiye) and his determination to take up any job, whether it is a post in governmental services or doing translations and tutoring. One of the riddles or mysteries of the novel and its unexplicable inconsistency is the fact that these two personalities, so markedly differing from each other, are good friends, having no other friends among the Turks, as judged by the text of the novel. Even their home social “environment” is non-Turkic: Felâtun Bey is surrounded by Armenians and Greeks, while Râkım Efendi shares his home with an Arab foster-mother and a Circassian neife, whom he marries after having taught her to speak French and play the piano.

Here, though, let’s turn to another novel — “Mr. Cevdet and His Sons” — by another writer, our contemporary, Orhan Pamuk, who, when describing his hero, puts a special stress on the fact that he (the hero) does not have friends among his compatriots-Turks. The closest friend of Cevdet Bey becomes an entrepreneur, ethnic Jew, who understands the reasons for Cevdet’s preference to be in a company of non-Turks and to communicate with them. In his turn, choosing the path of Europeanization, Cevdet Bey tries to change himself both outwardly and inwardly. He realizes that to become successful in business is possible only by consciously rejecting the Eastern worldview and the traditional walk of life, and this rejection of traditional values alienates him from his relatives (an elder brother) and his would-be in-laws (his father-in-law is an impoverished Turkish aristocrat), as well as his neighbors and acquaintances. Of note is the fact that in being hard-working and ambitious, there is far more resemblance between Cevdet Bey and Râkım Efendi

than between Cevdet and Felâton Bey. Orhan Pamuk, as it were, confirms what Ahmet Mithat noticed before him. As late as the XX century, any attempts of a Turk to become Europeanized, be they just silly imitations of external attributes or serious efforts to change their mentality — even if they astonishingly turn out to bring success (which for a philistine can be proved and justified only by a remarkable rise in material well-being) — inevitably lead to a humiliating rebuff of a person from the traditionally minded society of their origin.

Therefore, the novel “Felâton Bey ile Râkım Efendi” should be taken as the first manifestation of the so-called “fear of the West”, which is characterized by cowardly rejection of any borrowings from another culture or any actions in imitation of it. To our understanding, however, the antithesis so common in literary critics of Felâton as “the one who fully absorbed the European way of life and manners” to Râkım as “the one who holds the laws of the forefathers sacred and who rejects foreign norms and rules” is nothing more than a wide-spread misbelief and miscomprehension. This antinomy of the two heroes is a superficial and oversimplified interpretation, especially if we take a deeper look at the author and his worldview. Ahmet Mithat himself admits that the both characters are Europeanized and that the difference between them lies in the extent and the vector of this Europeanization. He describes Râkım Efendi as follows: “*And yes, oh yes, my lords! It has been told that we portray here not an angel. We tell about our contemporary, a young man who knows how to cherish his honor; who knows how to lead a decent life and who is truly Europeanized*”¹ [13: 50].

Actually, Râkım Efendi is not at all as a conservative Eastern type as he might appear in the vision of a Western reader. On the contrary, as conceived by the writer, this man learns European languages, he is on friendly terms with Europeans living in Istanbul, he can indulge in having a drink at an untimely hour, he is inclined to have an affair with a foreign girl, he knows how to perform European dances. Therefore, this character can hardly be considered a perfect embodiment of the Ottoman virtues. Still, his true (inner) backbone is most probably of Eastern quality, and it comes to the surface only in the circumstances that the author, Mithat, puts his hero into, the circumstances that develop according to the logic of his narrative strategy.

The first of the author’s techniques to mention is Ahmet Mihat’s pedantic

---

¹ Much to our regret, the Ottoman original of Mihat’s novel is not available, and the quotations are given from: Ahmet Mithat. Efendi, Felâton Bey ile Râkım Efendi. — İstanbul: Antik Dünya Klasikleri, 2012.

precision in topographic details and fiscal matters. The vivid example of the latter “punctuality” is a semi-novelette/semi-novel “The Girl with a Degree” (*Diplomalı kız*, 1890)², in which, according to the author’s plan, earnings and expenditures of Jüli, the main character of the book, become exposed to the reader up to a cemescitntime. Indeed, in this way the girl justifies and proves the benefits of female education not so much for her parents as for Turkish readers, contemporaries of Mithat.

Meanwhile, in the novel analyzed the author is remarkably accurate in the topography of the city — Constantinople/Istanbul. Surprising as it might sound, the routes taken by the characters are easy to follow even today.

For example, on page 40 we read: “That day he was planning to start from Tophane, to have a walk along avenue Boğazkesen, and from Firüzaga to get to Taksim [13: 40].

All the above-mentioned toponyms can be found on a map of the Istanbul of today. Tophane is a district of Galata and is famous for its sebil-fountain (1732) and the mosque of Nusretiye³, which is also known as Tophane. It is in this part of Istanbul, in the neighborhood of Karabaş, that Mithat was born and grew up. Boğazkesen Avenue still exists as well. There are two mosques in Istanbul named Firüzaga, in our case it is the one in the same-name city block in Beyoğlu. Finally, Taksim is a widely-known square in the very heart of the historical centre, on the place of an old Armenian cemetery, where now a terminus of one of the historic trams of Istanbul is located.

Further in the novel, a servant spots Râkım at the corner of Asmalımescit street, which is also on the present-day map of Istanbul. The teacher Jozefino lives in Posta street, which, in all likelihood, is Postacılar or Postane in the district of Beyoğlu, not far from the Italian Consulate.

The reasons for such meticulous documentation of topographic points seems to lie, apart from other things, in the writer’s biography. While holding an office in the Vilayet of the Danube, the Danube Navigation Commission, Mithat committed errors in accounting, the case was not investigated, because there was cash surplus rather than shortage. Nonetheless, this accident exerted a profound influence on Mithat. There was nothing new in having a shortage in the cash, which was, as a rule, refunded by the offender, while a

² Quoted by Ahmed Midhat Efendi. *Diplomalı Kız*. — Türkiye: Türk Dil Kurumu, 2018. — 128 s.

³ This mosque is one of the baroque-style masterpieces by Krikor Balyan built to commemorate “the Auspicious Incident” (the forced disbandment of the Janissary corps in the 1820-s).

cash surplus was something unprecedented, no-one knew how to deal with it and the matter became public.

The next important, in our view, fact is that though the plot is developing in the society of Europeanized Turks and foreigners living in Istanbul, the author does not overuse foreign borrowed words. He is bound to use various appellations: madam, mösyö, mister, baron and the like. In addition, Mithat applies to loan-words when it is necessary to denote an object or concept unknown in the contemporary Turkish culture: quadrille, lansiyе⁴, polka, waltz, mayonnaise. Utterances and remarks, which, according to the plot of the novel, the characters are to say in French, are given in Turkish translation with a characterizing comment giving an unambiguous evaluation of the speaker's language abilities: "Being Greek, he spoke broken French" [13: 42], etc. Only one fragment can be found in the text when Canan and Jozefino exchange short phrases in French [13: 47], which Mithat also gives in Turkish.

Presumably with an aim to emphasize that he writes about Turks and for Turks, the author makes an active use of idioms and phraseological units:

Saman altından su yürütmek [13: 41] — to be up to all sorts of trap; to snatch the opportunity.

Havuç gibi kızarmak [13: 43] — to blush (lit.: like a carrot).

Karda gezip izini belli etmemek [13: 50] — to keep something in secret (lit.: to walk on the snow leaving no traces).

Mercimeği fırına vermek [13: 51] — to start a secret love affair.

Bombar gibi bir pantolon [13: 53] — bombar (bumbar) is a kind of sausage stuffed into an intestine casing; fig. tight-fitting, close-fitting; here: too tight-fitting trousers.

As a kind of wordplay used by the writer can be considered a somewhat amusing incident that happened to Râkım Efendi. While paying a visit to an English family, the Ziklases, Râkım overhears the daughters of the host asking to help them with the correct translation of an English word "blonde" into Turkish. Felâtun, misunderstanding the lyrics of the song, recommends "esmer" as an equivalent, i. e. "dark-skinned". Râkım chooses to keep silence,

⁴ Lansiyе (fr. Lanciers — Lancers, abbr. Quadrille des Lanciers) — the lancers quadrille. A ball-room dance in England and France of the XIX century, a type of the Ball Quadrille. It consists of five figures or tours, with each having its own rhythm and timing, Lansiyе differs from Quadrille in the combination and composition of figures, as well as in the required number of couples. Under the common trend/tendency to overelaboration, new figures began to be introduced into the dance. Joseph Binns Hart, an Englishman, compiled a set of new Lansiyе figures. By 1850 Lansiyе had acquired its final form.

the more so as some time before that he advised to translate it as “kumral”. The girls address the question to Baron T., who had a reputation for good knowledge of Turkish. He suggests such words as “kumral” and “sarışın”, thus confirming the fact that Râkım’s choice of the equivalent was correct. The modern reader finds it hard to accept the idea that “blonde” can be synonymous to “chestnut-haired”. Nevertheless, in the Ottoman language “kumral” meant not “light chestnut”, but “light-yellow” or “golden” hair (the evidence is found in the etimological dictionary⁵ [11: 140]). This might be, to some extent, explained by the fact “kumral” can also mean an equine coat color – palomino, a gold coat, that is why it can have the meaning of both “pale yellow” and “light chestnut” colors.

The writer often applies to one more technique, the one of introducing his explanations (clarification remarks, commentaries) with several possible aims in mind: to catalyze/to boost the development of actions, to give axiological assessment to the events described, to underline the author’s standpoint and to provide the reader with the right interpretation. It is in this way that the non-textual (or extra-textual) function of the narrator comes to the foreground. From the outside of the text, being out of the realm of the fabula, the author-narrator governs the reader’s perception, shapes the reader’s comprehension of the plot which he deems is correct and gives his assessment of the situation.

Let’s turn to several sentences that illustrate the narrative strategy aimed at adding some more energy to the plot and making its development more dynamic:

Because by that time Râkım had already guessed from the Madam’s conduct what would be the end [13: 49].

Concerning the events they have just read about, some of the readers might wonder what was the topic discussed for the past hour. However, when a story is recounted, all the details cannot be recited or written down. These details are communicated through feelings and sensations on an emotional level [13: 50].

Conversations at the dinner table had nothing special in them that could have required any explanation [13: 52]

Here are some examples that demonstrate how the author introduces his moral and ethical interpretation of a situation:

If you could show us a young man who would be able to control himself being in Râkım’s shoes, we would make him the hero of this story. If, on the

⁵ This meaning (“fair-haired”, “dark blonde”) has survived in the Azerbaijani language.

other hand, you are looking for Râkım's opposite, for someone who tends to dodge, to be all sorts of trap and keep his deeds in secret, then you have an exemplar character — Felâton Bey [13: 50].

My friends, even if we look at this from the point of view of morality... Let's suppose! Here are two roughly outlined types of young people of our time. If there is one whom you hypothetically prefer, you choose to approve of all his deeds. If you dislike both of them, then, again, do as you choose [13: 50].

It seems likely that Ahmet Mithat uses the technique, the method typical of taletellers-meddahs whose art he was fond of while on duty in the Balkans. Embedding author-ethical commentaries and characterizations both “channels” the reader into a preferable interpretation of the text and accelerates the dynamic development of the plot.

Two comical episodes also deserve being given special attention. One is quite extended, while the other is brief and concentrated. In a very short form, the first episode sounds as follows: not far from Taksim, at the doors of bozahan⁶ Râkım meets Felâton whose face and dress are smeared with something white. Râkım pokes fun at him saying that Felâton is so pale because he cannot live without boza and needs a drink. Felâton contradicts and justifies himself explaining that in one tavern he noticed a splendid dish – mayonaize sauce fish – and, lost in admiration, overthrew it on himself. Now, he wants to enter the bozahan to clean. Later, at the Ziklas' place, Râkım gets the news that Felâton is also expected to come, but is going to be very late, so there is no point waiting for him, and the host asks the guests to table to try mayonaize sauce fish. At this moment, it becomes known to the guests that the cook has turned the jar of mayonaize over and the celebrated dish is not going to be served. Putting together the spoiled mayonaize, Felâton's smeared clothes and the blushing cook, Râkım comes to some conclusions. The next day he receives another invitation to visit the Ziklases. Hardly has he entered the house when the cook, an elderly plump French woman, rushes to embrace him flirtatiously asking if he is again planning to overthrow mayonaize on himself. Now, the pieces of the jigsaw puzzle are put together. Thus, as always, the author assesses the situation making a hint at a romantic relationship between Felâton and the cook, whom Felâton may have mistaken for the hostess. The author specifies that the French cook was not an amorous or frivolous woman, and she simply liked Felâton himself as well as his wealth.

⁶ Boza — a whitish beverage with a low alcohol content and a slightly acidic sweet flavor made by fermenting different grains (barley, maize, wheat, or millet).

The second humorous episode is faster-moving, more flying. After the meal at the Ziklases, the guests are invited to dance. The writer makes a special point saying that having dances after dinner is in line with the European etiquette. Râkım claims that he feels dizzy dancing polka or waltz, and for this reason he prefers quadrille and lansiyе. In his turn, Felâtun engages one of the host's daughters to dance, but very soon it becomes evident that he is very poor at dancing. Stepping on his partner's foot and trying to hide embarrassment, he makes a risky pirouette and – everyone hears a cracking sound. The thing is that Felâtun was wearing too tight-fitting trousers, and they split open at the back seam. Everyone in the room held their breaths, because earlier Felâtun had assured everyone that people in Europe did not wear underpants, and therefore neither did he. This incident ends up with the guests laughing at him and the unlucky dancer hastily leaving the party, since his frockcoat was not long enough to hide the hole in the trousers. The Ziklas' daughters impose their sentence: Felâtun is not a "man of high society". Râkım loyally stands up for his friend, but the rest of the guests turn a deaf ear to his arguments. Consequently, this unfortunate slip, if unpleasant, brings about a harsh judgement about non-conformity of the man to the social role he is trying hard to play. This episode might probably be interpreted as a distant echo of the archaic perception associated with the social attitude to a ritual denudating and masquerading, in many cultures is rooted in fertility rites typical of agrarian societies [9: 186–240]. The girls undoubtedly suspect Felâtun of deliberate sexual innuendo, pointing out that he misapprehends and takes noble ladies for "the girls from a coffee-house" who can yield to insinuations of that sort [13: 54].

As a matter of fact, Mithat rather freely scatters allusions of erotic and sexual quality all over his text. The relationship of Felâtun and the cook has been already mentioned, and Râkım also has his fair share of such adventures. On his way to the Ziklases he pays a visit to a music teacher, Josephino. The situation turns out to be rather dubious: they have a drink together, exchange reciprocal reproaches and offer excuses, though the scene does not go further than kisses and a sort of shameless messages.

To summarize, we can conclude that combining in his strategy various techniques, both well-known to the reader from folklore and quite new ones appearing in the Turkish literature, Mithat skillfully manipulates his reader:

- Precise toponymics and actively used idioms and phraseological units help the reader to feel like an insider in the atmosphere of the novel.

- Moderate and well-balanced resorting to foreign words or expressions and borrowings imparts an exotic flavor to the novel and give it a shade of fashionable timeliness, yet without allusions to the reader's unawareness and/or ignorance of any sort.
- Comical, partly-erotic and mysterious events of the plot lines keep the reader in suspense and boost interest in their resolving.
- Reserving the right to comment actions and events, their course of development and their consequences, the author simulates, shapes and regulates the reader's attitude to everything that is going on throughout the pages of the book.

Литература:

1. Зыбкин, В. И. О природе смеха. По материалам русского эротического фольклора. — М.: Ладомир, 2007. — 266 с. (Zazykin, V. I. On the Nature of Laughter. Based on the Materials of Russian Erotic Folklore. — М.: Ladomir, 2007. — 266 p.).
2. Ле Гофф, Ж. История тела в средние века / Ж. Ле Гофф, Н. Трюон. — М.: Текст, 2008. — 189 с. (Jacques Le Goff, Nicolas Truong. A History of the Body in the Middle Ages. — М.: Text, 2008. — 189 p.).
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. — М.: НПК Интелвалк, 2001. — 1600 с. (A Literary Encyclopedia of Terms and Notions / Ed. and collected by A. N. Nikolukin. — М.: NPK Intelvalk, 2001. — 1600 p.).
4. Образцов, А. В. «Фелятун-бей и Ракым-эфенди» — первый турецкий культовый роман // Истоки и эволюция литератур и музыки тюркских народов: материалы международной конференции (23–24 сентября 2014 г., Казань). — Казань: ИЯЛИ, 2014. — С. 164–167. (Obraztsov, A. V. “Felâton Bey ile Râkım Efendi” — the First Turkish Cult Novel // Origins and Evolution of Literatures and Music of Turkic Peoples: Proceedings of International Conference (September 23–24, 2014, Kazan). — Kazan: ILLA, 2014. P. 164–167.).
5. Obraztsov, A. V., Suleymanova A.S. Ahmet Mithat Efendi'nin “Felâton Bey ile Rakım Efendi” adlı romanı – ilk Türk “kült” romanıdır / A. V. Obraztsov, A. S. Suleymanova // XVII Uluslararası KIBATEK Edebiyat Sempozyumu “Doğu ile Batı arasında zarif bir köprü: Türk ve Rus Edebiyatları”, 15–16 Eylül 2014: Bildiri özetleri. — SPb., 2014. — S. 4–5.

6. Obratsov, A. V. Ahmet Mithat Efendi'nin "Felâatun Bey ile Rakım Efendi" adlı romanı – ilk Türk "kült" romanıdır / A. V. Obratsov, A. S. Suleymanova // XVII Uluslararası KIBATEK Edebiyat Sempozyumu "Doğu ile Batı arasında zarif bir köprü: Türk ve Rus Edebiyatları", 12–17 Eylül 2014: Sempozyum Bildirileri. — Ankara, 2015. — S. 23–27.
7. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. — М.: Изд. Кулагиной; Intrada, 2008. — 358 с. (Poetics: The Dictionary of Actual Terms and Notions / Editor-in-Chief N. D. Tamarchenko. — М.: Publishing House of Kulaguina, Intrada, 2008. — 358 p.).
8. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха. — СПб.: Алетейя, 1997. — 288 с. (Propp, V. Ya. The Problems of Comism and Laughter. — St.P: Aleteya, 1997. — 288 p.)
9. Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники. — СПб.: Азбука, 2021. — 256 с. (Propp, V. Ya. Russian Agrarian Holidays. — StPb: Azbuka, 2021. — 256 p.)
10. Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. — М.: Республика, 1994. — 442 с. (Fuks, E. Illustrated History of Morals: The Age of Bourgeoisie. — М.: Respublika, 1994. — 442 p.).
11. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву «К». — Вып. второй. — М.: Индрик, 2000. — 265 с. (Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Lexical Stems on Letter "K". Second Issue. — М.: Indrik, 2000. — 265 p.).
12. Ahmed Midhat Efendi. Diplomalı Kız. — Türkiye: Türk Dil Kurumu, 2018. — 128 s.
13. Ahmet Mithat Efendi. Felâatun Bey ile Râkım Efendi. — İstanbul: Antik Dünya Klasikleri, 2012. — 160 s.
14. Şenyapılı Önder. İsim İsim İstanbul. — İst.: Boyut Yay. 2008. — 396 s.

А. А. Озонова

**Лексика, связанная с обрядом поклонения Алтаю,
в алтайском языке¹**

Аннотация: Рассматривается лексика, связанная с обрядом поклонения духу-хозяину Алтая. Собранный лексический материал представлен в виде четырех тематических групп: наименование обряда, участники обряда, адресат обряда, обрядовые действия, обрядовые предметы. Выявлены собственно тюркские и заимствованные лексемы (из иранских и монгольских языков).

Ключевые слова: алтайский язык, обрядовая лексика, Алтай.

А. А. Ozonova

**Vocabulary related to the rite of worship of the Altai,
in the Altai language**

Abstract: The vocabulary associated with the rite of worship of the master spirit of the Altai is considered. The collected lexical material is presented in the form of four thematic groups: the name of the rite, the participants of the rite, the addressee of the rite, ritual actions, ritual objects. The proper Turkic and borrowed lexemes (from the Iranian and Mongolian languages) have been identified.

Key words: Altai language, ritual vocabulary, Altai.

Обряд поклонения духу-хозяину Алтая проводится в новолуние два раза в год: весной или в начале лета (*Јажыл бӯрдин мӯргӯӯли* ‘обряд зелёной листвы’) и осенью (*Сары бӯрдин мӯргӯӯли* ‘обряд жёлтой листвы’). Во время весенне-летних молений алтайцы благодарят *Алтайдын ээзи* ‘духа-хозяина Алтая’ «за прошедшую зиму, за успешную зимовку домашнего скота» и просят теплого и дождливого лета. В осенних молениях «благодарят за хороший урожай ягод и ореха, за хороший травостой,

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

благодаря чему домашние и дикие животные набирают силы к предстоящей зиме», а также просят благоприятной зимы [1: 34–35].

В результате анализа рассматриваемой лексики нами выделены следующие лексико-тематические группы: наименование обряда, участники обряда, адресат обряда, обрядовые действия, ритуальные предметы.

1. В современном алтайском языке существует несколько синонимичных названий данного обряда: *Алтай көдүрер* ‘возвышать, возносить Алтай’, *Алтай күндүлеер* ‘угощать Алтай’ и *Алтай такыыр* ‘приносить жертву Алтаю’.

2. Лексика, обозначающая участников обряда, включает в себя следующие слова: *кам* ‘шаман’, *жарлыкчы* ‘служитель культа в бурханизме’, неме билер кижиги ‘знающий человек’.

Почитание духа-хозяина Алтая и духов родовых гор занимало важное место в шаманских обрядах XIX в., а также в обрядах бурханистов XX в. Этот обряд проводил *кам* ‘шаман’, позже *жарлыкчы* ‘служитель культа в бурханизме’. В настоящее время обряд проводит уважаемый человек, хорошо знающий обряд, или человек, обладающий сакральными знаниями (*неме билер кижиги*).

3. Обряд посвящается *Алтайдын ээзи* ‘духу-хозяину Алтая’. Это «земное божество со своими функциями и антропоморфным обликом» [2: 99]. В определенных случаях *Алтайдын ээзи* заменяется теонимом *Алтай Кудай* ‘Алтай-Бог’.

4. Лексика, обозначающая ритуальные предметы, представлена несколькими лексемами: *тагыл* ‘деревянный или каменный жертвенник’, *күрее* ‘главный жертвенник, выложенный из плоских каменных плит’, *чакы* ‘коновязь’, *мааны* ‘флажок’, *жалама* ‘жертвенная лента’, *кыйра* ‘жертвенная лента’, *жибек* ‘веревка, на которую привязывают кыйра (синоним *жалама*)’, *арчын* (синоним артыш) ‘можжевелник’, *ширдек* ‘войлочный коврик’, *сан* ‘ритуальная еда’, шатра ‘фигурки, сделанные из мягкого сыра быштак, символизирующие горы, юрту, коновязь, фигурки домашних и диких животных’, *балын* ‘фигурки, сделанные из теста’.

5. Глаголы, обозначающие обрядовые действия: *үрүсте* — ‘окроплять молоком огонь, жертвенники, небо, солнце и луну», *аласта* — ‘ритуально очищать дымом горящих веток можжевелника людей, участвующих в обряде, при этом произносить слова благодарности почитаемым духам’, *алкыш айт* — ‘говорить благопожелание’.

В рассматриваемой обрядовой лексике помимо собственно тюркских

встречаются лексемы, заимствованные из иранских (*кудай* ‘бог’) и монгольских (*обоо* ‘груда камней в честь духов местности’, *күрее* ‘главный жертвенник, выложенный из плоских каменных плит’ и др.) языков.

Литература:

1. Екеева, Э. В. Символика и обрядность в традиционной культуре алтайцев / Э. В. Екеева, И. Н. Муйтуева, В. П. Ойношев. — Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2020. — 272 с.
2. Тюхтенева, С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев. — Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. — 169 с.

К. А. Покоякова

**Репрезентация оппозитивных отношений в хакасском, русском и американском языковом сознании
(на примере бинарной оппозиции
мужчина/женщина)¹**

Аннотация: рассматривается репрезентация оппозитивных отношений на примере бинарной оппозиции мужчина/женщина в хакасском, русском и американском языковом сознании. Обращение к изучению оппозиции мужчина/женщина в трёх лингвокультурах связано с её универсальностью и значимостью для культуры каждого народа в контексте человеческой эволюции в целом.

В трактовке Московской психолингвистической школы под языковым сознанием принято понимать совокупность образов сознания, овнешняемых языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей [10: 3].

Универсальные бинарные оппозиции входят в состав первичных классификаций, составляя основу любой мифологической картины мира и суть «формирующихся в архаической космологии систем». Именно «оппозиционные пары формируют границы поля смыслов культуры» [8: 25]. Бинарная оппозиция выражает двоичность восприятия человеком мира как единого и неделимого целого [7: 168].

Именам существительным как активной основы антонимических отношений отводится особое место не только в исследованиях лекси-

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

ко-фразеологического и паремиологического фондов и дискурсивных практик. В последние десятилетия внимание ученых привлекает также ассоциативно-вербальное богатство языков, в том числе, в аспекте частеречной активности в репрезентации антонимических отношений.

Изучение антонимической пары *мужчина/женщина* представлено в работах [1; 2; 3; 4 и др.].

Имена существительные *мужчина* и *женщина* относятся к комплементарным антонимам, предполагающим такое противопоставление двух членов, дополняющих друг друга до целого, при котором отрицание одного члена пары имплицитно утверждает другого и наоборот [11; 6; 5; 9].

Экспериментальные исследования в трёх языках показывают, что наиболее частотными реакциями на предъявляемые испытуемым слова-стимулы *мужчина/женщина* оказываются слова, противоположные по значению, т.е. антонимы. Однако, как показал анализ хакасского материала, бинарное ассоциирование имеет менее четкую выраженность.

Таким образом, следует отметить, что в системе разных лингвокультур когнитивные механизмы бинарного ассоциирования имеют константный характер с разной степенью интенсивности. Прочная связанность семантически противоположных слов *ир/ипчи*, *мужчина/женщина* и *man/woman* в языковом сознании носителей разных языков свидетельствует о высокой степени их антонимической каноничности.

Литература:

1. Белик, Е.В. Лингвокультурологические и гендерные особенности лексики и фразеологии современного английского языка: На материале лингвокультурологического поля «мужчина и женщина (в обществе и семье)»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — М., 2003. — 255 с.
2. Денисова, Т.А. Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в языковом сознании русского народа: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Тамбов, 2006. — 189 с.
3. Ефремов, В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина»: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — Санкт-Петербург, 2010. — 406 с.
4. Калугина Е.Н. Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ставрополь, 2008. — 159 с.

5. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
6. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику. — М.: Прогресс, 1978. — 543 с.
7. Малинович, М.В., Малинович, Ю.М. Универсальные смыслы и категории в языке: Классические традиции. Современность. Перспективы // Вестник ИГЛУ. 2012. — С. 162–170.
8. Мельникова, А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. — СПб: Речь, 2003. — 320 с.
9. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. — 819 с.
10. Тарасов, Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования (предисловие) // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов, 1-3 июня 2000 г., Москва / Гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН и МГЛУ, 2000. С. 3–4.
11. Postman L., Keppel G. Norms of word associations. — N.Y.: Academic Press, 1970.

У. Полат

**Предлоги +Ilg, +IUg
в Староанатолийско-тюркском языке**

Ülkü Polat

**Prepositions ending with +Ilg, +IUg Affixes in Old Turkic
(Eski Türkçede +Ilg, +IUg Ekli Edatlar)**

Abstract: In the Glossary of Grammar terms, “meaningless on its own; however, independent words with grammatical functions that come after the noun and noun-origin words and set up a semantic relationship between the word it comes to the end and other words in the sentence” are called prepositions [22: 79]. Prepositions, which are confirmed as morphemes in the language, enter into in Turkish as a result of stereotypes of nouns and verbs with some suffixes; because there is no suffix category for the preposition category in Turkish. The noun suffix +Ilg, +IUg, which is used as a preposition in the Old Turkic nouns with the adjective form of belonging and affiliation, and the themes with the expression of belonging to something, is also used as a preposition in the texts of both the Uighur and Karakhanid periods, *osuglug* “as if, similar, like”, *teynglig* “like this”, such”, *yanlig* “like, like” appear as stereotypes in the structure of the words. In addition, while the word *mejizlig*, which was used in the Uyghur period, was utilised as “faced, with a face, looking, beautiful”, it completed its preposition process in the Karakhanid period and came into use as a preposition in the meanings of “like, similar, equal, equivalent”. In this study, the structures, uses and functions of the prepositions *mejizlig*, *osuglug*, *teynglig*, *yanlig* with +Ilg, +IUg suffixes in the Old Turkic period (Uyghur, Karahanlı) is to be included and the prepositional processes is to be examined based on the texts.

Key words: Old Turkic, prepositions, +Ilg, +IUg affix.

Gramer Terimleri Sözlüğünde edat “yalnız başına bir anlam taşımayan; ancak ad ve ad soylu kelimelerden sonra gelerek sonuna geldiği kelimeyle cümledeki başka kelimeler arasında anlam ilişkisi kuran, gramer görevli bağımsız kelime” olarak tanımlanır [22: 79]. Dilde görevli morfepler olarak

kabul edilen edatlar Türkçede isimlerin ve fiillerin bazı eklerle kalıplaşması sonucu kullanım sahasına çıkarlar; çünkü Türkçede edat kategorisi için, edat yapımında kullanılan bir ek kategorisi mevcut değildir. Eski Türkçede sıfat mahiyetinde aitlik ve mensubiyet ifadeli isimler ile bir şeye ait olma ifade- li gövdeler türeten isimden isim yapım eki *+IIg*, *+IUg* aynı zamanda hem Uygur hem Karahanlı dönemi metinlerinde edat olarak kullanılan *osuglug* “sanki, benzer, gibi”, *teñlig* “bunun gibi, öyle”, *yañlıg* “benzer, gibi” sözlerin yapısında da kalıplaşmış olarak karşımıza çıkar. Ayrıca Uygur döneminde kullanılan *meñizlig* sözü bu evrede “yüzlü, benizli, görünüşlü, güzel” gibi anlamlarda görülürken edatlaşma sürecini Karahanlı döneminde tamamlayarak “gibi, benzer, eş, denk” anlamlarında edat olarak kullanım sahasına çıkar. Bu çalışmada Eski Türkçe döneminde (Uygur, Karahanlı) *+IIg*, *+IUg* ekli *meñizlig*, *osuglug*, *teñlig*, *yañlıg* edatlarının yapılarına, dönem metinlerindeki kullanımlarına, işlevlerine yer verilecek ve metinlerden hareketle edatlaşma süreçleri incelenecektir.

Türkçede edatlar genellikle ya isimlerin ya da fiillerin bazı eklerle kalıplaşması sonucu kullanım sahasına çıkarlar. Türkçenin hem tarihi hem çağdaş devirlerine bakıldığında *+IIg*, *+IUg* ekinin bazı isimlerle kalıplaşarak edat görevinde kullanılan sözlerin yapısında kullanıldığı tanıklanır: “*çaglıg* ‘gibi, kadar’, *çamalı* ‘kadar’, *çenli* ‘kadar’, *formalı* (Rus. *forma* ‘biçim’) ‘gibi’, *misillig* (Ar. *misl* ‘örnek’) ‘gibi’, *sıfatlı* (Ar. *sıfat* ‘nitelik’) ‘gibi’, *şekilli* (Ar. *şekl* ‘biçim, kılık’) ‘gibi’, *sebepli* (Ar. *sebeb* ‘sebepe, vasıta’) ‘için, ötürü’, *hatlı* (Ar. *hatt* ‘çizgi’) ‘kadar’, *karamaylı* ‘rağmen’, *tarzlı* (Ar. *tarz* ‘biçim, suret, kılık’) vb.”¹ Örneklerde de görüldüğü üzere bizim çalışmamıza konu olan Çince den alıntılanan *yañ* sözü “tarz, biçim, şekil” yine *osug* sözü “tarz, biçim, şekil” anlamından tıpkı bu anlamda kullanılan Rusça *forma*, Arapça *şekl*, *tarz* sözleri gibi *+IIg* eki ile kalıplaşarak Eski Uygur Türkçesi döneminde “benzer, gibi” anlamlarıyla edat görevli sözler arasına girmiştir. Zaten *osug* ve *yañ* sözü Eski Uygur Türkçesi metinlerinde ikileme olarak da tanıklanır: “*yan osug* ‘şekil, biçim, tarz, metot’, *yan osug tut-* ‘tutum göstermek’”. Eski Türkçe *meñiz* sözü de “yüz, beniz, görünüş” anlamlarıyla *osug* ve *yañ* sözleriyle yakın anlamli sayılabilir. *Meñiz* sözünün Eski Uygur döneminde *+IIg* ekli kullanımları tanıklanır fakat bu devrede edatlaştığını söylemek çok doğru olmaz, edatlaşma sürecini Karahanlı Türkçesinde tamamlar. Yine Çince-

¹ Ayrıntılı bilgi için ayrıca bkz. Mustafa Öner, Türkçede -LIG/-LI Ekli Niteleme Sözlünün Kalıplaşması, Türkçe Yazıları, İstanbul 2011, s. 49–65; Ayten Atay, *Eski Türkçeden Bugünkü Türk Şivelerine +lıg/+lig > +lu/+li Ekli Edatlar*, Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten Cilt: 55, Sayı 2007-1, s. 21–32.

den alıntılanan *teñ* “denk, eşit, ölçü” sözü de benzer anlamlı *çen* “ölçü” sözü gibi *+Ilg* eki ile kalıplaşarak “bunun gibi, öyle” anlamıyla edat göreviyle ilk kez Eski Uygur Türkçesinde kullanım sahasına çıkar. Araştırmacıların belirttiği gibi Köktürk döneminde *+Ilg*, *+IUg* eki ile kalıplaşan herhangi bir edata rastlanmaz. *+Ilg*, *+IUg* ekli edatlar ilk kez Eski Uygur Türkçesi devresinde kullanım sahasına çıkar. Leksik birim olarak bakıldığında *beniz* ve *teñ* sözleri ilk kez Yenisey Yazıtlarında tanıklanır Uygur döneminden itibaren çeşitli türevleri ile birlikte kullanılır. *Osug* ve *yañ* sözleri ise ilk kez Eski Uygur Türkçesinde çeşitli türevleri ile birlikte tanıklanır.

Meñizlig (<beniz “yüz, beniz”+Ilg)

İlk kez Yenisey Yazıtlarından Açurı (Oçurı, Ye 26) yazıtında tanıklanan *beniz* “yüz, beniz” sözü şu cümlede geçer:

yüz er yüzi begler benizi beglik kaşı beglik “Yüz er yüzleri beyler, benizleri beylik, kaşları beylik (beylere yakışır, beylere özgü biçimde)” (Ye 26/9) [27: 163]

Clauson, *beniz* “ten rengi” anlamındaki sözün Tarançı diyalektinde *meñzi* olarak Osmanlı Türkçesinde *beniz* olarak yaşadığını VIII. yüzyıla ait Manihaist metinlerde, Yenisey yazıtlarında kullanıldığını belirtir. Manihaist metinlerde *körk meñiz tegşürmek* “birinin şeklini ve ten rengini değiştirmek”, Budist metinlerde *körki meñzi*, Hakaniye Türkçesinde *meñiz* “bir kişinin ten rengi”, *kızıl meñizlig* “kırmızı yanaklı” (genellikle yanakların rengi karşılığında kullanıldığını) (ova ve dağ, yüksek ve alçak zeminler) *yaşıl kök meñiz* “yeşil olmak”, XIII. yüzyıl Kur’an tefsirlerinde *meñiz* “görünüş”, XIV. yüzyıl Rabguzi’de *meñiz* “ten rengi”, Çağatay Türkçesinde *meñiz-beniz* “renk, ten rengi”, Harezmi Türkçesinde *meñiz* “renk, benzer”, Kuman Türkçesinde *meñiz* “yüz”, Kıpçak Türkçesinde “bir kişinin yüzünün rengi”, Türkmencede *meniz* “yüz rengi” kullanımlarını verir [10: 352]. Ayrıca *meñiz* sözünün *meñizlig* “güzel”, *meñizsiz* “güzel olmayan”, *meñizlen-* “güzelleşmek”, *meñzeg* “benzerlik” türevlerini kaydeder [10: 771].

Wilkins, Eski Uygurca için *meñiz* “yüz, beniz, görünüş”, sözünün dönem metinlerindeki *meñizlerin tarma-* “yüzünü tırmalamak”, *meñizet-* “karşılaştırmak”, *meñizetgülik teg* “karşılaştırılabilir”, *meñizlig* “görünüşlü, şekilli; güzel; yüzlü, benizli”, *meñizlig kutlug buyanlig bilge biliglig törölüg* “güzel, karizmatik, yararlı, bilge ve kanuna göre”, *meñizsiz* “şekilsiz”, *meñzeti* “benzer bir şekilde” kullanımlarını verir [30: 473–474].

Li, *meñiz* sözünün Harezmi, Kıpçak Türkçesinde ve Çağdaş lehçelerden de Özbek Türkçesinin ağızlarında “gibi” anlamlı edat görevinde kullanıldığı

bilgisini örneklerle tanırlar: *arığ kelime arığ yıgaç meñiz* “*Temiz kelime temiz ağaç gibidir.*” (ITQKhT: 14/24) (Har.); *bu cümle halayık müsâfir meñiz takı dünya tüpsüz kırısız teñiz* “*Bütün bu insanlar yolcu gibidir ve dünya ise derin ve geniş deniz gibidir.*” (MM: 40/1-2) (Kıp.); *buğday meñiz* “*buğday gibi*” (ÖHŞL: 179). Ayrıca *meñizlig* sözünü de “gibi, kadar” anlamıyla Harezmi Türkçesi döneminden itibaren kaydeder [23: 338-340]. Hacıeminoğlu da, *Türk Dilinde Edatlar* adlı kapsamlı çalışmasında *meñizlig* “gibi, görünüşlü” sözünün Harezmi Türkçesinde sık kullanıldığını belirterek bu dönemden itibaren örnekler verir [21: 62].

Öner, *Türkçede -LIG/-LI Ekli Niteleme Sözlüğünün Edatlaşması* adlı çalışmasında Göktürkçe metinlerde -LIG ekinin kalıplaştığı edatlara rastlanmadığını Orta Türkçe metinlerin -Ilg ekli sözlerin ilk edatlaştığı dönem olduğunu belirtir ve *meñiz* “görünüş, kılık, çehre” sözünün -Ilg ekiyle genişlemiş biçimi *meñizlig* sözünün Altun Yaruk adlı eserde *körklüg meñizlig bolgalı* “güzel yüzlü olduğundan”; DLT *kızıl meñizlig* “kırmızı benizli”>Tefsir. *yek meñizlig ançada aydı adamıka* “şeytan gibi bir adama dediğinde”; Çağ. *dür meñizlig tişleriy* “senin inci gibi dişlerin” örnekleri üzerinden “yüz rengi, çehre” anlamındaki sözün gerçek bir leksem iken ileriye dönük söz dizimi ilişkisi sırasında ancak anlam donuklaşmasından sonra bağlı bir biçim haline geçerek edatlaştığını, benzetme-karşılaştırma işleviyle kullanıldığını belirtir [26: 50].

Eski Uygur Türkçesinde temel anlamıyla kullanılan *meñiz* sözü ve türevleri sık tanırlanır. *Meñiz* sözünün sıfat şekli olan *meñizlig* de dönem metinlerinde “görünüşlü, güzel” temel anlamıyla kullanılır. Eski Uygur Türkçesi döneminde *meñizlig* sözü dönem eserlerindeki örneklerden de anlaşılacağı üzere edatlaşma sürecine girmemiştir. Ancak bu dönemde *meñiz* sözünün fiil şekli olan *meñ(i)ze-* türevinin faktitif ekli gövdesinden -i vokal gerundiumu ile kalıplaşan *meñzeti* şekli “benzer şekilde, gibi” anlamıyla edat görevinde kullanılır. Eraslan, bu sözü benzerlik ifadesi taşıyan çekim edatları arasında inceler ve şu örneği verir: “*kök kalıkka oğsati yetinçsiz yetiz taluy ögüzke meñzeti ulsuz tüpsüz erür* “Gök sema gibi erişilmeyecek kadar yüce ve okyanuslara benzer şekilde dipsizdir.” (Xuanzang Biog. 309–312) [16: 307].

Eski Uygur Türkçesinde *körk* “(güzel) görünüş, endam, şekil”, *öñ* “renk, yüz rengi, beniz, biçim, şekil”, *ey* “yüz rengi, beniz, bet beniz, görünüş”, *yüz* “surat, yüz, sima” sözleri *meñiz* sözü ile eş ve yakın anlamlı sayılabilecek sözlerdir ve bu nedenle bu sözler genellikle *meñiz* sözü ile ve kendi aralarında ikileme oluştururlar: “*öñ körk* ‘biçim, şekil’, *öñ meñiz* ‘şekil, görünüş’, *körk meñiz* ‘şekil, dış görünüş, portre, heykel’, *yüz meñiz* ‘yüz’”. Aynı şekilde

+llg, +lUg ve +sLz, +sUz ekli biçimleri de *meñizlig* sözü ile ikileme olarak kullanım sahasına çıkar: “*körklüg meñizlig* ‘güzel’, *öñlüg meñizlig* ‘şekilli, güzel’, *yüzlüg meñizlig* ‘yüzlü’; *öñsüz körksüz* ‘şekilsiz’, *öñsüz meñizsiz* ‘şekilsiz’”. Uygur dönemi metinlerinde *meñiz* sözü ve sıfat biçimi olan *meñizlig* sözünün kullanımları şu şekildedir:

amtı birer atın meñizin sözlelim “Şimdi birer kez adını ve şeklini söyleyelim.” (H II, 16-17, s. 22)

meñizi antag bolur kürtüşteki açır teg “Yüzü şöyledir: Çöldeki incir gibi.” (H II, 18, s. 22)

kar yüp yürün meñizi ol “Tamamen kar beyazı yüzlüdür.” (H II, 19, s.22)

meñizi yübün ol “Yüzü pembedir.” (H II 20, s.22)

meñizi linxa yaprgaki teg bolur “Yüzü nilüfer çiçeğinin yaprağı gibidir.” (H II, 23, s.22)

meñizi sıgın tili teg bolur “Yüzü (erkek) geyik dili gibidir.” (H II, 24, s.22)

öñühüz meñiziniz étigin üküş kişiler körügseyür “Yüzünüzü ve davranışlarınızı bir çok kişi görmek ister.” (AY Çetin VII 19a (495)/867–869, s. 171)

ol antag osuglug çoğlug yalınlig küçlüg küsünlüg elig hannıñ uluğı hatunıta tugmuş körgeli seviglig körklüg meñizlig üç oğlanı erti “O böylesine parlak, ateşli, güçlü, kuvvetli hükümdarın büyük hatunundan doğmuş görünüşü sevimli, güzel, yakışıklı üç oğlanı (var) idi.” (AB 607/20–22–608/1-6, s. 74–75)

korkgu teg körk meñiz tutup yavlak katıg ünin kıkırışu tr(i)jul badruk eliglerinte tutup... “(Şeytanların) yüzleri ve benizleri oldukça ürütücüydü, tuhaf seslerle haykırarak ellerinde üç dişli yaba ve bayrak tutup... (EUDÇ TIII 84–42 Ön, 8–10, s. 36)

ol yme raksas edgü savlar sözlep teñ teñ öñi öñi körgeli körtle körk meñiz belgürtüp biltizmetin üküş tnlıglarıg ölüürür “Yine o şeytana güzel sözler söyleyip birbirine benzer ya da başka başka görülmeye değer suretlere bürünerek kendini belli etmeden pek çok canlıyı öldürür.” (EUDÇ T III 84–46 Ön, 5–8, s. 50)

körki meñizi ay teñri tilgeninte sevigligrek közi kapakı tüptüz kaşı kirpiki kök rajavart öñlüg... “Güzelliği ayın çemberinden daha sevimli gözü ve göz bebekleri dümdüz, kaşı kirpiği gök mavisiydi.” (EUDÇ T III 84–40 arka, 17–19, s. 78–79)

meñizlig kutlug buyanlig bilge biliglig törülüg bolup ol yaruqlar için-te közünmiş burkanlarig körgeli udular “Soluk, kutlu, mutlu bilge bilgin öğretili olup o ışıklar içinde görünmüş Buddhaları görebildiler.” (AY III/V/131, III.2a./1–4, s. 23)

Kaşgarlı Mahmud *meñiz* sözünü “insanın rengi, beniz” anlamıyla *meñizlen-* “yüzü güzelleşmek”, *meñze-* “benzemek”, *meñzet-* “benzetmek” türevleriyle verir [17: 764]. Kutadgu Bilig’de bu kullanımlara ek olarak *meñzeg* “benzer, eş” türevi; Kur’an Tercümelerinde de *meñizlig* “gibi, benzer, eş, denk, misal”, *meñzek ya’ni mesel* “teşbih, benzetme”, *meñzeksiz* “eşi ve benzeri olmayan”, *meñzeş-* “benzer olmak”, *meñzeşigli rāstlık içre* “birbiriyle uyumlu” biçimleri kaydedilir. *Meñiz* sözünün +*lig* ekli biçiminin edat olarak kullanımı Karahanlı dönemi Kur’an tercümelerinde ilk kez tanıklanır. Kur’an tercümelerinde *meñizlig* “gibi, benzer, eş, denk” sözünün edat göreviyle kullanımı yaygındır:

yek meñizlig ançada aydı ādemika : tangıl “Şeytan gibi birdenbire söyledi insana: ‘İnkâr et.’” (Kur.T 38/16, s. 38)

eger kelse olarka ‘araz anıñ meñizlig alurlar anı “Eğer onlara mal gelse onun gibi sahiplenirler malı.” (Kur.T. 28/169 44b1, s. 30)

ey bodnum, men korkar men siziñ üze, öğürler küni meñizlig. Nūh kavmi ‘ādeti meñizlig, ‘Ād kavmi ‘ādeti meñizlig, Semūd kavmi ‘ādeti meñizlig...anlar kim anlarda kidin ermez Tanrı tileyür zulm kullarka “Ey halkım! Ben sizin için korkuyorum, tıpkı kavimlerin günü gibi. Nūh kavminin, Ād kavminin, Semūd kavminin ve onlardan sonrakilerin durumu gibi. Tanrı kulları için zulmü istemez.” (Kur.T. 35/41a1, 30–31, s. 111)

‘aciz boldum kim bolsa men bu karga meñizlig “Aciz oldum, olsaydım bu karga gibi.” (Kur.T. 27/31–40a3, s. 22)

Meñizlig sözü Karahanlı döneminden sonra Harezmi, Çağatay Türkçesinde de edat görevinde kullanılır.

Osuglug (<osug “tarz, şekil, biçim” +lug)

Osug sözü ilk kez Eski Uygur Türkçesi döneminde tanıklanır. “Tarz, şekil, biçim” anlamlı birçok sözün “gibi” anlamıyla edatlaştığı örnekler Türkçenin tarihî ve çağdaş lehçelerinde mevcuttur. (Ru. *forma+lı* (Krç. Blk.); Ar. *şekl+li* (şekilli) (K. Klp., Krç. Blk., Kırg., Özb., Nog.); Ar. *tarz+lı* (K. Klp., Kzk., Kırg.))

Osug sözü Uygur Türkçesinde Çince-den alıntılanan benzer anlamlı *yañ* sözü ile birlikte *osug yañ* “tarz, şekil, biçim” şeklinde ikileme olarak da kullanılır. Ayrıca +*lug* ekli kalıplaşmış *osuglug* “sanki, benzer, gibi” kullanımının

yanı sıra *osugsa-* “benzerlik kurmak istemek, örneklemek” türevi de dönem metinlerinde kaydedilir.

Clauson, *osug* sözünü “tarz”, Budist metinlerde “üslup” anlamıyla verir *osuglug* sözünün de mutlaka kendisinden önce tasvir edici bir kelime ile kullanıldığını ekler (*muntag osuglug* “aynen”, *yula osuglug* “meşale gibi”, *neteg osuglug* “ne şekilde”) [10: 245].

Wilkens, *osug*, *osuglug* ve *osugsa-* türevlerinin yanı sıra *anı teg osuglug* “bu şekilde, böylece”, *antag osuglug* “öyle, böyle”, *neteg osuglug* “nasıl hangi tür”, *yañ osug* “şekil, biçim, tarz, metot”, *yañ osug tut-* “tutum göstermek” kullanımlarını da verir [30: 50/489/862]. Görüldüğü üzere benzer anlamlı *yañ* sözü ile ikileme olarak da kullanılır. Ve benzer kalıp ifadelerde birbirlerinin yerine kullanılabilirler: “*antag osuglug~antag yañlug* “öyle, böyle”, *neteg osuglug~neteg yañlug* “nasıl, hangi tür”.

Ayazlı, Altun Yaruk adlı eserde *osuglug* edatının genellikle zamirlerin *teg* gibi edatı almış biçimleri (*antag*, *muntag*) ile birleştiği bilgisini verir [7: 52]. Dönem eserlerine bakıldığında *osuglug* edatının sık sık *antag*, *muntag*, *neteg* ile birlikte, yalın isimlerle ve genitif ekli zamirlerle ayrıca sıfat-fiilli sözlerle birlikte kullanıldığı görülür:

bodisavat yaña inçe tep tedi...tözünüm ol er neteg osuglug körklüg körklüg meñizlig erti “Bodhisattva yine şöyle dedi: ‘Asilim ! O kişi nasıl görünüyordu?’” (EUADFH 151-153, s. 66)

ol antag osuglug çoğlug yalınlug küçlüg küsünlüg elig hannıñ uluğı hatununta tugmuş körgeli seviglig körklüg meñizlig üç oğlanı erti “O böylesine parlak, ateşli, güçlü, kuvvetli hükümdarın büyük hatunundan doğmuş görünüşü sevimli, güzel, yakışıklı üç oğlanı (var) idi.” (AB 607/20-22-608/1-6, s. 74-75)

...bo muntag osuglug törümüñ küçsiremiş alañurmuş aç bars açmak suvsamak emgekin ertinju sıkalıp unakaya ölgeli turur “Bu böylesine zayıflamış, bitkin aç kaplan, açlık susuzluk eziyetiyle son derece sıkılıp neredeyse ölmek üzeredir.” (AB 610-611/139-142, s. 79)

muntag osuglug nomlug etözümün yeme ugrayı öñreki kum sanınça burkanlarığ nom nomlagalı nomlug tilgen evirtgeli ötüğçi bolmış buyan edgü kılınç küçinte tanuklamış bolmış erür men “Böylece benzer şekilde öğretili vücudumla da özellikle önceki kum sayısınca Buddhaları öğreti açıklamak, öğreti tekerleğini çevirmek için ricacı olmuş iyi, güzel davranmış sayesinde kanıtlamış olurum.” (AY III/V/166, III.20b./ 17–22, s. 53)

bultukmaz muntag osuglug mün kadag “Yoktur böyle bir suç, günah.”

(Üİ 103b/6, 107b/15, 109b/2, s. 37, 42, 44)

bultukmaz muntag osuglug itiglig nom basutçısız “Yoktur buna benzeyen şartlı öğreti, yardımcı sebepsiz.” (Üİ 121b/14, s. 59)

una bu soka bizni osuglug/ogadıp kalmış tınlıglarıg ograp “İşte bu tam bizim gibi şaşırıp kalmış olan canlılar uğrunda”(ETŞ 288-289, s. 100)

ne üçün tip tiser bizni osuglug ok tapıgçılar erdiler kim açsız suksuz köni köjülin bursıj kuvragıg tapıntı uduntılar “Ne için denirse bizim gibi hizmetkârdılar ki tok gözlülük ve gerçek gönülle rahipler cemaatine hürmet etti, tapındılar.” (Maytr., XXIII. Bölüm, 72. 5/38–42, s. 136)

çintan nikişi birle kataglıg edgü yıdlag kuzışay mn tark ulatı teñridem hua çeçekler yüzken yagmur osuglug yagıdılar “Sandal ağacı ile pek güzel kokulu nilüfer çiçeği ve ilahi çiçekler durmadan yağmur gibi yağdırdılar.” (Maytr., II. Bölüm/34–38, s. 66)

linhua çeçeklig köl osuglug kayudın sıñar teñri teñrısı burkan erser antın sıñar yakın barırlar “Nilüfer çiçekli göl gibi Tanrılar Tanrısı Burkan hangi tarafta ise, o tarafa doğru yaklaşırlar.” (Maytr., XVI. Bölüm, 51. 14/55–58, s. 106–107)

ol etözlüg kovukum içinte kamağ bış ajun tınlıglarıg sıgurayın erti azu sekiz tümen tü töpüm sayu taluy ögüz osuglug sütler akzun “O içi boş vücudumun içine bütün beş varlık canlıları sığdırsaydım veya tepemdeki her 80.000 tel, deniz, nehir gibi sütler aksın.” (Maytr., X. Bölüm, 2/2-5, s. 82)

ötrü bu üç miñ ulug miñ yirtinçü yir suv özeki kimi osuglug altı türlüg tebrede kamşadı “Sonra bu üç bin büyük bin yeryüzü üzerindeki gemi gibi altı türlü sarsıldı, titredi.” (Maytr., II. Bölüm/19=Ib/14-17, s. 65)

ança sakınç sakıntuklarınta ötrü ayıg kılınçlıg yil kelip yanturu evirip ulug tamularda kemişür karañgudın karañguka barmış osuglug bolurlar “Böyle düşündüklerinden dolayı kötü amelli rüzgâr gelip onları evirip çevirip büyük cehennemlere fırlatır, karanlıktan karanlığa gitmiş gibi olurlar.” (Maytr., XXIII. Bölüm, 74/16-20, s. 139)

ötrü ol yekler çştanılıg ig körüp sıñir kelir osuglug kılınıp tegirmileyü avlap inçe tip tidiler ay kim sen negülüg kentü özün ök biziñ üstün altın tagtışimizke yoki bolgalı keltiñ “Sonra o şeytanlar Hükümdar Çaştanı’yi görünce onu yutup mahvedecekmiş gibi davranıp etrafını çepeçevre sarıp şöyle dediler: ‘Ey sen kimsin? Niçin kendiliğinden bizim üst ve alt dağ gibi olan dişimizde yok olmaya geldin?’” (Ui IV-A: ÇB/18–22, s. 14)

Kaşgarlı Mahmud *osug* sözünü “bir şeyi başka bir şeyin yerine kullanma” anlamıyla kaydeder, *osuglug* türevini vermez [17: 778]. Kutadgu Bilig’de

osuglug “gibi” anlamıyla tanıklanır:

yanut birdi ögdülmiş aydı bu söz osuglug turur çın aya kutlug öz “Öğ-dülmiş yanıt verdi (ve) ‘Bu söz gerçek gibidir, ey kutlu zat’ dedi” (KB 4941, s. 493)

Teñlig (<Çince *teñ* “denk, eşit, benzer”+*lig*)

Çinceden alıntılanan *teñ* “denk, eşit, aynı, benzer” sözü tıpkı *beniz* sözü gibi ilk kez Yenisey Yazıtlarından Açurı (Oçurı/Ye 26) yazıtında tanıklanır:

yagıka tegmiş sü teñi yiti bin oylan erti “(Düşmana) hücum etmiş asker sayısı yedi bin evlat (er, asker) idi.” (Ye 26/8) [27: 163].

Çince *teñ* sözüne *+lig* sıfat yapım ekinin getirilmesiyle oluşan *teñlig* hem tarihî Türk lehçelerinde hem de çağdaş Türk lehçelerinde ufak fonetik değişikliklerle yaygın kullanılan bir edattır. Uygur döneminde alıntılanan *teñ* sözü dönem metinlerinde çok fazla türevle tanıklanır. Wilkens, *teñ* sözünü “aynı, benzer, gibi, (yönelme hâliyle) denk, eşit, kayıtsız, ilgisiz; ölçü, ölçek, oran; eş değerlik, denklik, eş değer; karşılaştırma; tartı, terazi; vesile, fırsat, imkân; idrak aracı; derece; soğukkanlılık, aldırmama, ilgisizlik (Skt. *upekşā*)” anlamlarıyla verir ve *teñeş-* “denk olmak, (bir kişi ile) aynı konumda bulunmak; karşılaştırmak”, *teñeşi* “aynı, eşit, denk, eşit olan”, *teñeşsiz* “aynı olmayan, eşit olmayan, denk olmayan; eşsiz, benzersiz”, *teñger-* “tartmak, ... ölçüsüne uymak, sözünü tartmak”, *teñgergüliksüz* “eşsiz, benzersiz, sonsuz, ölçüye sığmaz; eşsizlik”, *teñgeşigsiz* “eşsiz, benzersiz”, *teñik-* “(*birlä*’yle birlikte) (bir şeyle) eşit olmak, kendisini bir seviyede tutmak, yaklaşmak; eşit olmak”, *teñikmemek* “farklılık, değişiklik, denk olmama”, *teñinçe* “... ölçüde, ... göre”, *teñinçekiye* “(... -dan) az ölçüde olsa da”, *teñle-* “denemek, sınamak, tahmin etmek, dengelemek, düşünmek, düşünüp taşınmak; ölçmek, tartmak, hesap etmek; eleştirmek; karşılaştırmak”, *teñlegülüksüz* “ölçülemez, ölçüye sığmaz, ölçüsüz”, *teñlen-* “düşünüp taşınmak”, *teñlençsiz* “eşsiz, benzersiz, tahmini mümkün değil, ölçülemez, ölçüsüz” vb. birçok türevini sıralar, söz konusu *teñlig* sözünü de “... ölçüde, ... -ya eşit; eşit, denk; bunun gibi, öyle; sükûnetli bir kişi; soğukkanlılık, serinkanlılık (Skt. *upekşā*)” olarak açıklar [30: 694–695].

Clauson, *teñ* sözünü “eşit, denk” anlamıyla ve *teñger-*, *teñle-*, *teñlegüç*, *teñlen-*, *teñlençsiz*, *teñleş-* türevleri ile birlikte verir, *teñlegüç* kullanımını “havada asılı duran veya kendini dengeleyen (uçutma, kuş) olarak açıklar. *Teñlig* “eşit, denk” sözünün *teñ* sözünden türediğini, Osmanlı Türkçesinde *denli/denli²* olarak yaşadığını Budist Uygur metinlerinde *padakça teñlig nom*

² Osmanlı Türkçesindeki denk sözünün Çinceden alıntı olan *teñ* sözünden mi yoksa Farsça *tang/dang* “yük hayvanının sağ ve sol yanlarına asılan parçaların her biri” sözünden mi geldiği

“tek bir öğreti kadar yasa”, *neçe teŋlig* “ne kadar büyük”, *maŋa teŋlig kiŋiŝ* “benim gibi bir kadın”, *birle teŋligler* “sükunet” ve Hakaniye Türkçesindeki *ança teŋlig* “o kadar”, *munça teŋlig* “bu kadar” kullanımlarını kaydeder [10: 511–522].

Eski Uygur Türkçesi metinlerinde bir isimle birlikte *kulça teŋlig* “bir kılın boyunda, bir kıl uzunluğunda” [30: 369], *anıça teŋlig* “bunun gibi” [30: 50], *azkıya teŋlig* “küçük ölçüde, az ölçüde” [30: 93], *neçe teŋlig...anıça teŋlig* “ne ölçüde...o ölçüde”, *neçe teŋlig...anıçulayu ok* “...ne ölçüde...aynı ölçüde de” [30: 488] gibi kullanımları kaydedilen *teŋlig* sözü en sık *neçe teŋlig* “ne kadar”, *munça teŋlig* “bu kadar”, *anıça teŋlig* “o şekilde, o kadar” ibarelerinde görüldüğü üzere zamirlerin eşitlik eki almış şekilleriyle birlikte kullanım sahasına çıkar:

takı ne ayıtımış kergek teŋ tavar bolsar takı yime ogrı teŋi bolğay “Ve (artık burada) daha ne sormak lâzımdır. Ölçülebilecek bir mal olsa idi gene de ölçüsü yanlış çıkacak idi.” (Maytr. 38/24–26, s. 89)

ol ödün ol bayagut oğlu udakanışandı ırı bu savıg eşidip söğüt teŋrişiŋe bu kamağ balıklar sanı neçe teŋlig erür tip ayıtdı “O zaman bu sözü işitip ağaç Tanrısına ‘Bu bütün balıkların sayısı ne kadardır?’ diye sordu.” (OB/16, 23/ 17,1–4, s. 25–26)

neçe teŋlig bar erser yemiŝ söğüt olarta öŋresinte tatıglıg tüŝ yemiŝler berteçi bu tıltagtın eşiler “Oralarda öncesinde ne kadar lezzetli meyveler ve meyve veren ağaçlar varsa bunlar bu nedenle azalır.” (AY Çetin VIII/1453–1457, s. 342–343)

antag yaŋlıg artamış ol el uluŝnuŋ içinte neçe teŋlig bar erser kiŝi yalaŋuklar luvrığı yétimsiz iğınçsiz tülüksüz küçsüz küsünsüz bolurlar “Böyle bozulmuş ülkede ne kadar insan topluluğu varsa (bunların hepsi)

konusu Türkolojide tartışılmalı konulardandır. Clauson, *teŋ* sözünün Farsça dahil olmak üzere (tang/dang) çeşitli yabancı dillerde hayvanın sırtındaki her iki taraftaki yük, paket anlamını kazandığını ve modern Türk yazı dillerinin bu biçim ve anlama kelimeyi yeniden ödünç aldığını belirtir [10: 511]. Tietze, *deng/teng/tek/denk I* “yük hayvanının karşılıklı sağ ve sol yanlarına asılan parçaların bir tanesi” maddesinde *denk* sözünün J. Deny tarafından tek “biricik” sözünden, Doerfer tarafından Efa. aslından olan Fa. *dang* sözünden kabul edildiğini, Clauson’un mana itibarıyla yakın olan ETü. *teŋ* “aynı ağırlıkta” sözünden bahsederken Doerfer’in düşüncesini biraz tereddütle kabul ettiğini ancak Doerfer’in mümkün gördüğü Çince aslına ise reddettiği bilgisini verir, ve “at ve deve yükünün kıt’a ticaretinde oynadığı büyük rolü nazarı itibara alarak Efa. kelimenin pek erken yayılmış olmasını ve ‘muvazene’ mefhumunun ondan çıkmış olabileceğini hiç de imkansız görmüyoruz” der. Türkiye Türkçesindeki *denk/teng* kelimesinin Farsçadan alınan bir Rückwanderer (geri ödünçleme) olduğunu belirtir; ancak kelimenin diğer manasından dolayı da iki müstakil kelime gibi ayrı maddelerde vermeyi tercih eder (*deng/teng/tek/denk II* “aynı ağırlıkta olan”) [29: 359].

yetersiz, cesaretsiz güçsüz kuvvetsiz olurlar.”(AY Çetin VIII 1482–1488, s. 345–346)

...yene yeme alku tınlıglarının sanı sakışı **neçe teyflig bolsar neçe teyflig kalın küçlüg yavlak yek içgek bolsarlar bodistv uğuşlug élig begnin** ‘enmıntın etözindeki bir evin tüsiğe yme ada tuda tegürgeli ugulug ermezler “...yine bütün canlıların sayısı kadar da olsa, ne kadar kalabalık, güçlü, kötü şeytanlar da olsalar Bodisatav soyundan gelen hükümdarın hibir şekilde, bedendeki tek bir kılına bile zarar veremezler.” (EUDÇ 316-322, s. 60–61)

munça teyflig ök kalp üdlerte altun tilhenlig çakıravart elig han bolguluk ulug buyan edgü kılınçig kılmuş kazanmış bolur “İşte bu kadar kalpa süresinde altın tekerlekli cakravartin hükümdar olmak için gereken büyük erdemi kazanmış olur.” (AY Ayazlı VI/ 344–347, s. 90)

...anta yene kim erser bir tözünler oğlu tözünler kızı ol **ança teyflig sansız sakışsız arıg turug arhantlar kuvragıña**... “...yine de herhangi bir soylular oğlu, soylular kızı, o, bu denli sayısız, hesapsız, arı-duru Arhantlar topluluğuna...” (AY III/V 155/20-23, s. 45)

...anta yene kim erser bir kişi ol **ança teyflig yañı kut bulmuş pratyikabut dıntarlarka bir ajunta tört türlüg tapıgın udugın ağır ayag tapıg udug kılıp**... “Ondan sonra yine eğer birisi o şekildeki yeni mutluluk bulmuş, Pratyekabuddha (adlı) seçilmişlere bir varlık yolunda (Gati) dört türlü izzet ikramla saygı gösterip hizmet etse...” (AY III/V-176/5–10, s. 61)

Kaşgarlı Mahmud *teñ* sözünü “denk ve akran” anlamıyla *teñeş-* “denkleşmek”, *teñger-* “denk hâle getirmek”, *teñle-* “denkleştirmek, denk duruma getirmek”, *teñleş-* “denkleşmek” türevleriyle birlikte verir [17: 868]. Kutadgu Bilig’de ilave olarak *teñsiz* “denk olmayan”, *teñeşçi* “kıyasla hareket eden” [2: 435]; Atabetü’l Hakayık’ta, *teñe-* “mukayese etmek” [3: 667]; Kur’an Tercümelerinde, *teñ bol-* “eşit, aynı olmak” *teñde keç-* kusur işlemek”, *teñ tuş* “eş, ortak”, *teñeşik* “eş, ortak”, *teñeştür-* denkleştirmek, eşitlemek” [5: 667–670] kullanımları tanıklanır. *Teñ* sözü ve türevleri Karahanlı Türkçesinde yaygın bir kullanım alanına sahipken *teyflig* edatının kullanımı oldukça sınırlıdır:

ukuşsuz ölüg ol ukuşlug tirig/ukuş munça teyflig adırtlar erig “Akılsız ölüdür, akıllı diri/Akıl bu şekilde ayırt eder insanları.” (KB 1839, s. 201)

aydılar anlar kim tandılar: nek yolçılayın mu sizni er üze haber bërür sizke kaçan tarılsa siz munça teyflig tarılmak sizler yañı törütmeğ içinde “Söylediler onlar inkar ettiler: Parça parça olduğunuzda bu şekilde çürüyerek yeniden yaratılacağınızı size haber verecek bir adam göstereyim mi?” (Kur.T.

33/31b1–32a1, s. 83)

Yanlıg (Çin. *Yan* “biçim, tarz, usul” +*lıg*)

Eski Uygur Türkçesi metinlerinde “metot, yöntem, tarz, suret” anlamlarıyla tanıklanan Çince den alıntı *yan* sözü benzer anlamlı *osug* ve *kep* sözü ile *yan osug* “şekil, biçim, tarz” ve *yan kep* “model, örnek” ikileme olarak kullanılır. Wilkens “tarz, usul” anlamlarının yanı sıra *yan* sözü için “model, örnek, numune, şablon, klişe, kalıp; davranış, tutum; örf, âdet; ritüel; mukayese, karşılaştırma, benzetme” gibi anlamlar verir ve *yan al altag* “metot, yöntem”, *yan kod-* “yöntem koymak, metot belirlemek”, *yan törö* “ritüel uygulaması”, *yanınça* “...yoluyla yordamıyla”, *yança...* “suretle”, *yanğarig* “mukayese, karşılaştırma, benzetme”, *yanğarig yan* “mukayese, karşılaştırma, benzetme”, *yanğarınçsız* “eşsiz, emsalsiz” gibi pek çok türevini kaydeder [30: 862–863].

Kaşgarlı Mahmud da *yan* sözünü “nesnenin kalıbı, kalıp” anlamıyla kaydeder³ [17: 949]. Clauson, *yan* sözünün somut olarak “kalıp, model” soyut olarak “çeşit, tarz” anlamında olduğunu, Altay diyalektinde *yan*, Tuvacada *çay* “karakter veya huy; gelenek, alışkanlık” olarak yaşadığını, Osmanlı Türkçesinde *yan* sözü ile karıştığını belirtir, *yan* sözünün Uygur, Karahanlı, Harezmi, Çağatay ve Kıpçak Türkçesindeki kullanımlarını verir [10: 940]. Edat olarak kullanılan *yanlıg* sözünün de *yan* sözünden geldiğini “bir şekilde, bir şeyin türü” anlamında olduğunu Özbekçede “gibi” anlamıyla yaşadığını, Uygur metinlerindeki *bir yanlıg* “benzer, aynı ölçüde” kullanımını ve Hakanıye Türkçesinde, Kutadgu Bilig’de Çağatay Türkçesinde ve Harezmi Türkçesindeki kullanımlarını kaydeder [10: 950].

Marcel Erdal da Çince *yan* sözünden kopyalanan *yanlıg* sözünün *teñlig* ile hem yapı hem anlam bakımından benzediğini *yanlıg* sözünün Özbekçe ve Türkmencede edat olarak yaşadığını belirtir [18: 333]. Ayrıca Erdal, edatları gerçek edatlar ve gerçek olmayan edatlar başlıkları altında inceler, *yanlıg* ve *teñlig* edatlarını *teg*, *berü*, *adin*, *öjin*, *ınaru*, *sınar*, *sınaru*, *üze*, *üstün*, *birle*, *inçe*, *ken*, *kedın*, *kesre*, *kerü*, *keç*, *keçe*, *körö*, *ötgürü*, *tapa*, *utru*, *tegi*, *yana*, *kudi*, *eyin*, *artok*, *aşa*, *keçe*, *sayu*, *teğimlig*, *yan* edatlarıyla birlikte gerçek edatlar olarak değerlendirir. Gerçek olmayan edatlar (yani edat gibi, edat fonksiyonuyla kullanılan isimler) başlığı altında da *ugur*, *tiltag*, *küç* ve *tüş* sözlerine yer verir. [19: 331–335].

Eski Uygur Türkçesi dönemi metinlerinde *yanlıg* “gibi, benzer, aynı şe-

³ Yan: nesnenin kalıbı. Başka şeyler için ölçü ona göre alınır ve onun kalıbına göre yapılır; yahut da çamurdan topa benzer bir şey yapılır. Börkün kumaşı o kalıba göre ölçülür ve onun gibi kesilir. Herhangi bir şeyin kalıbı da aynıdır [17: 494].

kilde” anlamıyla edat görevinde kullanılan söz *yañlıg törülig* “prensipli”, *yañlıg kepliğ* “...nın türünde”, [30: 864], *bu yañlıg* “bu tür, böyle” [30: 182], *munçulayu yañlıg* [30: 479] “öyle, bunun gibi”; *muntag yañlıgın* “bu şekilde” [30: 480], *ne yañlıg* “ne tür, ne kadar çok [30: 488]; isimlerle birlikte *yelvi yañlıg* “büyüleyici türden olan” [30: 887], *yuy kuş yañlıg* “tavus kuşuna benzer” [30: 992], *bumpa yañlıg* “testi şekilli, sürahi şekilli” [30: 199], *kişi yañlıg* “insan gibi görünen insan kılığında” [30: 386], *luu yañlıg* “ejderha kılığında” [30: 457] şeklinde kullanılır; ancak dönem metinlerinde en sık tanıklandığı şekiller ise *muntag yañlıg* “bunun gibi”, *antag yañlıg* “öyle, böyle”, *bir yañlıg* “aynı şekilde, aynı”, *neteg yañlıg* “nasıl” kullanımlarıdır:

bakşı boltaçılar açarılar öñre yoriyur biz yañ udu tıtsı boltaçılar “Hoca ve üstat olan bizler önde gidiyoruz bizi izler bir biçimde de öğrenci olanlar.” (Maytr. 73/9–11, s. 136)

munçulayu yañın tutmakın bir yıl sanı içinte üçer üçer aylarig adırmak üze öd bolur “Bu şekilde tutularak bir yıl süresi içinde üçer üçer ayları ayırmak suretiyle mevsim olur.” (OB 5/13-16, s. 13–14)

ol iki tegitler munçulayu yañın keyirkençig kılını ulıyü sıgtayı talıp yügüp ançata ken temin andıran öñi yorıp bartılar “O iki prens bu şekilde feryat ederek, ağlayarak yorulup bir süre sonra derhal oradan ayrıldılar.” (AB 620/355-358, s. 94)

tözünüm kaç yañlıg “Asilim kaç çeşit...” (Maytr. 36/30, s. 87)

...ot em şastırlar yörügin ne tıltagın bu etöz kewilip küçsirep artayur mahabutlar kuwragı negülük asılır üstelür kayu öd kolularnıñ içinte kesinlerniñ sapınta kayu kayu ig agrıg neteg yañlıg törçiyür neteg yañlıg aşasar aş suwsuşlar tatıgın bolur “İlaç tefsirlerinin şerhini, ne sebeple bu (insan) vücudunun gevşeyip güçsüzleşerek kötüleştiğini, elementler (beş unsur = mahabhuta) toplanmasının nasıl arttığını, hangi zamanın içinde, (hangi) kesinlerin sırasında hangi hastalığın ne şekilde başladığını, nasıl beslenilirse yiyecek ve içeceklerin tadı olduğunu ve bu sayede canlıların (nasıl) huzurlu ve sevinçli olmaya, tekrar hareket etmeye muktedir olacağını sordu.” (OB 4/2–9, s. 12)

ol muntag yañlıg ig toğag kayu ödte tepreyür “Böyle hastalıklar hangi zamanda ortaya çıkıyor?” (OB 4/17–18, s. 13)

inek yağı süt birle mırlı panıtlı ikegü bular ugrayu emi erür kamağ igke bir yañlıg bularta adın nece erer içgü otlar kuwragıg igig körüp [is-tegü ol] öz töziñçe yaraşı turgurmuş kergек “İnek yağı süt ile bal ve banıt bunların her ikisi her hastalığın ilacıdır. Aynı şekilde bunlardan başka

içilecek şifalar topluluğu ne kadar varsa hastalığı görüp kendi kökenine göre uygun (şifayı) aramalıdır.” (OB 12/1–6, s. 20–21)

ötrü antada kin olar barça bir yañlıg buşı birip buyan edgü kılınç kılmaq üze kentü etözlerin ögirtürüp sewintürüp alkugun yumgın ol bayagut oğlinga barıp inçe tip sözlediler... “Ondan sonra onlar hepsi aynı şekilde sadaka verip sevap, iyi amel etmek üzere kendilerini sevindirip hepsi toplu olarak o bey oğluna gidip şöyle konuştular...” (OB 14/17–23, s. 23)

ödeçilerke bir yañlıg umug inag bolur siz “Sorumluluğunu yerine getirenler için bir tür umutsunuz.” (AY Çetin VII 17b(492)/801–801, s. 166)

söki arjılar birle bir yañlıg meñün turur siz “Eski kâhinler gibi uzun süre dünyada durursunuz.” (AY Çetin VII 18a(493)/824–825, s. 167–168)

ötrü ol bayagut oğlı urı yime olarnıñ iğleriñe yaraşı öñi öñi türlüg ot em birip barçanı bir yañlıg inç kultı “Sonra o bey oğlu da onların hastalıklarına uygun, farklı farklı türlü ilaç verip hepsini aynı şekilde sağlıklı kıldı.” (OB/13, 22-23, OB/14, 1–3, s. 22–23)

antag yañlıg artamış ol el uluşnuñ içinte nece teñlig bar erser kişi yalañuklar luvragı yétimsiz iğinçsiz tülüksüz küçsüz küsünsüz bolurlar “Böyle bozulmuş ülkede ne kadar insan topluluğu varsa (bunların hepsi) yetersiz, cesaretsiz güçsüz kuvvetsiz olurlar.” (AY Çetin 1482-1488, s. 345–346)

öl ödün ol bayagut oğlı udakanışandı urı kentü atasıntın bu muntag yañlıg sekiz türlüg isig öz yöründekin bilmek bilge biligniñ tözin tüpin tört ödlerniñ altı kesinlerniñ adırtın ödürtin kılguluk emlerniñ yigülük içgülük tatıglarnıñ öd iyin işletgülük törüsin eşidip edgüti köñülkerti çınkaru bilti “O vakit o bey oğlu Udakanışandı evlat kendi babasından bu şekilde sekiz türlü hayat devasını bilmek, bilgelik hikmetinin aslını kökenini, dört mevsimin altı kesininin farkını, yapılacak ilaçların, yiyecek ve içeceklerin, tatların zamana göre uygulanma kuralını işitip iyice anladı, doğru bir şekilde bildi. (OB/12, 14–23, OB/13,1, s. 20–21)

Eski Uygur Türkçesi metinlerinde genellikle *muntag yañlıg*, *antag yañlıg*, *bir yañlıg*, *neteg yañlıg* şeklinde kullanılan *yañlıg* sözü Karahanlı dönemi eserlerinden Kutadgu Bilig’de çok yaygındır ve sıklıkla *bu yañlıg* “böyle”, *ne yañlıg* “nasıl” şeklinde kullanılır:

bu yañlıg topugka itindi ajun/yagı boynı eğdi kötürdi özün “Dünya kulluk

için böyle hazırlandı, düşman boyun eğdi, ortadan kayboldu.” (KB 101, s. 27)

ajunda ne yañlıg eren togdı kör/bir ança yorıdı yana öldi kör “Dünyada nasıl erler doğdu gör, bir süre yaşadı yine öldü gör.” (KB 234, s. 39)

bir ök yañlıg ermez bu tüşke yörüg/munu ked sakingu ay kulı örüg “Her rüya aynı şekilde açıklanmaz, ey sabırlı insan, bunu çok iyi düşünmelidir (KB 6023, s. 597).

Sonuç olarak Uygur ve Karahanlı Türkçesinde edat göreviyle kullanılan ve yapısal olarak *+llg*, *+lUg* ekinin kalıplaşmasıyla oluşan *meñizlig*, *osuglug*, *teñlig* ve *yañlıg* sözlerinden *meñizlig* edatının kökbiçimi *beñiz* ilk kez Yenisey Yazıtlarında tanıklanır. Uygur döneminde *+lıg* ekli biçimi *meñizlig* kullanımdadır; fakat bu dönemde temel anlamıyla görülür, edatlaşmamıştır. Ayrıca bu dönemde *meñiz* sözünden türetilen *meñzeti* edat olarak kullanımdadır ve kökbiçim *meñiz* de Harezmi, Kıpçak ve Özbek Türkçesinde edat olarak tanıklanır. *Meñizlig* sözünün edat olarak kullanıldığı dönem Karahanlı Türkçesidir. *Osug* sözü ilk kez Uygur döneminde tanıklanır ve yakın anlamlı *yañ* sözü ile birlikte sık kullanım sahasına çıkar. *+lug* ekli biçimi *osuglug* Uygur döneminde edat olarak çok yaygındır ve genellikle zamirlerin *teg* edatı almış biçimleri olan *antag*, *muntag*, *neteg* ile birlikte, yalın ve genitif ekli isimlerle, bir de sıfat-filli sözlerle birlikte sık kullanılır. Çince den alıntılanan *teñ* sözü de ilk kez Yenisey Yazıtlarında tanıklanır. Uygur ve Karahanlı döneminde *teñ* sözü ve türevlerinin kullanımı çok yaygındır; ancak diğer üç edattan farklı olarak benzerlik ilgisi yanında sözdiziminde bir araya geldiği unsurlarla birlikte sınırlandırma fonksiyonuyla da görülen *teñlig* edatının kullanımı hem Uygur hem Karahanlı Türkçesinde sınırlıdır. Uygur döneminde daha çok *neçe teñlig*, *munça teñlig*, *ança teñlig*; Karahanlı döneminde *munça teñlig* ibarelerinde zamirlerin eşitlik eki almış biçimleri ile kullanım sahasına çıktığı görülür. Çince den alıntılanan *yañ* sözü de Uygur Türkçesinde türevleri ile birlikte geniş bir kullanım alanına sahiptir, *yañlıg* biçimi isimlerle veya *muntag*, *antag*, *neteg* ile birlikte tıpkı *osuglug* gibi zamirlerin *teg* edatı almış biçimleriyle sık tanıklanır, *bir yañlıg* biçimi ise “aynı şekilde, aynı” anlamında kaydedilir. Karahanlı dönemi eserlerinden özellikle Kutadgu Bilig’de yaygın bir kullanıma sahip olan edat bu dönemde de genellikle *bu yañlıg* ve *ne yañlıg* biçiminde sık tanıklanır.

Kaynaklar:

1. Arat, R. R. Zur Heilkunde Der Uiguren II. — Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1932.
2. Arat, R. R. Kutadgu Bilig. — İstanbul: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü

- Yayınları, 1979.
3. Arat, R. R. Atebetü'l-Hakayık. — Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2006.
  4. Arat, R. R. Eski Türk İOiri. — Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2007.
  5. Ata, A. Karahanlı Türkzesinde İlk Kur'an Tercümesi. — Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2019.
  6. Atay, A. Eski Türkçeden Bugünkü Türk Şivelerine +ılg/+lig >+ı/+li Ekli Edatlar. — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten Cilt: 55. — Sayı 2007-I. — S. 21–32.
  7. Ayazlı, İ. Altun Yaruk Sudur, VI. Kitap, Karıolarotırmalı Metin Yayını. — İstanbul: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2012.
  8. Barutçu Özönder, F. S. Abidarım kınlg koşavarti şastirtakı çinkirtü yörüglerning kıngürüsinden üç itigsizler, Giriş, Metin, Tercüme, Notlar, İndeks XXX Levha. — Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1998.
  9. Berbercan, M. T. Eski Türkçe Bayagut Oğlu Otaçı Beg Hikâyesi. — İstanbul: Derin Yayınları, 2013.
  10. Clauson, G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford, 1972.
  11. Zetin, E. Altun Yaruk Yedinci Kitap (Berlin bilimler akademisindeki metin parçaları. Karıolarotırmalı metin, zeviri, azıklamalar, dizin). — Adana: Karahan Kitabevi, 2012.
  12. Zetin, E. “Eski Uygurca Metinlerde +İlg, +İUg Ekinin Sıfatlarda Kullanımı”. International journal of language Academy. — Vol. 4/4. — 2016. — P. 49–58.
  13. Zetin, E. Altun Yaruk VIII. Kitap. — Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2020.
  14. Demirci, Ü. İ. Eski Uygurca Dırt Zatik. — İstanbul: Kesit Yayınları, 2014.
  15. Elmalı, M. Eski Uygurca Altı Dirolü Fil Hikvyesi. — Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2019.
  16. Eraslan, K. Eski Uygur Türkzesi Grameri. — Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2012.
  17. Ercilasun, A. B.-Akkoyunlu, Z. Квюгарlı Mahmud Dovvnu lugbtı't-Türk. Giriş-Metin-Zeviri-Notlar-Dizin. — Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2014.
  18. Erdal, M. Old Turkic word formation, a functional approach to the lexicon/ — Vol. I–II. — Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.
  19. Erdal, M. A Grammer of Old Turkic. — Leiden: Brill, 2004.
  20. Gulcalı, Z. Eski Uygurca Altun Yaruk Sudur'da “A3 Bars” Hikvyesi. — An-

- kara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2013.
21. Hacıeminoplu, N. Türk Dilinde Edatla. — İstanbul: Bilge Kültür Sanat, 2015.
  22. Kokmaz, Z. Gramer Terimleri Sıvızльрь. — Ankara: Тьрк Dil Kurumu Yayınları, 2010.
  23. Li, Y. S. Türk Dillerinde Sontakələr. — İstanbul: Kebikez Yayınları, 2004.
  24. Müller, F. W. K. Uğurica (IV) (ölümünden sonra A. Von Gabain tarafından tamamlanıp 1931’de bastırılmıştır). — (Alm.’dan Türkçeye Çev. S. Himran). — İstanbul, 1945.
  25. Içmez, M. Altun Yaruk III. Kitap (=5. Bıllüm Suvarıraprabhasa sıvıtra): I. — Ankara: Тьрк Dilleri Araıotərmalarə Dizisi, 1991.
  26. Öner, M. Türkçede -LIG/-LI Ekli Niteleme Sözlərinin Kalıplaşması. Türkçe Yazıları. — İstanbul, 2011. — S. 49-65.
  27. Юirin, Н. “Hakasya Bulgusu Eski Bir Türk Mezar Таюи: Азурı (Ozurı, Ye 26) Yazıtı”. — Türkbilig, Sayı 17, 2019. — S. 158–174.
  28. Tekin, Ю. Uygurca Metinler II. Maytırsimit. Burkancılardı mehdisi Maitreya ile buluşma Uygurca iptidai bir dram (Burkancılıpın Vaibhıvıoika tarikatine ait bir eserin Uygurcası). — Ankara: Atatürk Üniversitesi Yayınları, 1979.
  29. Tietze, A. Tarih ve Etimolojik Türkiye Türkçesi Lugati. İkinci Cilt C-E (Editör: Semiz Tezcan). — Ankara: Türkiye Bilimler Akademisi (Tüba), 2016.
  30. Wilkens, J. Eski Uygurcandı El Sözlüğü. — Universitetverlag Göttingen, 2021.

Ю. В. Псянчин

Вклад башкирских диалектологов в изучение отраслевой лексики родного языка (50–80-е гг. XX в.)

Аннотация: В настоящей статье детально раскрыта роль башкирских языковедов-лингвистов в описании отдельных отраслей лексики родного языка в 50–80-е гг. XX в. Автор уделил основное внимание работам, посвященным изучению традиционной для быта башкир отраслевой лексики. Это термины родственных отношений, свадебная лексика и термины коневодства. Отметим только, что на тот момент диалектологи-башкироведы уже обладали обширной картотекой терминов по всем отраслям хозяйственной деятельности и быта своего народа. Все четыре представленные в статье работы имеют статус классических исследований в этой области.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, говор, подговор, лексика, отраслевая лексика, термины родства, свадебные термины, термины коневодства.

Y. V. Psysanchin

The contribution of Bashkir dialectologists to the study of industrial vocabulary native language (50–80s of XX century)

Abstract: This article describes in detail the role of Bashkir linguists-linguists in describing certain branches of the native language vocabulary in the 50–80s. XX century. The author paid the main attention to the works devoted to the study of the branch vocabulary traditional for the life of the Bashkirs. These are kinship terms, wedding vocabulary and horse breeding terms. Let us only note that at that time dialectologists-Bashkir scholars already possessed an extensive card index of terms in all branches of economic activity and the way of life of their people. All four works presented in the article have the status of classical studies in this area.

Key words: Bashkir language, dialect, collusion, vocabulary, industry vocabulary, kinship terms, wedding terms, horse breeding terms.

Конец 50-х – начало 80-х гг. XX в. можно охарактеризовать как период интенсивного описания отраслевой лексики башкирского языка.

Тогда основная нагрузка легла на плечи лингвистов-диалектологов. В этой связи хотелось бы особо остановиться на работах Х. Г. Юсупова [28], Р. Г. Азнагулова [1] и Н. Х. Максютковой [15; 18]. Всех их объединяет только одно: они так или иначе связаны с бытом башкир.

1. Термины родства, являясь одной из активно применяемых в повседневном общении башкир частью отраслевой лексики, всегда были в центре внимания таких башкирских лингвистов, как Т. Г. Баишев (1886–1974) [2], Х. Г. Юсупов (1928–2006) [28], Р. Г. Азнагулов [1], С. Ф. Миржановой [19; 20; 21], М. И. Дильмухаметов (1940–2009) [12: 84; 93–94; 107–108]. Данной проблематикой в свое время вполне успешно занимался известный башкирский ученый-этнограф Н. В. Бикбулатов [7; 8].

Ограничимся обзором только двух работ башкирских лингвистов, посвященных описанию терминов родства¹.

1.1. Первая работа — статья Х. Г. Юсупова «Термины родства в башкирском языке» [28], изданная в составе сборника статей «Вопросы башкирской филологии» (М., 1959). Автор опирается на традиционную модель, уже принятую к этому времени в исследованиях подобного типа, т. е. выделяет две большие группы терминов родства: а) термины родства по крови [28: 124–128]; б) термины родства по браку [28: 129–134]. Положительной стороной этой статьи следует считать большое количество представленного в ней фактического материала из диалектов и говоров.

Аналогичный подход в исследовании терминологии родства уже в более широком аспекте, т. е. на материале всех функционировавших тогда тюркских языков, был реализован несколько позднее в статье Л. А. Покровской «Термины родства в тюркских языках» [24], включенной в коллективный труд «Историческое развитие лексики в тюркских языках» (М., 1961). Сама же автор при описании как терминов родства по крови [24: 14–57], так и терминов родства по браку [24: 57–79], придерживалась принципа «от общей к более частной семантике», что на практике способствовало: а) более полной дифференциации, а тем самым и систематизации специальных терминов родства по крови; б) более точной классификации обобщенных терминов родства по браку.

Но самое главное достижение Л. А. Покровской заключается в том, что ей удалось выявить не только семантические особенности терминов

---

¹ В данной статье нами не рассматривались труды С. Ф. Миржановой [19; 20; 21], так как это возможно только при параллельном анализе их с подобными работами ведущих башкирских этнографов. Работы С. Ф. Миржановой отличаются ярко выраженной междисциплинарной направленностью.

родства, но и дать им полную фонетическую и морфологическую характеристики.

1.2. Следующей работой в нашем списке значится статья башкирско-языковеда-диалектолога Р. Г. Азнагулова «К характеристике терминов родства говора оренбургских башкир» [1]. Основная идея статьи состоит в выявлении специфических особенностей номенклатуры терминов родства оренбургских башкир, заключающихся в ее несовпадении с литературным языком и другими говорами именно по всем основным линиям родства [1: 5]. Автором подвергнуты сравнительному анализу десять самых распространенных терминов родства, активно употребляемых в языке оренбургских башкир: это — *эсэй, инэй, бейем, бикэм, бикэс, мыртый, икэтэ, кайынезнэ, үңгэр, хыйлым // һилым // һыйлым* [1: 5–11]. Из перечисленных нами терминов хотелось бы остановиться только на трех из них: *эсэй, бикэс, икэтэ*.

1.2.1. Термин *эсэй* может употребляться в двух совершенно противоположных по семантике значениях: а) в тукском и соранском подговорах, распространенных на территориях населенных пунктов Аллабирде, Максют (бассейн реки Юшатыр), а также на территориях деревень Кабан, Райман, Сунарча, Рыскул (бассейн реки Сакмара) функционирует в значении термина «бабушка по матери» [1: 5]; б) в языке башкир, входящих в сетку населенных пунктов Акбулак — Каратун — Сарбай — Назаргул — Аксура, ему уже свойственно значение термина «мать» [1: 5].

1.2.2. Диалектизм *бикэс* соответствует принятой в башкирском литературном языке форме *кэйенһеңле* «золовка (младшая сестра мужа)» [3: 404]; сам ареал распространения этого термина ограничен только бурзянским и ик-сакмарским говорами южного диалекта башкирского языка [1: 8; 26: 47]. Ценным моментом здесь является этимология термина *бикэс*, предложенная автором: *би-экэ-с*, где *би* — титул феодала и глава рода; *би-экэ* > *бикэ* «супруга бека»; *=с* — уменьшительно-ласкательный аффикс [1: 9]. Отсюда можно смело утверждать, что термин *бикэс* в историческом плане восходит к форме *би* (*бий*), которая берет начало от древнетюркского **BEĞ I** «1. Правитель, вождь, бек, князь, господин ... 2. Муж, супруг ...» [13: 91]. Здесь мы наблюдаем именно тот случай, когда развитие семантики *би* (*бий*) «... шло от общего, нерасчлененного, широкого значения к более частному, конкретному ...» [24: 9].

1.2.3. Термин *икэтэ* употребляется только на территории двух населенных пунктов — в деревнях Райман и Сунарча в качестве синонима

диалектизма *мырты́й* «братишка, т. е. младший брат» [1: 10]. Однако заметим, что данные диалектологических экспедиций последних двадцати лет позволили зафиксировать его функционирование в сакмарском говоре башкирского языка параллельно в двух значениях: а) двоюродный брат; б) младший брат [11: 96]. Но в связи с этим следует внести ясность в содержание термина «сакмарский говор».

На наш взгляд, в статье Р. Г. Азнагулова очень отчетливо сохраняется еще та доминировавшая в башкирской диалектологии конца 60-х – середины 70-х гг. XX в. концепция, которая была предложена языковедом-диалектологом Н. Х. Максютовой (1932–2004) и официально представлена ею же во втором томе «Словаря башкирских говоров» [26: 10], когда сакмарский подговор, наряду с сурянским, икским, куюргазинским, нугушским подговорами, рассматривался в составе ик-сакмарского говора южного диалекта, но еще без принадлежности к какой-либо из двух зон.

Известно, что в качестве основного говора южного диалекта башкирского языка выступает ик-сакмарский говор, распадающийся на две большие зоны: а) юго-восточную, или ик-сурянскую; б) северо-западную, или ик-юшатырскую [20: 24]. Сакмар-сурянская зона делится на верхнесакмарский, сурянский и нижнесакмарский подговоры [20: 24]. Из перечисленных трех подговоров только нижнесакмарский подговор распространен на территории Кувандыкского и Сарыкташского районов нынешней Оренбургской области.

Таким образом, получается, что: а) сам термин «сакмарский говор» следует воспринимать впредь в качестве термина «нижнесакмарский подговор»; б) концепция распада на две зоны, предложенная С. Ф. Миржановой (1924–2000) в 1979 г., способствовала существенному прояснению сложившейся ситуации именно с основным говором южного диалекта [20: 24–25].

По мнению автора, сам термин является обычным детерминативным существительным: *ике + ата* досл. «два отца» > *ике + этә* > *икәтә* «двоюродный брат» [1: 10]. В этом слове в качестве первого компонента выступает имя числительное *ике* «два», а в качестве второго — простое имя существительное *ата* «отец». По мнению авторов «Грамматики современного башкирского литературного языка», данный тип отличается своей продуктивностью [10: 114].

1.2.4. Итак, на примере трех проанализированных лексем *әсәй*,

бикэс, икэтэ удалось проследить те основные тенденции в семантике терминов родства оренбургских башкир, которые имели место к началу 70-х гг. XX в.

Все это конкретизируется на примере таблицы, предложенной в статье [1: 12]:

Оренбургский говор	Южный диалект	Восточный диалект	Литературный язык
Әсәй , инәй, әнәй	Әсәй , инәй, әни, әнкәй, әней	Инәй (әсәй)	әсәй
бикэс	бикэс	кайынһеңне	кәйенһеңле
икэтэ	—	—	—

Как видно из таблицы, термин кровного родства *әсәй* в языке оренбургских башкир выступает в двух значениях: а) бабушка по материнской линии (тук-соранский подговор², демский говор, южный диалект); б) лишь частично — в значении «мать, т.е. синоним термина — литературной нормы *әсәй*». Ср.: *әсәй, инәй* — мать (южный диалект); *инәй* — мать (восточный диалект) — лит. язык *әсәй* «1) мама (форма обращения); 2) диал. см. *өләсәй*» [3: 821].

Это подтверждается и данными «Диалектологического словаря башкирского языка»: *әсәй* (тук-соран, урта/тук-соранский подговор; средний говор) 1. (урта/средний) *Өләсәй* — бабушка. *Кендек әбейе* — повивальная бабка [11: 427].

Диалектизм *бикэс* функционирует как в языке оренбургских башкир, так и в южном диалекте башкирского языка. Ср.: *кайынһеңне* (восточный диалект) — лит. *кәйенһеңле* «золовка (младшая сестра мужа)» [3: 404]. К сожалению, семантика термина родства по браку *бикэс* заметно сузилась; теперь он применяется в том же ик-сакмарском говоре только в значении «младшая золовка» [11: 48].

Термин кровного родства *икэтэ*, включенный в таблицу автором

² Тук-соранский подговор башкирского языка — это язык оренбургских башкир, проживающих в населенных пунктах бассейнов рек Тук и Соран (Красногвардейский, Александровский, Новосергиевский и Переволоцкий районы нынешней Оренбургской области). Например, Н. Х. Максютова в этом вопросе показала себя сторонницей географического принципа: она еще 1987 г. придала этому подговору статус говора и ввела его в состав западного диалекта [22: 7; 27: 230]. Но еще в 1979 г. другой башкирский языковед-диалектолог С. Ф. Миржанова официально включила их язык в состав демского говора южного диалекта [20: 168], взяв за основу фонетический принцип. В данном случае подход С. Ф. Миржановой, на наш взгляд, кажется более рациональным.

статьи, не встречается в диалектах и в самом литературном языке. Но в новом издании диалектологического словаря зафиксировано его функционирование в нижнесакмарском подговоре ик-сакмарского говора южного диалекта уже в двух значениях: «**ИКЭТЭ**. (хакмар/сакмарский подговор) 1. ... *двоюродный брат*. 2. ... *младший брат*» [11: 96].

Этой статьей Р. Г. Азнагулова был уже заложен истинно научный подход в изучении лексики родственных отношений в башкирском языке.

2. Известным башкирским языковедом-диалектологом, доктором филологических наук Нажибой Хаерзамановной Максютовой было сделано немало в плане изучения свадебной лексики башкирского языка [15; 16: 160; 168–169; 23: 12–54; 55 –197; 198–224]. Одной из ее значимых работ, посвященных данной проблеме, является статья «Свадебные термины в башкирском языке», опубликованная в 1975 г. в «Башкирском языковедческом сборнике» [15: 32–42].

2.1. Данная статья Н. Х. Максютовой в структурном плане состоит из двух частей. Первая ее часть включает в себя 177 терминов, общих для свадебного обряда, а также характеризующих в той или иной мере поведение, облик его участников. Башкирская традиционная свадьба, как заметили башкирские этнографы Н. В. Бикбулатов и Ф. Ф. Фатыхова, состоит из восьми следующих друг за другом этапов: 1) помолвка в колыбели; 2) добрачные встречи молодежи; традиционные места встреч и знакомств; 3) сватовство и сговор; 4) бракосочетание; 5) свадьба; 6) обряд калын; 7) переезд невесты; 8) приезд молодой жены [9: 9–85].

Содержание первой части [15: 34–41] в лексико-семантическом плане полностью отражает последние пять этапов названного семейного обряда башкир.

2.1.1. Итак, этап бракосочетания (т. е. четвертый этап) включает в свой состав следующие слова: *бартәңкә* (айский говор, восточный диалект) — две монеты-рублевки, подаренные женихом невесте в первую брачную ночь; *бирнә, бирәнә* (караидельский говор, северо-западный диалект; средний говор, южный диалект) подарки жениха родителям невесты во время знакомства; *ижәб итеу* (средний говор, южный диалект) — благославить на брак; *ижәб, ижаб укью* (кызылский говор, восточный диалект; средний, ик-сакмарский говоры, южный диалект) — совершить молитвенный обряд бракосочетания, *ижәт иттерәу* (кызылский говор, восточный диалект) — договариваться о бракосочета-

нии; *килешеу тастамалы* (аргяшский говор, восточный диалект) — длинное вышитое полотенце, дареное будущему свекру после сговора; *никах билгеһе* (говор д. Сафакуль, Курганская область) — брачная ночь молодых; *никах койзороу, никах койоу* (аргяшский говор, восточный диалект) — чтение брачной молитвы и т. д.

2.1.2. Пятый этап, именуемый «Свадьба», состоит из следующих терминов: *башеңгә* (сальютский говор, восточный диалект) — главная сноха, обслуживающая жениха и невесту; *бирнә гейеу, бирнә туйы* (айский говор, восточный диалект) — одевание жениха в одежду, приготовленную невестой; *донъя күргәтеу* (аргяшский говор, восточный диалект) — уборка невестой свадебной посуды; *кейәу аксаһы* (восточный диалект) — монеты-дары жениха шуринам; *кейәу ыуасаһы* (инзерский подговор, средний говор, восточный диалект) — гостинец, привезенный на свадьбу от имени жениха; *карттар тәкәһе* (миасский говор, восточный диалект) — сундук свата, нагруженный гостинцем; *коза аткарыу* (кызылский говор, восточный диалект; миасский говор, восточный диалект) — угощение, свадебный меджлис; *һыуға баштау* (кызылский говор, восточный диалект) — ритуал показа невесте реки на родине жениха и т. д.

2.1.3. Распространенный ранее среди башкир обряд *калын* представляет шестой этап традиционной свадьбы. По сути, *калын* является повторением той же свадьбы, но уже на «стороне» жениха, т. е. родители жениха и его родня принимают у себя родственников невесты [9: 52–58]. Но самым главным событием является обряд *калым* (*калын алыу*), посвященный передаче калымного скота.

В основном лексика настоящего этапа посвящена описанию именно этого момента: например, *калын* (средний говор, южный диалект) — меджлис в доме жениха; его синоним *туй һыйы*; *калын* (аргяшский говор, восточный диалект) — десять пар сватов, сопровождающие невесту; *калын караусылар* (аргяшский говор, восточный диалект) — главные участники на «стороне» жениха; *калын эсеу* (говор д. Искандер, Курганская область) — пир в честь гостинцев жениха; *мәһер* (миасский говор, восточный диалект) — калым; синонимы *мәһәр, калым* и т. д.

Однако следует различать и другие значения диалектизма *калын*: так, например, эта лексема в составе демского говора южного диалекта башкирского языка функционирует в значении «приданое» и образует

при этом синонимический ряд со словами *кыз айбере*, *кыз малы* [15: 27].

2.1.4. Седьмой этап традиционной башкирской свадьбы представляет собой переезд невесты к мужу, который, как правило, состоит из двух частей: 1) процесса одевания невесты в соответствующую ее нынешнему статусу женскую национальную одежду; 2) самого обряда проводов невесты [9: 59–73].

Итак, процесс одевания невесты характеризуется следующими терминами: *кыз мәнәре* (айский говор, восточный диалект) — подарок невесте — плед, ичиги, калоши, материя для *жилен* (зилян); *никах йаузыгы* (аргаяшский говор, восточный диалект) — брачный платок; впервые надевается при переезде в дом жениха и т. д.

Но самым многочисленным по составу является тематическая группа слов, характеризующая сам обряд проводов невесты: *арсыу* (аргаяшский говор, восточный диалект) — сопровождать невесту; *борғактау* (аргаяшский говор, восточный диалект) — напиваться в последний день свадьбы; *курес* (миасский говор, восточный диалект) — подарки жениха, раздаваемые перед отъездом в его дом; *козаткарыр* (ик-сакмарский говор, южный диалект) — прощальное угощение в родном доме невесты; *семдәу, сеңдәу* (аргаяшский, сальютский говоры, восточный диалект) — имитирование плача после причитания; *һагамак әйтеу, һамактау* (аргаяшский, сальютский говоры, восточный диалект) — причитание-плач и т. д.

2.1.5. Восьмой этап башкирской традиционной свадьбы «Приезд молодой жены» может быть охарактеризован следующими терминами: *килен гәтәу* (восточный диалект) — встречать невесту в доме жениха; *килен озатыбалыу* (южный диалект) — приезд невесты в дом жениха; *тастар* (средний, иргизский говор, южный диалект) — длинное вышитое полотенце, дареное невестой родителям жениха; *төпйорт* (демский, средний говоры, южный диалект) — дом жениха, т. е. дословно «основной дом»; *туй төшөрәу* (миасский говор, восточный диалект) — приезд невесты в дом жениха; *түркендәй барыу* (кызылский говор, восточный диалект) — первый приезд молодой (после свадьбы) в гости к родителям; *түркеннәй барыу* (средний говор, южный диалект) — приезд за приданым (в виде скота) невесты; *түркеннәй китеу* (ик-сакмарский говор, южный диалект) — съездить в гости к родителям молодой жены; *түркенсәк* (ик-сакмарский, бурзянский говоры, южный диалект) — невеста, очень часто приезжающая в родительский дом; *хуш көрәгәнә*

(аргаяшский говор, восточный диалект) — последний пир-угощение в доме жениха и т. д.

Конечно же, самым значительным моментом свадебного обряда на «стороне жениха» является церемония показа водного источника *һыуга башлау*. Обычно представляется терминами *һыу баштатыу* (айский говор, восточный диалект), *һыуга баштау* (кызылский говор, восточный диалект), *һыу курһәтеу* (аргаяшский, сальютский говоры, восточный диалект). Именно с ним связаны и другие термины: *һыу бирһәне* (аргаяшский говор, восточный диалект) «монета, спущенная невестой в воду» и *курнис* (аргаяшский говор, восточный диалект), *күрнеш* (говор д. Шарип, Курганская область) — «дары невесты односельчанам жениха у источника».

2.2. Вторая часть статьи Н. Х. Максютовой посвящена описанию свадебных персонажей и включает в себя 49 терминов [15: 41–42].

Мы сознательно выбрали термин «свадебный персонаж», предложенный еще в 2001 г. татарским языковедом-диалектологом Ф. С. Баязитовой [5: 19]. Хотя до этого, т. е. в 1991 г., Ф. С. Баязитова проявила себя сторонницей использования другого, совершенно противоположного по семантике термина — «свадебный чин» [4: 118]. На наш взгляд, содержание термина «свадебный чин» очень узкое, так как он может применяться лишь для обозначения очень малого количества лиц, на которых возложены отдельные функции (например, *арғыш* (заказанский, чистопольско-кряшенский говоры) — распорядитель, самый почетный гость свадьбы; *туй башы* (турбаслинский говор) — человек, назначенный главой свадьбы и др.) церемониального характера, тогда как родственные функции участников свадьбы остаются неустановленными.

Перечислим только некоторую часть терминов, относящихся к группе свадебных персонажей: *борондох инә*, *инәм*, *инә* (аргаяшский, сальютский, ялан-каитайский говоры, восточный диалект) — сноха, развязывающая ритуальный пояс невесты; *йаңғыз кыз* (аргаяшский, ялан-каитайский говоры, восточный диалект) — единственная сестра жениха по отношению к невесте; *кескәй гоҙа* (кызылский говор, восточный диалект, ик-сакмарский говор, южный диалект) — младший брат жениха по отношению к невесте; *кескәй гоҙа* (кызылский говор, восточный диалект; ик-сакмарский говор, южный диалект) — младший брат жениха по отношению к родителям и родственникам жениха; *киленкәй* (демский говор, южный диалект), *киленкәс*, *киленсәк* (айский говор, восточ-

ный диалект), *киленкәш* (ялан-катайский говор, восточный диалект) — молодуха; *туган кәйне*, *туган кәйнеләр* (сальютский говор, восточный диалект) — родные братья мужа и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно Н. Х. Максютовой были заложены теоретические основы исследования отраслевой лексики башкирского языка на примере свадебных терминов. Рассмотренные труды в основном выполнены на примере восточного диалекта башкирского языка, так как были написаны автором в период ее работы над очень актуальным проектом «Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование)» [17]. Более того, перечисленные работы позволили затем успешно перейти к лингвогеографическому исследованию башкирского языка.

3. Статья Н. Х. Максютовой «Терминология коневодства у башкир» (Уфа, 1983) была опубликована в сборнике статей «Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка» [18] и до сегодняшнего дня продолжает оставаться единственной работой, посвященной описанию лексики традиционного коневодства.

Как отмечала сама автор, необходимость описания терминов коневодства была вызвана фактором постепенного исчезновения данной отрасли хозяйства башкир, из-за чего уходила из языка и эта часть активно употребляемой в свое время отраслевой лексики [18: 18].

И здесь же Н. Х. Максютова в доказательство своих слов приводит ряд терминов, перешедших в разряд исторической лексики: например, *һаба* — «посуда, сшитая из цельной конской шкуры, вмещающая 8–10 ведер (служила для хранения кумыса)»; *көрәгә*, *тубал* — «аналогичная посуда меньшего размера»; *йомдау* — «посуда, сшитая из сычуга со сбористой горловиной»; *башкунәк*, *башкапсык*, *бейәгүнәк* — «посуда, изготовленная из шкуры головы (предназначалась для хранения и перевозки кумыса)»; *сарма*, *артмасак*, *калта* — «посуда, сшитая из конской шкуры и предназначенная для хранения других продуктов питания» и др. [18: 18].

Ценность настоящей работы Н. Х. Максютовой заключалась, на наш взгляд, в том, что представленные термины коневодства анализировались ею в рамках определенных тематических групп, хотя границы между ними в статье весьма условны. Ведь основой для их выделения служат только следующие строки: «... в башкирских говорах имеется

довольно стройный состав терминов и названий, связанных с породой, нравом и поведением, возрастом, мастью, спецификой хода, полом лошадей» [18: 19]. Наша задача также сводится к еще более четкому выделению в своей статье этих границ.

3.1. Названия лошадей, связанные со спецификой их хода. Первыми в этом ряду являются термины *аргымак* — «аргамак», *толпар* — «толпар», которые, по полевым наблюдениям самой Н. Х. Максютовой, применяются для обозначения быстрых, легких и рослых лошадей; они характерны для живой народно-разговорной речи башкир южных, отчасти — юго-западных и редко — северо-восточных районов нынешнего Башкортостана [18: 19–20]. Однако следует заметить, что в современном башкирском литературном языке названные слова также функционируют и в качестве терминов животноводства: например, *аргымак* — «аргамак (старинное название породистых восточных верховых лошадей)» [14: 19], *толпар* — «1. миф. Тулпар, крылатый конь; 2. (якшы токомло ат) порода рослых и легких верховых лошадей» [14: 69]. В качестве синонима термина *аргымак* в сакмарском подговоре ик-сакмарского говора южного диалекта функционирует диалектизм *бахмис* [18: 19]. Но семантика диалектизма *бахмис* имеет свою специфику: это — рысак [18: 40].

Самым распространенным в литературном языке и говоре является термин *йуртак* — «рысак», менее распространенными — узкие по употреблению термины *йелей* (демский говор, южный диалект), *йелэн*, *тойто*, *йугыртак* (кубалакский говор, восточный диалект), *йуртагат*, *йуртак бейэ* (айскир говор, восточный диалект) [18: 20].

Весьма часто используемый в народно-разговорной речи термин *йурга* — «иноходец» по характеру бега имеет несколько лексико-семантических вариантов: это лексемы *йөрөш йурга* (миасский говор, восточный диалект), *һибэ йурга* (кызылский говор, восточный диалект), которые обладают значением «иноходец, быстро сменяющий аллюр на бег» [18: 20]. Также в эту группу входят термины *сапма йурга* (кызылский говор, восточный диалект), *сакма йурга* (кубалакский говор, восточный диалект), *һикертмэ йурга* (айский говор, восточный диалект) «иноходец со сбивающимся аллюром»; *сыр йурга* (каитайский подговор, средний говор, южный диалект), *һибэ йурга* (кызылский говор, кубалакский говор, восточный диалект), *шау йурга*, *шыу йурга*, *ыгыу йурга* (аргаяшский говор, восточный диалект) «иноходец с ровным аллюром» [18: 20].

Перечисленные диалектизмы закреплены в указанных значениях в «Диалектологическом словаре башкирского языка» [11: 126].

3.2. Термины и названия лошадей, связанные с возрастом. Именно в связи с этим нам просто необходимо дать свою интерпретацию по заключению Н. Х. Максютовой, сформулированной ею так: «... термины и названия, связанные с возрастом лошади, не имеют в пределах говоров единой системы. Для обозначения определенного возраста употребляются различные названия...» [18:20].

В качестве основных терминов выступают диалектизмы *конан*, *конажын* — «молодняк от двух до трех лет», *дунәжен*, *дүнән* — «молодняк от трех до четырех лет», *дунәзән* — «трехгодовалая кобыла (бурзянский говор, южный диалект); четырехлетняя, нежеребившаяся кобыла (аргяшский, сальютский, айские говоры восточный диалект)»; *айгыр* — «жеребец (старше четырех лет)»; *бейә*, *байтал* — «кобыла старше четырех лет»; *колокай* — «жеребенок (демский говор, южный диалект)» и др. [18: 20–21]. Но, тем не менее, добавим сюда их фонетико-морфологические варианты *коназын* (бурзянский говор, южный диалект), *конанса*, *конансы* (миасский говор, восточный диалект) [18: 21].

Например, наличие в диалектах и говорах башкирского языка таких терминов и названий лошадей по возрасту, как *кыржмыш* — «стригун, т. е. жеребенок на втором году жизни» и его вариантов *тай* (айский говор, восточный диалект), *кыржма* (средний говор, бурзянский говор, южный диалект) и *йабагатай* (северо-западный диалект)» [18: 20] еще раз подтверждают правоту Н. Х. Максютовой в том, что лексемы с этой семантикой, как отмечалось выше, не имеют в пределах говоров единой системы.

Термин *тулак* применяется для обозначения лошадей четырех-пяти лет; при этом явно восходит к монгольскому элементу *ту* — «пять» [18: 21].

3.3. Названия лошадей, дифференцированные по родо-половому признаку. Сюда входят названия лошадей: *өйөр айгыры* — «жеребец-вожак»; *азау айгыр* — «жеребец-производитель» и его фонетические варианты *аһау айгыр* (бурзянский говор, южный диалект), *аҫау*, *аҫау ат*, *аҫау иркәк* (аргяшский говор, восточный диалект), *аһау айгыр* (сальютский говор, восточный диалект), *азау ат* (айский говор, восточный диалект), *базаган айгыр*, *азаулайгыр* (демский говор, южный диалект) [18: 21].

Однако также добавим, что термины *байтал*, *бейә*, *дүнәжен*, *байтал бейә* уже были подвергнуты нами выше лексико-семантическому анализу.

Диалектизмы *һәүерек*, *тыу мал*, *тыу бейә*, *кысырак*, *кысыр бейә*, *кыуғыр*, *кыузык* также образуют группу родо-половых наименований. Например, *һәүерек* — «жеребец любого возраста, не допущенный к косяку»; а в демском говоре южного диалекта *һәүерек* // *сәүерек* означает мерина [18: 22]. Термин *кыуғыр* (катайский подговор, сальютский говор, восточный диалект) также обладает значением «жеребец, не допущенный к косяку» [18: 22].

3.4. Названия лошадей по цвету и масти. Эти названия, как отмечала Н. Х. Максютлова, имеют свою специфику: в их образовании выделяются масти-доминанты, на основе которых образовались новые по структуре и семантике слова [18: 22]. Например: Күк: *күгат* «сивый» может иметь варианты *тимергүк* «вороно-сивый», *аккүк* «бело-сивый», *көңгөрүк*, *куңыргүк* «буро-сивый», *карагүк* «темно-сивый» и т. д., *йерән* «рыжий»: *колйерән* «булано-рыжий», *канийерән* «красно-рыжий», *акйерән* «бледно-рыжий» и т. д. [18: 22].

Подобные в структурном плане варианты возможны и с прилагательными цвета *ала* — «пегий», *сыбар* — «чубарый», *сантар* — «игрневый», *буз* — «серый, сизый», *бүртә* — «караковый» [18: 22–24].

Высокой частотностью распространения в диалектах и говорах башкирского языка обладает прилагательное цвета *кир* — «мухортый», которое может употребляться только в сочетании с общими наименованиями лошади: например, *кират* — «мухортая лошадь», *кирдунән* — «мухортый жеребец», *кирбайтал*, *кирбейә* — «мухортая кобыла», *киралаша* — «мухортый мерин», *кирайғыр* — «мухортый жеребец» и т. д. [18: 23].

Также Н. Х. Максютовой были выделены еще две большие группы: 1) «3.5. Названия лошадей, связанные с их различными признаками, качественными характеристиками и приручением» [18: 24–25]; 2) «3.6. Термины, связанные со сбруей и другими приспособлениями» [18: 5–26].

Н. Х. Максютлова в своей статье впервые в истории башкирской лексикологии и диалектологии представила на суд специалистов свою оригинальную лексико-семантическую классификацию коневодческой лексики, состоящую из шести групп. При этом ею было проанализировано порядка трехсот слов-терминов, относящихся к данной тематике.

Кроме этого, автору удалось создать основу для этнолингвистических и лингвокультурологических изысканий. Также исследователь смогла на примере лексики коневодства творчески и вполне доступно объяснить содержание терминов «лексический диалектизм», «семантический диалектизм», «фонетический диалектизм», чем также способствовала в определенной степени развитию теории диалектологической науки.

Таким образом, настоящая статья Н. Х. Максютовой и по сей день продолжает обладать статусом классического исследовательского образца не только в области отраслевой лексикологии, но и полевой лингвистики тюркских языков.

4. Итак, начало сугубо научного описания отраслевой лексики башкирского языка на примере терминов родства было положено Х. Г. Юсуповым еще в 1959 г. [28]. Рассмотренные нами статьи Р. Г. Азнагулова и Н. Х. Максютовой были написаны в начале 70-х – первой половине 80-х гг. XX в. Они не потеряли своей актуальности и сегодня и даже продолжают оставаться единственными в своем роде в истории башкирского языкознания. Но они, несомненно, создали основу для дальнейших изысканий в области отраслевой лексикологии башкирского языка. В то же время благодаря этому обширному лексическому материалу удалось выявить и основную проблему в области башкирской диалектологии, а именно — отсутствие единых и научно обоснованных критериев в классификации говоров и подговоров в системе диалектов башкирского языка.

Литература:

1. Азнагулов, Р. Г. К характеристике терминов родства говора оренбургских башкир // Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков: Сб. статей. — М., 1973. — С. 5–13.
2. Байшев, Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. — М.: Изд-во МГУ, 1955.
3. Башкирско-русский словарь: 32 000 / Под ред. З. Г. Ураксина. — М.: Дигора, Рус. яз., 1996.
4. Баязитова, Ф. С. К этнолингвистической реконструкции традиционных свадебных обрядов (свадебные чины) // Функциональное развитие татарского языка в условиях перестройки: Сб. статей. — Казань, 1991. — С. 118–130.
5. Баязитова, Ф. С. Себер татарлары. Рухи мирас: гаилә-көнкуреш, йола терминологиясе һәм фольклор. — Казань: Фикер, 2001.

6. Бикбулатов, Н. В. Терминология и система родства башкир // Археология и этнография башкир: Сб. статей. — Т. II. — Уфа, 1964. — С. 164–175.
7. Бикбулатов, Н. В. Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник // Археология и этнография Башкирии: Сб. статей. — Т. IV. (Материалы научной сессии по этногенезу башкир. Май, 1969 г.). — Уфа, 1971. — С. 178–183.
8. Бикбулатов, Н. В. Башкирская система родства. — М.: Наука, 1981.
9. Бикбулатов, Н. В. Семейный быт башкир XIX–XX гг. / Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Фатыхова. — М.: Наука, 1991.
10. Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А. А. Юлдашев. — М.: Наука, 1981.
11. Диалектологический словарь башкирского языка = Башкорт теленен диалекттары һүзлеге. — Уфа: Китап, 2002.
12. Дильмухаметов, М. И. Говор среднеуральских башкир. — Уфа: Гилем, 2006.
13. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969.
14. Зайнуллина, Г. Д. Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству. — Уфа: Китап, 2006.
15. Максютова, Н. Х. Свадебные термины в башкирском языке // Башкирский языковедческий сборник: Сб. статей. — Уфа, 1975. — С. 32–42.
16. Максютова, Н. Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). — М.: Наука, 1976.
17. Максютова, Н. Х. Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук (10.02.06). — Баку, 1980. — 34 с.
18. Максютова, Н. Х. Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка: Сб. статей. — Уфа: АН, 1983. — С. 18–26.
19. Миржанова, С. Ф. Терминология родства в диалектах башкирского языка // Советская тюркология. — 1973. — № 4. — С. 99–109.
20. Миржанова, С. Ф. Южный диалект башкирского языка. — М.: Наука, 1979.
21. Миржанова, С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и развитие). — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991.
22. Мәксүтова, Н. Х. Инеш // Башкорт һөйләштәренен һүзлеге (Өс томда). — III том (Көнбайыш диалект). — Өфө: Башк. кит. нәшр., 1987. — С. 3–12.

23. Образцы башкирской разговорной речи. — Уфа: Башк. кн. изд.-во, 1988.
24. Покровская, Л. А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 11–81.
25. Словарь башкирских говоров: в 2-х тт. — Т. I (Восточный диалект) / Ред. Н. Х. Максютова., Н. Х. Ишбулатов. — Уфа, 1967.
26. Словарь башкирских говоров: в 2-х тт. — Т. II (Южный диалект) / Ред. Н. Х. Максютова. — Уфа, 1987.
27. Словарь башкирских говоров: в 3-х тт. — Т. III (Западный диалект) / Ред. Н. Х. Максютова (на башк. яз.). — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987.
28. Юсупов, Х. Г. Термины родства в башкирском языке: (Из наблюдений над лексикой башкирских говоров) // Вопросы башкирской филологии: Сб. статей / Отв. ред. А. И. Харисов. — М., 1959. — С.123–135.

А. И. Пылев

Турецкий прозаик XX в. Сабахаттин Али и его произведение «Мадонна в меховом манто» — современный взгляд из России

Аннотация: Настоящая статья посвящена переводам, изданиям и исследованиям на русском языке прозаических произведений видного турецкого писателя XX в. Сабахаттина Али (1907–1948) и в частности произведения «Мадонна в меховом манто» (“Kürk Mantolu Madonna”). До сих пор окончательно не решен вопрос о том, к какому жанру прозы (повести или романа) следует относить данное произведение, которое сам автор назвал «повестью» (‘büyük hikaye’). Проанализировав текст произведения, опираясь на его сюжетные и композиционные особенности, а также на научные понятия «повести» и «романа», автор статьи предлагает следующее решение данного вопроса. Перед читателем произведения предстает история всей жизни главного героя повествования, Раифа-эфенди, с ее основными событиями. Обе части произведения (рассказ о знакомстве и дружбе автора с Раифом и дневник Раифа) характеризуются напряженностью повествования, наличием завязки действия, его кульминации и развязки. Главный герой изображен в разных жизненных ситуациях, реалистически воссоздана история формирования и развития его характера и взглядов на жизнь. Все перечисленные особенности присущи, прежде всего, не повести, а роману. Реалистически изображая индивидуальную судьбу главного героя, автор затрагивает общие вопросы человеческой психологии, нравственности и общественной жизни своей страны. Таким образом, в данном произведении Сабахаттина Али преобладают черты жанра романа, и его следует рассматривать в контексте романического творчества писателя.

Ключевые слова: турецкая проза, жанры прозы, эпический жанр, новелла, повесть, роман, социальный роман.

A. I. Pilev

The 20th century Turkish novelist Sabahattin Ali and his work “Madonna in a Fur Coat” — a modern view from Russia

Abstract: This article is devoted to translations, publications and research in Russian of prosaic works written by a prominent Turkish writer of the twentieth

century Sabahattin Ali (1907–1948) and, in particular, to his work “Madonna in A Fur Coat” (“Kürk Mantolu Madonna”). The affiliation of this work to the genre of a “short novel” or to the “novel” genre is still a questionable matter, while the author himself defined it as a “short novel” (“büyük hikaye”). After analyzing the text of Ali’s work, considering its narrative differences and features of the composition, basing on the scientific concepts of the “short novel” and “novel”, the author of the article offers the following solution to this issue. The reader encounters the life story of the main character Raif Efendi, with all its major events. Both parts of the story — the account of the acquaintance and friendship between the author and Raif and Raif’s diary — have the intense narrative, the opening, the culmination and the denouement. The main hero is depicted in different life situations, the development of his character and his views of life is realistically portrayed. These characteristics undoubtedly represent the «novel» genre, but not one of the “short novel”. By realistically portraying the protagonist’s individual fate, the author is concerned with human psychology, morals and the issues of public life of his own country. It can be said that the features of the “novel” genre prevail in this Sabahattin Ali’s particular work, and thus this work should be considered as a part of the writer’s novelistic legacy.

Key words: the Turkish prose, prosaic genres, the epic genre, novella, short novel, novel, social novel.

A. İ. Pylev

XX yüzyıl türk nesircisi Sabahattin Ali ve onun “Kürk Mantolu Madonna” eserine Rusya’dan çağdaş bir bakış

Özet: İşbu makalenin söz konusu, ileri gelen Türk yazarı Sabahattin Ali (1907–1948)’nin nesir eserlerinin Rusça tercümelemleri, Rusya’daki yayınları ve araştırmalarıdır. Bu eserlerin arasında yazarın en meşhur ve aynı zamanda en az incelenmiş eserlerinden biri olan “Kürk Mantolu Madonna” önemli yer almaktadır. Yazarın kendisinin «büyük hikaye» olarak adlandırdığı bu eserin hangi türüne, yani «romanlara» veya «hikayelere» ait olduğu sorun hala kesinlikle çözülememiştir. Sabahattin Ali’nin bu eserini tahlil etmeye çalışan şu makalenin müellifi, onun konu ve yapısal özelliklerine, bir de «hikaye (nuvel)», «büyük hikaye» ve «roman» bilimsel tanımlarına dayanarak bu sorunun şöyledeki çözülmesini sunmaktadır. Eseri okuyanın gözlerinin önünde baş kahraman Raif Efendi’nin doğuşundan ölümüne kadar temel olaylarıyla bütün hayatı canlanır. Eserin iki bölümün her biri, yani öykücünün Raif ile tanışması ve arkadaşlığı hakkındaki hikayesi ve Raif kendisinin hatıralar defteri, anlatısının gerilimine, eylemin bağlanmasına, doruk noktasına ve çözülmesine sahiptir. Eserin baş kahramanı, farklı yaşam durumlarında tasvir edilip onun mizacının ve dünya görüşlerinin oluşu ve gelişmesinin süreci,

başka birçok kişilerle ilgili olarak gerçekçi bir biçimde canlandırılmıştır. Bunlar da şüphesiz büyük hikayenin değil, romanın özellikleridir. Baş kahramanın özel kaderini gerçekçi bir şekilde gösteren yazar, insan psikolojisi, ahlak ve kendi ülkesinin toplumsal yaşamının genel sorunlarına değinmektedir. Böylece Sabahattin Ali'nin bu eserinde ağır basan roman özellikleridir ve bunun için eserin, yazarın romancılığının ürünü olarak ele alınması gerekir.

Anahtar kelimeleri: the Turkish prose, prosaic genres, the epic genre, novella, short novel, novel, social novel.

Sabahattin Ali (1907–1948)'nin yaratıcılığı ve eserleri, bütün yeni çağ Türk düzyazının gelişmesinde önemli bir yer tutmaktadır. Sabahattin Ali, ileri Türk okurlarının kamusu tarafından layıkıyla değerlendirilmiş ve hala değerlendirilmekte olan roman, büyük hikaye, hikaye (nuvel) gibi temel nesir türlerinin en parlak örneklerini yaratmıştı. Sabahattin Ali'nin birçok solcu ve cumhuriyetçi Türk müelliflerini etkileyen mirasını oluşturan eserleri, hakikaten Türk edebiyatında eleştirimci gerçekçiliğin (realizmin) klasik numuneleri olarak sayılması gerekir.

Soviyet Birliğinde «ilerici görüşlü» Türk yazarlarından biri olarak takdir edilen Sabahattin Ali'nin eserleri defalarca tercüme edilmekte ve basılmaktaydı. Belki de Sabahattin Ali, eserlerinin Rusça'ya tercümelerinin sayısı bakımından Nazım Hikmet'ten sonra XX. asrın ikinci Türk yazarı idi. 1950, 1951, 1952 ve 1971 yıllarında yazarın «Asfalt Yolu», «Apartman», «Küçük Hasan» ve «Düşman» adlı hikayeler mecmuaları yayımlandı. Bunlar, adları Sabahattin Ali'nin kendi mecmualarının adlarını tutmayan seçilmiş hikayeler kitaplarıydı. Maamafih yazarın hemen hemen tüm hikayeleri, bazı şiirleri ve bütün romanları Rusça'ya tercüme edilmiştir. «İçimizdeki şeytan» romanı 3 baskı olarak 1955, 1979 ve 1990'da, «Kuyucaklı Yusuf» romanı ise 1958 ve 1990 yıllarında yayımlanmıştı. Sabahattin Ali'nin bütün romanlarının ve hikayelerinin çoğunun tercümanı, ünlü edebiyatçı-türkolog, yazar ve tenkitçi Rady Gennadieviç Fiş¹ idi. «Kürk Mantolu Madonna» eseri ilk defa 1970'li yıllarda L. Medvedko tarafından çevirilip Rusça tercümesi “İçimizdeki Şeytan” romanıyla aynı ciltte 1979 ve 1990'da yayımlanmıştı. Fakat bu «büyük hikaye» nin Rus okuyucularına doğru yolu çok zor ve inişli yokuşluydu. En önde gelen Rusya türkologların değerlendirdiklerine göre eserin ilk tercümesi başarısız olmuş. Maalesef tercümanı, bazı yerlerde metnini bile yanlış anlayarak Sabahattin Ali'nin birçok imgelerini tahrif etmişti.

Bu durumda Petersburg türkologları «Kürk Mantolu Madonna» eserinin

¹ Rusça: Радий Геннадиевич Фиш (1924–2000).

yeni tercümesini gerçekleştirmeye karar vermişlerdi. Bu yeni tercüme, 2002–2003 yıllarında Sankt-Petersburg Üniversitesi Türk Filolojisi Bölümü başkanı prof. V.G. Guzev’in himayesinde bölümün öğretim üyeleri Apollinariya Avrutina ile Aleksey Pylev tarafından yapıldı. Ancak 2010 yılında Sabahattin Ali’nin ikinci başlığı «roman» olan «Kürk Mantolu Madonna» eserinin tercümesi, Moskova’nın «Ad Marginem» yayınevinde dünya yüzünü görmüştür [2].

«Kürk Mantolu Madonna» nasir Sabahattin Ali’nin en meşhur ve aynı zamanda en az incelenmiş ve muammalı eserlerinden biridir. 1941 yılında tamamlanmış olan bu eser, «Hakikat» gazetesinde «büyük hikaye» olarak tefrika edildi, sonra 1943 yılı ilk baskısında aynı zamanda «hikaye» ve «büyük hikaye» olarak adlandırıldı, ama bundan sonraki baskılarında ve çok sayılı tenkit makalelerinde yaratıldığı nesir türü çoğunlukla “roman” olarak değerlendirilir.

Bu eserin hangi türüne, yani «romanlara» veya «hikayelere» ait olduğu sorun hala kesinlikle çözülememiştir. «Kürk Mantolu Madonna» eserinin türünün (janrının) tespit edilmesi onun nasir Sabahattin Ali’nin yaratıcılığındaki yerinin saptanmasına yardımcı olur. O zaman biz bu eseri Sabahattin Ali’nin ya «romancılığı»nın ya da «nuvelciliği»nin ürünü olarak hiç yanılmadan ve tereddüt etmeden ele alabiliriz.

«Kürk Mantolu Madonna»nın şüphesiz hem romanın, hem de nuvelin veya büyük hikayenin özellikleri vardır. Anlatımın merkezinde bir asilzade ailesinin evladı olan küçük memur Raif Efendi’nin hayatı, onun Alman ressamı Mariya Puder’e karşı aşkı ve bu iki kahramanın feci kaderi bulunmaktadır. Türk tenkitçisi Behice Boran, bu eserin dış konu tarafını “Adımlar” dergisinde 1943 mayısında çıkan makalesinde çok kısa ve anlatımlı bir şekilde ifade etmişti: «Kitabın ilk 45 sahifesi Sabahattin Ali tarzında başlıyor ve ilerliyor. Bu kısımda küçük bir memur tipini, onun aile hayatını görüyoruz. Muharrir bize güzel sahneler çiziyor. Fakat bu kısım «mukaddime»dir. 45 inci sayfadan sonra sessiz, uysal mütercim Raif Efendinin gençlik hatıratına dönüyoruz; hikaye Birinci Cihan Harbi’nden sonraki ilk senelerde Almanya’ya atlıyor ve artık bir Türk genci ile bir ressam □ bar artisti Alman kızının aşk hikayesine dalıyoruz» [3: 212]. Raif Efendi ile Mariya Puder’in iletişimi yalnızca yarım sene kadar sürer; sonra ise baş kahramanı Raif Efendi, babasının ani vefatından dolayı Türkiye’ye dönmek zorunda kalır. Bundan sonra iki genç, kaderin buyruğuna göre bir daha görüşemezler. Onlar yalnız mektuplar vasıtasıyla iletişim kurarlar. Hastalığından dolayı zayıflamış Mariya yakında doğum ya-

parak ölür, Raif ise ölümünden yalnız on yıl sonra tesadüfen haberdar olur. Anlatımın sonunda eserin okuru, Raif Efendi'nin hatıralar defterini okumasını bitiren öykücüyle birlikte baş kahramanın vefatını öğrenir. Eserin iki baş kişisinin ilişkilerinin çok kısa bir süre içinde geliştiği tasvir edilmiştir; temel anlatımını ise baş kahramanın hatıra defterinde kendi sözleriyle aktarılmış olan manevi yolu, duyguları ve üzüntüleri üzerine bir hikaye oluşturmaktadır.

Bu eser, kısmen nuvele (hikayeye) özgü yukarıda gösterilen çizgileriyle birlikte açık roman özelliklerine sahiptir. Yazarın çağdaşı, fikir ve savaşım arkadaşı olan Nazım Hikmet'in, büyük hikayenin müellifin kendisinin Raif'e raslandığı ilk kısmının, küçük Türk burjuvalarının töre ve fikir tarzını eleştirecek parlak bir toplumsal romana geliştirebildiğini söylemiş olduğu rasgele bir şey değildi. Romana özel olan destansı (epik) unsurlar, Nazım Hikmet'in ikinci kısım dediği Raif'in hatıra defterinde, yani eserin ana kısmında bulunmaktadır. Bu kısımda Birinci Dünya Savaşında Almanya'nın yenilgisini yaşamış olan Berlin'liler imgelerinin tam bir galerisi okurlar gözlerinin önüne çıkar. Sabahattin Ali kendisi, eserine «büyük hikaye» derdi; Türk tenkitçileri ise, yaşam keyfiyetlerinin yazara roman olarak tasarlanmış eserini kısalttırdığını ve «büyük hikaye» yani nuvel türü eserinin çerçevesiyle yetindirdiğini çoğu zaman belirtiyorlar [4: 9]. Sabahattin Ali'nin eserlerini inceleyen Türk yazarı ve tenkitçisi Atilla Özkırmı şöyle iddia eder: «... Asıl öykü Raif'in anlatışıdır ... Yazar, roman olarak gelişebilecek birinci bölümü Raif Efendi'yi tanıtıcı bir çevre-ortam betimlemesi olarak kullanmış. Sergilediği ikincil kişileri salt Raif Efendi'yle ilişkileri açısından ele almış. Raif'in anlatısına geçtikten sonra da onları orada bırakmıştır. Ayrıca gerek Raif'in, gerekse Maria Puder'in çok boyutlu birer roman kişisi olarak ele alınıp yansıtıldıkları da söylenemez. İkisini de yalnızca tek bir olay, tek bir eylem içinde görürüz. Kısacası, yapıtını "büyük hikaye" biçiminde niteleyen Sabahattin Ali bunun bilincindedir» [4: 10].

Kanaatimizce Sabahattin Ali'nin eserinin biçimsel olarak değil de gerçekten hangi nesir türüne ait olduğunu ancak bu eserin konu ve yapısal özelliklerine, bir de «hikaye (nuvel)», «büyük hikaye» ve «roman» bilimsel tanımlarına dayanarak belirlemek mümkündür. İşbu makalenin yazarı, nesirin destansı türünün üç temel şeklinin Avrupa ve Rus edebiyat bilimi tarafından işlenmiş olan nitelemelerini kullanarak Sabahattin Ali'nin «Kürk Mantolu Madonna» eserini tahlil etmeye çalışıp şu sonuçlara varmıştır. Bu eser, Rus edebiyatçısı V. Kojinov'un dediğine göre tipik bir «büyük hikaye» gibi «epizotların belli bir zincirini kapsamak», «olayların sırasını» betimlemekle kalmıyor [1: 271];

fakat eserin sayfalarında okurun gözlerinin önünde doğuşundan ölümüne kadar, çoğunlukla kahramanın kendi gözüyle görülen temel olaylarıyla baş kahraman Raif Efendi'nin bütün hayatı canlanır. Eserin iki bölümün her biri, yani öykücünün Raif ile tanışması ve arkadaşlığı hakkındaki hikayesi ve Raif kendisinin hatıralar defteri, anlatısının gerilimine, eylemin bağlanmasına, doruk noktasına ve çözülmesine sahiptir. Ayrıca eserin baş kahramanı, farklı yaşam durumlarında tasvir edilip onun mizacının ve dünya görüşlerinin oluşu ve gelişmesinin süreci, başka birçok kişilerin «çok seslilik» zemininde gerçekçi olarak canlandırılmıştır. Bu da şüphesiz roman özelliğidir. Genellikle elimizdeki eserin yapısı, kısmen M. Lermontov'un «Zamanımızın kahramanı» ve V. Hugo'nun «Sefiller»i gibi roman türünün şüphesiz numunelerinin yapılarını andırmaktadır. Baş kahramanın özel kaderini gerçekçi bir şekilde gösteren yazar, doğrudan ya da dolaylı olarak umumi insan psikolojisi, ahlak ve kendi ülkesinin toplumsal yaşamının sorunlarına başvurmaktadır. Böylece Sabahattin Ali'nin bu eserinde ağır basan roman özellikleridir ve işte bunun için eserin, yazarın romancılığının ürünü olarak ele alınması gerekir.

Kaynakça:

1. Кожин, В. В. Повесть // Словарь литературоведческих терминов / Редакторы-составители: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — М.: Просвещение, 1974. — С. 271–272. [Kojin, V. V. Short novel (story) // Dictionary of literary terms / Editing and compilation by L. I. Timofev and S. V. Turayev. — Moscow: Prosveshcheniye, 1974. — PP. 271–272.]
2. Сабахаттин Али. Мадонна в меховом манто: роман. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2010. — 256 с. [Sabahattin Ali. Madonna in A Fur Coat: novel. — Moscow: Ad Marginem Press, 2010. — 256 p.]
3. Boran, Behice. “Kürk Mantolu Madonna” için ... // Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna / Baskıya Hazırlayan: Atilla Özkırmı. — İstanbul: Cem Yayınevi, 1993. — S. 212–213. [Behice Boran. Concerning “Madonna in a Fur Coat” // Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna (‘Madonna in a Fur Coat’) / Preparation for the publication by Atilla Özkırmı. — İstanbul: Cem Yayınevi, 1993. — PP. 212–213. (In Turkish).]
4. Özkırmı, Atilla. “Kürk Mantolu Madonna” üzerine // Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna / Baskıya Hazırlayan: Atilla Özkırmı. — İstanbul: Cem Yayınevi, 1993. — S. 5–10. [Atilla Özkırmı. About “Madonna in A Fur Coat” // Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna (‘Madonna in a Fur Coat’) / Preparation for the publication by Atilla Özkırmı. — İstanbul: Cem Yayınevi, 1993. — PP. 5–10. (In Turkish).]

М. М. Репенкова

**Омер Зюльфю Ливанели и его роман
«Последний остров»**

Аннотация: В статье на основе турецких источников исследуется творческая биография известного беллетриста О. З. Ливанели. Показывается многогранность его творческой личности — писателя, музыканта, кинорежиссера, политического деятеля. Творчество писателя О. З. Ливанели вписывается в современный художественный процесс Турции, в котором прослеживаются признаки переходности — от литературы логоцентрической с четко выраженной структурой художественных направлений и течений к литературе нелогоцентрической, в которой доминирует спонтанная многоукладность направлений и течений, отсутствуют писатели-лидеры. Акцент делается на развитии в творчестве О. З. Ливанели жанра романа-антиутопии, который по своим хронотипологическим признакам близок к лучшим образцам этого жанра в западноевропейской и американской литературах.

Ключевые слова: Омер Зюльфю Ливанели, турецкая литература переходного периода, спонтанная многоукладность художественной словесности, беллетристика, жанр романа-антиутопии, «Последний остров».

М. М. Rепенkovaа

Ömer Zülfü Livaneli and his novel “The Last Island”

Abstract: The article employs Turkish reference sources to explore the creative experience of Ömer Zülfü Livaneli, a well-known fiction writer. It highlights the versatility of his creative personality as a writer, musician, film director, and politician. The writings of Ömer Zülfü Livaneli fit into the Turkey's contemporary artistic process, which exhibits the signs of transition from logocentric literature with a clearly defined structure of artistic trends and currents to non-logocentric literature that is dominated by spontaneous multimodality of trends and currents, and has no leading writers. The article focuses on the emergence of dystopian novel genre in the works of Ömer Zülfü Livaneli and emphasizes that, in terms of chronotypology, his novel approximates the best examples of this genre in Western European and American literature.

Key words: Ömer Zülfü Livaneli, Turkish literature in transition, spontaneous multimodality of artistic writing, fiction, dystopian novel genre, “The Last Island”.

Омер Зюльфю Ливанели родился 20 июня 1946 г. в ильче Ылгын в 86 км от Коньи¹. Его прадед Омер-бей участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., дослужившись до звания кол-агасы (секунд-майора). Он женился на чеченке и у него родился сын Зюльфикар. Когда Омер-бей погиб, его сыну было 10 лет. Зюльфикар не стал военным. Он работал на государственной службе, был судьей. Говорили, что он был чрезвычайно честным и порядочным человеком. Когда вышел закон о фамилиях, он взял фамилию Ливанели, исходя из того, что жил он и работал в санджеке Ливанели. У Зюльфикар-бея родились три сына, самым старшим из которых был отец писателя Мустафа Сабри Ливанелиоглу. В 1940 г. Мустафа Сабри-бей закончил юридический факультет Анкарского университета, был назначен прокурором в ильче Ылгын, где он и обзавелся семьей. У Мустафы Сабри-бея и его жены Шюкрийе-ханым родилось четверо детей — Омер Зюльфю², Асым, Сейхан и Ферхат. Жизнь прокурора не была легкой. Семья все время переезжала с места на место (Фетхийе, Амасья и др. города Анатолии). Пережить невзгоды во многом помогала музыка. С музыкой Зюльфю Ливанели познакомился еще в детстве, когда в один из дней рождения отец подарил ему вместо велосипеда саз, посчитав, что такой подарок будет безопаснее для ребенка, чем езда на велосипеде по городским улицам. Мальчик начал учиться играть на сазе и это его очень заинтересовало. У него перед глазами был пример дяди по отцовской линии, который профессионально играл на скрипке и к 25 годам добился известности.

В 1950-е гг. родители Зюльфю отправляют его в Анкару к дедушке и бабушке для учебы в знаменитом Маариф Коледжи³, где он увлекся английским языком и литературой. По признанию самого З. Ливанели, большое влияние на него оказали Э. Хемингуэй, Дж. Лондон, Дж. Стейнбек, Э. Колдуэлл. Он так много читал, что его даже ограничива-

¹ Сведения о биографии З. Ливанели даются по книге воспоминаний писателя «Моя возлюбленная жизнь» (Sevdalim Hayat, 2018) и по монографическому исследованию Э. Сефероглу «Литература Ливанели» (Livaneli Edebiyatı, 2017).

² Зюльфю Ливанели был назван в честь своего деда по отцу Зюльфикар-бея, который спустя годы, когда Зюльфю был уже подростком, умер в день рождения внука 20 июня [4: 39].

³ Колледж первоначально назывался «Колледж при Министерстве просвещения», затем за ним укрепились более короткое название «Колледж просвещения».

ли в этом. Он взахлеб читал переводную литературу, которую издавало Министерство просвещения: «Старик и море» Э. Хемингуэя, «Мартин Иден» Дж. Лондона, «Тошнота» Ж.-П. Сартра. Он мог с одинаковым интересом читать детективы про Арсена Люпена и пьесы Г. Ибсена. В 15 лет под влиянием Хемингуэя написал свою первую книгу про жизнь матадоров «Амарилло». Очень большой интерес у него вызвал «Дестан о национально-освободительной войне» Н. Хикмета, который был опубликован после переворота 1960 г.

В 1964 г. З. Ливанели женился на школьной подруге Юлькер Тунчай и через два года у них родилась дочь Айлин. В этот период молодой семье пришлось переехать в Трабзон, где З. Ливанели работал в немецкой фармацевтической компании. Здесь, в Трабзоне он познакомился с людьми «левых» взглядов: судьей Али Фаиком Джиханом, поэтом Аталом Бехрамоглу, учителем рисования Мустафой Бешгеном и др., что стало одной из причин его обращения к социализму. Он читал «левые», прокоммунистические газеты и журналы, произведения Н. Хикмета, «Капитал» К. Маркса. Его «дружба с коммунистами» привела к увольнению из компании. Затем его забрали в армию на шесть месяцев, после чего он с семьей жил в доме матери в Стамбуле. Безденежье заставило его вновь устроиться в ту же фармацевтическую компанию в городе Эскишехир. Но эта работа была ему совсем не по душе, и З. Ливанели со своим другом организовал в Анкаре сначала фирму по продаже книг «Ана Dağıtım», а затем издательство «Ekim Yayınları», где они издавали такие книги, как «10 дней, которые потрясли мир» Дж. Рида, «Социалистическая Куба» Л. Губермана и П. Суизи, «Герилья и марксизм» У. Ж. Помероя, «Политические письма» Че Гевары и др. Издательство делило офис с журналом «Aydınlık». В этом же здании находилось руководство отделения Рабочей партии Турции от ильче Чанкая, с многими представителями которого дружил З. Ливанели. После переворота 12 марта 1971 г. его вместе с другими сотрудниками издательства арестовали. Вину вменялось все: книги, которые они издавали, люди, с которыми они общались и т. п. В тот раз отцу и дяде удалось ему помочь, буквально через несколько дней его выпустили свободу.

З. Ливанели закрыл издательство «Ekim» и создал новое «Babil», в котором издавал Дж. Апдайка, переводы писем Чехова, свои собственные первые рассказы. В 1970-е гг. З. Ливанели много занимался музыкой. Работал над дисками «Собери для меня солнце», «Лейлим лей»

и др. Начал исследование турецкого фольклора. В старом журнале он нашел слова и ноты тюркю об Индже Мемед, после чего разыскал в Стамбуле адрес Яшара Кемалья (1923–2015) и пришел к нему знакомиться. Представившись и показав свою находку мастеру, он исполнил Я. Кемалю тюркю об Индже Мемед в собственной технике саза. Это стало началом их многолетней дружбы. Об этой дружбе З. Ливанели позже написал книгу воспоминаний «Писатель, который своим глазом ловит орла — Яшар Кемаль» (Gözüyle Kartal Avlayan Yazar Yaşar Kemal, 2016).

В том же 1971 г. З. Ливанели был снова арестован. На этот раз срок пребывания в тюрьме Анкары оказался более продолжительным (один месяц). После освобождения его обвинили в причастности к угону в Софию турецкого пассажирского самолета. Сначала он скрывался, но потом сам сдался полиции. Новый арест продлился несколько месяцев. Через некоторое время его отпустили за неимением улик. Власти закрыли его издательство, все книги были конфискованы. Единственное, чем он мог заниматься, — это музыкой. Он встречался с ашыками, собирал и изучал тюркю. Но угроза очередного ареста витала в воздухе. По поддельному паспорту на имя Мехмеда Йылмаза Басмаджи с небольшим чемоданом и сазом в руке он сел на поезд, следующий через Болгарию в Германию. В Германии он пробыл недолго, страна с большим количеством турецких гастарбайтеров ему не понравилась, и он уехал в Скандинавские страны (сначала в Норвегию, затем в Швецию). В Стокгольме З. Ливанели снова оказался в тюрьме. На этот раз из-за того, что он не смог доказать, что он — политический эмигрант Ливанели. В шведской полиции он сказал, что паспорт сжег. Хотя на самом деле он просто не мог его показать, так как это был паспорт на имя другого человека и в нем стояла немецкая виза, а по закону как политэмигрант он должен был остаться в стране прибытия, т. е. в Германии: «Просто с ума можно было сойти. В Турции я оказался за решеткой из-за того, что был Омером Зюльфю Ливанели. А в Швеции меня арестовали из-за того, что я не был Омером Зюльфю Ливанели. Произошла невероятная глупость. В Швеции, куда я приехал за спасением, я серьезно загремел за решетку» [4: 193]. Доказать свою личность, выйти из тюрьмы и получить политическое убежище ему удалось только после приезда жены и дочери. 22 марта 1994 г. за несколько дней до муниципальных выборов в Стамбуле, на которых З. Ливанели собирался баллотироваться на пост мэра города, фотографии арестанта З. Ливанели, добытые у шведской полиции, были

использованы в турецкой прессе против него. Они были напечатаны во многих ведущих газетах под заголовком «Фотографии, которые огорчают Зюльфию» [4: 194, 430].

С 1972 по 1977 гг. З. Ливанели прожил в вынужденной эмиграции в Швеции. В Стокгольме он с семьей обосновался в тихом студенческом районе Кунгсхамра, зарабатывал на жизнь музыкой (записывал диски, участвовал в концертах, писал музыку к кинофильмам⁴). Жена Улькер училась на педагогическом отделении, а будущий писатель — на философском отделении Стокгольмского университета. Параллельно он совершенствовал и свое музыкальное образование в музыкальном училище имени Эмиля Жака-Далькроза. В 1974 г., воспользовавшись объявленной в Турции амнистией, З. Ливанели удалось получить темно-синий паспорт в Турецком посольстве на собственное имя. Он тогда даже не подозревал, что через два с лишним десятка лет сможет получить высшие красные паспорта международных организаций и Турецкой республики. В 1996 г. в Париже, на торжественной церемонии в центре ЮНЕСКО он будет назначен послом этой организации и консультантом генерального директора ЮНЕСКО. Именно тогда он получит красный паспорт, самый высший международный паспорт за подписью генерального секретаря ООН. З. Ливанели будет работать послом ЮНЕСКО с 1996 по 2016 гг. В 2002–2006 гг. его изберут депутатом Европарламента, а в 2002 г. — депутатом Великого Национального Собрания Турции. В 2002 г. З. Ливанели будет выдан турецкий красный паспорт, предоставляющий его обладателю большие права.

После военного переворота 12 сентября 1980 г. З. Ливанели был снова вынужден уехать из страны. Первоначально он планировал краткосрочную деловую поездку в Германию и Францию, но события на родине развивались так стремительно, что его отъезд в Европу обернулся новой четырехгодичной эмиграцией. Он с семьей вновь оказался в Стокгольме, где они сняли квартиру в районе Солна. С родины приходили плохие вести о том, что диски с его песнями изымались из продаж, радиопередачи с его записями были запрещены, что если он не вернется, то его лишат турецкого гражданства, а если вернется, то его посадят в тюрьму и т. п. В этот период он много занимался музыкой. В Стокгольме он встретился с приехавшей туда великой турецкой актрисой Тюркан Шорай (р. 1945) и по ее просьбе написал музыку к кинофильму,

⁴ За его продолжительную творческую жизнь им была написана музыка к 35 кинофильмам [4: 203].

снятому ею по повести Яшара Кемаля «Убить змею» (Yılanı Öldürseler). Главную роль в этом фильме играла сама Т. Шорай. З. Ливанели записал диск собственных песен с известной греческой певицей Марией Фарандури (р. 1947). В 1981 г. М. Фарандури и З. Ливанели с песнями З. Ливанели совершили многомесячные гастроли по Греции, собирая целые стадионы своих почитателей. Встреча музыканта во Франции в 1982 г. с другим знаменитым турецким актером Йылмазом Гюнеем (1937–1984), который бежал от репрессий на родине, определила переезд семьи З. Ливанели в Париж. В Париже З. Ливанели написал музыку для фильма Й. Гюнея «Дорога» (Yol), который был отмечен на Каннском кинофестивале. В этот период по настоянию друзей, особенно Абидина Дино (1913–1993), ради безопасности он начал писать музыку под псевдонимом Себастьян Аргол.

Выдающийся турецкий художник и артист Абидин Дино с 1953 г. жил на два дома — во Франции и в Турции. Именно он помог З. Ливанели снять в Париже недорогую квартиру на Монпарнасе. А. Дино вообще много поддерживал З. Ливанели во время его эмигрантских скитаний. З. Ливанели вспоминает один из эпизодов парижской жизни, связанных с А. Дино: «Я старался хоть как-то обустроить нашу монпарнаскую квартиру. Вещей у нас никаких не было. По мере того, как я смотрел на пустой дом, в груди у меня все сжималось. Мне было совсем непросто организовать уют в Париже. На протяжении всей нашей жизни мы, как кочевники, перебирались с места на место, двадцать пять раз снимали квартиры, переезжали, не помню даже сколько раз создавали дом с нуля. Мне вдруг страшно захотелось вернуть с Турцию и зажить уже в своем собственном доме. Но в тот момент это было невозможно.

Однажды я сидел у Абидин-бея дома. Должно быть, у меня было очень тоскливо на душе, потому что он вдруг сказал: “Что-то мне не нравится твой вид. Ты так и не привык к новому дому”.

Он встал и начал отбирать картины среди холстов, которые висели на стенах его студии. Выбрал семь-восемь картин, часть отдал мне, а часть засунул себе подмышку и сказал: “Давай-ка пойдём”.

Мы пешком дошли до нашего пустого дома. Там он долго изучал стены и то, как на них падает свет, каждую картину повесил на стену собственными руками. Получился очень странный вид. Стены пустого дома оживились, украсились разноцветными картинами. Из каждого угла фонтанировали краски Абидин-бея, его странные цветы, космиче-

ские рисунки/орнаменты, синеватая лиловость и розовость Мраморного моря.

“Вот сейчас мы создали дом,” — сказал он. И действительно появилось ощущение дома, я сразу же к нему привязался. Съемная квартира вдруг преобразилась, мгновенно оказалась украшенной как невеста <...> Картины Мраморного моря с необыкновенной гаммой цветов, которые я никогда раньше не видел, приносили в мой дом морской запах. Дом вдруг начал пахнуть Саидом Фаиком, в комнате били крыльями птицы-флюгеры Орхана Вели. Потолок превращался в радугу, пробуждающую желание плакать от ее необыкновенной красоты.

Человек, который создал все это счастье, говорил: “Ну вот, теперь другое дело”. Действительно, стало совсем другое дело» [4: 307–308].

З. Ливанели был знаком со многими известными людьми своего времени — политиками, писателями, музыкантами, артистами (греческий композитор и политик Микис Теодоракис (р. 1925), с которым они основали «Общество греко-турецкой дружбы», индийский дирижер Зубин Мета (р. 1936), английский актер и режиссер, писатель Питер Устинов (1921–2004), американский театральный режиссер турецкого происхождения Элиа Казан (1909–2003) и др.). З. Ливанели с особой теплотой вспоминает о своих встречах с М. Горбачевым (р. 1931). 13 октября 1986 г. группа, состоящая из творческой интеллигенции разных стран (З. Ливанели, Я. Кемаль, А. Миллер (1915–2005), Дж. Болдуин (1924–1987), Э. Тоффлер (1928–2016) и др.) участвовали в Иссык-кульском форуме, который был организован в Киргизии по приглашению Чингиза Айтматова (1928–2008). 21 октября эта же группа встречалась с М. Горбачевым в Кремле. В 1996 г., выступая на американском канале «S-Span», М. Горбачев говорил, что мысли о перестройке у него зародились во время той кремлевской встречи с интеллигенцией. Позднее у З. Ливанели было еще много встреч с М. Горбачевым (Берлин, Стамбул, Сан-Франциско, Москва, Бишкек / Иссык-куль). Их содержание отражено в публицистической книге З. Ливанели «Разговоры о революции с Горбачевым» (Gorbaçov’la Devrim Üstüne Konuşmalar, 2003) [4: 373–379].

З. Ливанели выделяется среди ведущих представителей турецкой творческой интеллигенции широтой своего дарования. С ранней юности в его жизни в единое целое соединились литература, музыка и кино. Он считает, что искусство — это многослойное образование, в котором кино, музыка и литература подпитывают друг друга. Поэтому работа в

разных областях искусства развивает художника, заставляет преодолеть одномерность творчества, делает его произведения более многоплановыми, яркими. Например, история, рассказ является одним из краеугольных камней фильма. Поэтому роман и рассказ легко переводятся в видеоряд. Музыка делает фильм более емким и наполненным чувствами. Музыка и фильм могут стать неразделимыми [5: 55]. Экранизация романа З. Ливанели «Счастье» режиссером Абхуллахом Огузом в 2007 г. и саундтрек к фильму, написанный самим З. Ливанели и включающий 12 композиций, исследованы в статье А. В. Образцова и А. С. Сулеймановой [1: 145–147].

Композитор, писатель, кинорежиссер, он был удостоен более тридцати престижных национальных и международных наград во всех тех областях, куда направлялась его кипучая творческая энергия. В 1986–1987 гг. З. Ливанели выступил в качестве режиссера фильма «Земля — железо, небо — медь» (Yer Demir Gök Bakır) по одноименному роману Я. Кемаля. Фильм вошел в программу Каннского кинофестиваля 1987 г., где был встречен с большим интересом. В 1988 г. вышел фильм З. Ливанели «Туман» (Sis), в котором он был режиссером и композитором вместе с М. Теодоракисом. В 1999 г. в итальянском городе Сан-Ремо З. Ливанели получил высшую награду в области популярных современных песен «Лучший композитор года». Его музыкальные композиции исполнялись симфоническими оркестрами Лондона, Берлина, Москвы, Афин и Измира под управлением таких известных дирижеров, как Семен Коган (1928–2016) и Зубин Мета. Романы З. Ливанели, переведенные на сорок языков мира, не раз входили в списки бестселлеров в Испании, Китае, Южной Корее, Германии. В Турции произведения писателя неоднократно получали литературные премии имени Юнуса Нади и Орхана Кемаля, что является показателем высокой оценки его творчества литературными критиками и читателями.

Роман З. Ливанели «Последний остров» (Son Ada, 2008) можно с уверенностью назвать одной из первых турецких антиутопий, генетически связанных с романом Рэя Бредбери «451 градус по Фаренгейту». К этому же выводу приходят и турецкие критики, оценивая это произведение [3: 65–74; 5: 37, 69]. В 2009 г. роман завоевал одну из самых престижных премий в области романистики — премию имени Орхана Кемаля «за реалистический подход к социальным проблемам, воспроизведенным в фантастико-символическом повествовании» [5: 70].

Антиутопия — это жанр, который становится одним из ведущих в «переходные» литературные эпохи. Для турецкой литературы такой эпохой является рубеж XX–XXI вв., когда нарушается прежний логоцентрический порядок в литературных направлениях и течениях, а в самой национальной литературе начинает доминировать спонтанная многоукладность. Теперь каждый писатель выступает сам по себе. Из писательской среды практически исчезают лидеры.

«В антиутопии мир, выстроенный на тех же началах, что и в утопии, дан изнутри, через чувства одного человека, испытывающего на себе законы общества тотальной несвободы. Все события в антиутопии происходят после переворота, войны, катастрофы, революции и т. п. и в каком-то определенном, отграниченном от остального мира месте. Идеалом в этом мире становится инкубатор, стирающий любые различия между людьми. Внутренняя атмосфера антиутопии пронизана страхом» [2: 11].

3. Ливанели действует точно в соответствии с требованиями жанра. В романе особый тип хронотопа: локализация событий во времени и пространстве. Все события происходят в воображаемой, известной стране на райском острове, которому безымянный личный повествователь дает название «Последний остров» — последнее прибежище счастливых людей. Жизнь на острове (в этом ограниченном от остального мира месте с населением в сорок домов), которую описывает в дневнике личный повествователь (он не является профессиональным писателем), протекает размеренно и спокойно. Люди живут в гармонии с природой и самими собою. Но все это происходит до того момента, пока на остров не приезжает бывший Президент, пришедший в свое время к власти в результате военного переворота. Теперь он ушел на пенсию и выбрал для жизни этот остров. Активная деятельность бывшего Президента на маленьком острове, подчинение себе, своей воле местных жителей (писателя — друга повествователя, Лары, сына бакалейщика и др.) превращает жизнь островитян в ад, с чем не желает мириться личный повествователь. Иными словами, жизнь на острове, как обычно бывает в антиутопии, разделилась на два отрезка — до и после приезда Президента. А между ними разрыв преемственности. Жизнь главного героя-повествователя теперь полностью подчинена ритуалу, установленному Президентом, и поэтому основной темой произведения становится стремление героя этот ритуал сломать, нарушить, восстать против него.

З. Ливанели использует типичный для любой антиутопии конфликт «я» и «мы», актуализируя проблему превращения личности в массу. Критика социальных утопий человечества, нравственной деградации сочетается в романе и с гуманитарной катастрофой: Президент уничтожает природу острова, что особенно отражается на жизни чаек.

В романе З. Ливанели легко узнаются реалии современной Турции. Правда, они представлены в утрированно-гиперболизированном виде, даже с некоторым фантастическим сдвигом. Но этим писатель лишь усиливает то, что существует на самом деле. Он пронизывает предупреждающим пафосом Апокалипсиса все произведение, что характерно вообще для книг данного жанра.

Литература:

1. Образцов, А. В. Стратегия «Счастья» Зюльфю Ливанели: нарратив и визуальность / А. В. Образцов, А. С. Сулейманова // Российская тюркология. — 2019. — № 1–2 (22–23). — С. 139–148.
2. Черняк, В. Д. Массовая литература в понятиях и терминах. Учебный словарь-справочник / В. Д. Черняк, М. А. Черняк. — М., 2018. — 191 с.
3. Belge, M. Edebiyat Üstüne Yazılar. — İstanbul, 2009. — 203 s.
4. Livaneli, Z. Sevdalım Hayat. — İstanbul, 2018. — 466 s.
5. Seferoğlu, E. Zülfü Livaneli Edebiyatı. İnceleme. — İstanbul, 2017. — 306 s.

М. М. Репенкова

Постмодернистская поэтика романистики Семы Кайгусуз

Аннотация: В статье рассматриваются три романа современной турецкой писательницы С. Кайгусуз «Молитвы, падающие на землю» (2006), «Место на твоём лице» (2009), «Смех варвара» (2015) с точки зрения их поэтологических признаков — сюжетно-композиционного содержания и образного наполнения. Доказывается, что произведения определяет постмодернистская поэтика, основанная на цитации традиционных текстов, интертекстуальности, размножении симуляционных образов и их мерцании друг в друге. В текстовой реальности произведений фигуры героев теряют целостность и даже человеческие очертания, телесность начинает замещать духовность.

Ключевые слова: Сема Кайгусуз, «Молитвы, падающие с неба», «Место на твоём лице», «Смех варвара», постмодернистская поэтика, симуляционные образы-знаки.

М. М. Repenkova

The postmodernist poetics in novels by Sema Kaygusuz

Abstract: This article reviews three novels by the contemporary Turkish writer Sema Kaygusuz: “Prayers Falling on Earth” (2006), “A Place on Your Face” (2009) and “Laughter of the Barbarian” (2015). We discuss their poetological features: plot composition and imagery. We prove that these works are defined by postmodernist poetics, which is based on quoting traditional texts, intertextuality and the multiplication of simulation images that “flicker” through one another. In the textual reality of her works, the characters' images lose their integrity and even human likeness, as corporeality gives way to spirituality.

Key words: Sema Kaygusuz, Prayers Falling on Earth, A Place on Your Face, Laughter of the Barbarian, postmodernist poetics, simulation image symbols.

Сема Кайгусуз (р. 1972) — известная турецкая писательница, заставившая с середины 1990-х гг. говорить о себе национальных литературоведов и литературных критиков, как о «серьёзном, оригинальном авторе

с широкими возможностями, который с мастерством канатоходца пробирается сквозь толщу слов, играет словами и раскрывает перед читателем внутренний мир своих героев» [12]. Ее перу принадлежит несколько сборников рассказов, таких как «Ближе к середине / В середине половины» (Ortadan Yarısından, 1997), «Пятно от сундука» (Sandık Lekesi, 2000), «Пункт насыщения» (Doyma Noktası, 2002), «Колодец плененных слов» (Esir Sözcük Kuyusu, 2004), «Зябнувший» (Üşüyen, 2008), «Меланхоличный / Черночувствительный / Воспринимающий мир в черном цвете» (Karaduygun, 2012).

Но настоящую известность принесли С. Кайгусуз ее романы — «Молитвы, падающие на землю» (Yere Düşen Dualar, 2006), «Место на твоём лице» (Yüzünde Bir Yer, 2009) [4: 89–95], «Смех варвара» (Barbarın Kahkası, 2015) [5: 69–73], совершенно необычные в эстетико-поэтологическом плане, построенные на соединении несоединимого (реального и сверхъестественного, духовного и плотского, рационального и иррационального). Многие турецкие критики говорят о явно выраженной постмодернистской направленности творчества С. Кайгусуз [6; 8], с чем нельзя не согласиться.

Роман «Молитвы, падающие на землю» отличает постмодернистская поэтика: представление мира как текста, составленного из цитат культурной традиции Запада и Востока; пространственно-временные взаимопереходы; замена традиционных образов симуляционными знаками, которые распадаются на бесчисленное количество частей, в зависимости от найденных в них кодов и т. п. Роман построен так, что все в нем отражается и множится друг в друге. Он состоит из двух частей «Виноград» и «Золото», которые на первый взгляд совершенно не связаны между собой. В первой части от имени героини Лейлан, служащей муниципальной библиотеки на небольшом острове, где она живет с пьяницей отцом Кутси Караджа, рассказывается о нелегкой жизни девушки и об истории ее семьи. Прежде Кутси Караджа был парикмахером и имел на острове парикмахерскую лавку. Отец Кутси Энсар Караджа был известным борцом-пехливаном, который бросил семью и, уехав с острова, скитался по городам и весям. Его портрет висел в парикмахерской Кутси. Единственное, что борец сделал для своей семьи, так это подарил домочадцам хромого коня, дав ему странную кличку Кутси, аллюзивную на имя сына борца. Этот конь, по преданию, не принес семье счастье. Мать также бросила Кутси. Она уехала с острова вместе с его

братом-близнецом Мерджаном. Только через много лет, став моряком, брат Мерджан вернулся на остров. Он поселился в доме Кутси, когда тот уже женился на девушке из горных селений Эджмель. Между Мерджаном и Эджмель возникла любовная связь. Через некоторое время у Эджмель родилась дочь Лейлан. Соседи распускали слухи о том, что Кутси — не настоящий отец ребенка. Когда Лейлан было четырнадцать лет, Мерджан погиб в море по каким-то неизвестным обстоятельствам, но, как отмечает девушка, во многом из-за ее отца Кутси. После смерти Мерждана мать Лейлан сбежала с острова, и Лейлан с Кутси остались жить в хижине одни. Отец бросил работу в лавке и запил. Лейлан пыталась его вылечить винным виноградным зельем, о котором она прочитала в книге древнегреческого врача Галена. Но соседи считали, что она хотела отравить отца. Сюжетобразующая линия в этой части романа — это взаимоотношения Лейлан и ее отца, которого она называет то «тираном», то «братоубийцей», то «отчимом» [8]. Лейлан настолько погрязла в бесконечных ссорах и разговорах с отцом, что реальная жизнь потеряла для нее всякий смысл. Ей кажется, что ее настоящая жизнь заключена исключительно в книгах. Она не просто работает в библиотеке, но и собирает собственную библиотеку «Лодос» из тех книг, которые были забыты туристами на острове. Эти книги она складывает, классифицирует по жанрам, перечитывает. Иногда, если владелец книги приезжает на остров и забредает к ней в библиотеку, Лейлан беседует о книге с потерявшим ее хозяином и возвращает ему потерю. Со старинными книгами по медицине Лейлан связывает и спасение отца. У античных и средневековых врачей (Гален, Ибн Кыфты Усейбиа, Ибн Сина и др.) она находит рецепты лечения от пьянства, точно следует прописанным ими советам. Эта часть романа заканчивается разговором отца и дочери о том, что не только соседи, но уже и сам отец поверил в дурные намерения Лейлан относительно его самого, он спокойно ждет своей смерти от дочери.

Во второй части повествование ведется от третьего лица с редкими вкраплениями рассказов второстепенных действующих лиц (вор-цветочник, охотник Мануш, хозяин цирка), которые встречаются на пути главных героев — матери Эджмель и ее сына Йашура — во время их путешествия по невиданным заморским странам. Но впечатление, что это устный рассказ не исчезает, поскольку текст наполнен выражениями типа, «и вот ты представляешь», обращениями к читателю

«дорогой». Безымянный рассказчик своей личностью определяет всю структуру текста.

Во второй части на первый план выходят взаимоотношения матери и сына. Они уехали с выдуманного острова Соляной Ад вместе с отцом и конем по кличке Йашур. Как и в первой части, кличка коня отсылает к имени сына, создавая между животным и юношей аллюзивную связь. Отец, по-видимому, в прошлом был золотоискателем, поскольку в мешках у путешественников слитки с золотом. Отец по дороге умирает. Мать переодевается в одежду мужа, превратившись в гермафродита мужчинуженщину, продолжает путь с конем и сыном. Мать Эджмель говорит на странном островном языке — миригйельском, поэтому ее понимает только сын. Во время путешествия погибает конь, и мать дает имя коня сыну. Затем пути матери и сына расходятся, они теряют друг друга. Йашур добывает себе на жизнь тем, что участвует в состязаниях борцов-пехливанов и побеждает таких известных борцов округа, как Азап, Занко, Пхувус / Земляной человек. Но однажды его самого побеждает огромный богатырь Муло. Избитый почти до полусмерти Йашур оказывается спасенным матерью, которая его находит и выхаживает. В конце романа, в еще одном бою Йашуру удается победить Муло. Йашур и мать навсегда уходят из этих мест в неведомые края.

Две части романа совершенно разные. Одна — реалистическая история о семье Лейлан, вторая — фантастическое путешествие по нереальным морям и странам матери и сына. Но объединяет две части то, что обе истории не истории о жизни, а истории о тексте. Они представляют собой текстовые симуляции разных дискурсов: библейско-коранического (история братьев-близнецов Якуба/Йакуба и Исава/аль-Иса) [3: 134–136], древнегреческих книг по медицине, цыганского фольклора (легенды о Земляном человеке Пхувусе, о Короле туманов и его дочерях, об охотнике Мануше, чье имя в переводе с цыганского языка означает «люди», о падишахе цыган Занко и т. п.), которые налагаются друг на друга, входят между собой в особые интертекстуальные отношения и порождают некие новые смыслы, которые отличаются от первоначального значения цитируемых текстов. Впечатление дежавю (уже читанного, слышанного, виденного, воспроизводимого вторично в новом облике текста) обыгрывается в романе тем, что Лейлан видит, как «предметы превращаются в буквы» [9: 239], а мать Йашура Эджмель слышит, как «молитвы падают на землю» [9: 333].

Обе части объединяет фигура матери Эджмель. Но если в первой части она очень конкретна (это отрицательный образ распутной женщины, бросившей семью и убежавшей в погоне за лучшей жизнью), то во второй части — это положительный образ. Ее фигура теряет четкие очертания, размножается. Она превращается в гермафродита, мужчинуженщину, пытающегося защитить своего сына-подростка. В мужчинеженщине Эджмель начинает мерцать и Лейлан, также положившая свою жизнь на то, чтобы спасти близкого ей человека, отца. При этом Лейлан также теряет фигуративность и целостность. Девушка сама рассказывает о том, как она «смотрит в зеркало и видит перед собой разных Лейлан» [9: 142]. Разная Лейлан едина в своем желании защитить от злого мира отца.

Мерцают друг в друге образы борцов-пехливанов (деда Энсара Караджа и юноши Йашура), коней Кутси и Йашура. Автор романа идет и дальше. Фигуры героев не просто размножаются друг в друге, но и теряют антропоморфные очертания. Так мальчики-подростки Кутси и Йашур несут в себе признаки коней, имена которых они носят. Нечеловеческое, животное, темное постепенно выдвигается в героях на первый план и затмевает в них духовное начало.

Турецкие критики обращают внимание на использование писательницей в романе необычной лексики [6]. Это малоупотребительные в современной жизни слова (uğru/вор, ufunet/зловоние, abraş/пегий о лошади, bungan/скучный и т. п.) Это заимствованные слова из разных языков, включая несуществующий миригйельский. На последнем читает молитвы и говорит мать Эджмель, на цыганском общаются и рассказывают истории Пхувус и Занко. Проскальзывают даже китайские слова, например, рассказ Ватраша о двух противоположностях инь и ян.

Следующий роман С. Кайгусуз «Место на твоём лице» — это также роман о мире-тексте и текстовых трансформациях, о нефигуративности текстовых симулякров, размножающихся и переходящих один в другой, об игре слов. В романе нет четкого, динамично развивающего сюжета. Все поэтические средства направлены на то, чтобы создать симулятивный образ некой безмянной женщины-фотографа, которая бродит по Стамбулу и ищет среди людей бессмертного праведника Хызыра¹, о

¹ «Большинство толкователей и хронистов считают Хызыра / Хидра пророком, а некоторые еще и посланником. Порой его причисляют к ангелам. В народном исламе и суфизме Хидр — один из самых почитаемых святых (вали). Некоторые полагают, что Хидр (или ал-Хидр, ал-Хадир, Хизр, Хидрун), “Зеленый” — прозвище пророка, а его подлинное имя — Балйа, сын Малкана. “Зеленым” же его прозвали за то, что всякое

котором в детстве ей рассказывала бабушка Бесе. Но поскольку в романе все (внешний и внутренний мир, реальность и вымысел, святость и преступление) расположено на грани, на линии перехода друг в друга, поэтому и путешествие героини по городу может рассматриваться как внутреннее путешествие вглубь самой себя. Она повсюду во внешнем мире ищет Хызыра («он как чужак бродит среди нас» [10: 165], а он оказывается в ней самой, в ее собственной духовной сущности. Он неотделим от героини. Поэтому поиск Хызыра во внешнем мире оборачивается в романе поиском своего потерянного, разорванного внутреннего «я».

Сознание женщины расколото на «я» и «ты» [7]. «Я» рассказывает, задает вопросы, а «ты» молчит. В рассказах «я» реальность современного города переплетается с библейско-кораническими легендами и сказаниями (о пророках Мусе/Моисее, Ибрагиме/Аврааме и Сулеймане/Соломоне, о правоверном царе Зулкарнейне², о роге Азраила Исрафиля и др.), верованиями и сказками из анатолийской культурной традиции (о джиннах и пери, об инжировом дереве, пастухе Мунзуре и др.), создавая впечатление сплошного текстового пространства. Поэтому трудно определить, происходит то или иное событие с женщиной на самом деле или ей это только кажется. Показателен в этом плане центральный эпизод романа (встреча женщины-фотографа с праведником Хызыром), в котором в несколько измененном, травестийном ключе обыгрывается кораническая легенда о встрече пророка Мусы с Хызыром на «месте слияния двух морей» и о их совместном путешествии [1: 205–208; 2: 132; 3: 240–245]. Героиня, выступающая в двух ипостасях «ты» и «я» на ярмарке, устроенной в честь праздника Хыдыреллеза³ в стамбульском районе Ахыркапы, встречает танцора, которого принимает за Хызыра (у него, как и у Хызыра, отсутствует большой палец на руке). Героиня фотографирует заразительные танцы молодого мужчины, его прыжки место, куда он присядет (или где он пребывает), зеленеет (или окружено цветущей зеленью). С этим связано представление о Хидре как о покровителе плодородия» [3: 368].

² Считается, что Зюлькарнейн «был первым из двух — наряду с Сулейманом — правоверных царей, которым Всевышний даровал власть над миром. Он повелевал Востоком и Западом, за что и получил прозвище Зулкарнейн, Двурогий. Настоящее же его имя — Марзубан. Жил он в Египте и происходил из рода Йафиса (библ. Иафета) сына Нуха (библ. Ноя)» [3: 92]. «Некоторые считают Зулкарнейна только святым, угодным Богу человеком. Порой его причисляют к ангелам. Спорным остается распространенное в послекоранической традиции отождествление Зулкарнейна с Александром Македонским» [3: 345].

³ Праздник Хыдыреллеза — день Хызыр-Ильяса, первый день лета, празднуется с 6 по 8 мая.

через костер. Затем героиня и Хызыр гуляют по Стамбулу. В повествование влетают разные легенды. Например, легенда о том, как султан Сулейман Кануни, переодевшись в одежду бедняка, встретил в городе Хызыра в обличье молодого человека. Они сели в лодку. У Сулеймана с руки в воду соскользнул перстень. Хызыр легко вернул перстень владельцу, стоило ему только погрузить собственную руку в воду. Героиня задает танцору-Хызыру разные вопросы. Например, зачем Хызыр продырявил лодку бедного рыбака, на которой они переехали на другой берег Босфора: «“Что ты делаешь?” — спросила я. Хызыр изо всех сил ударил по лодке. Ничего мне не ответил. Как только лодка начала наполняться водой, он быстро с большой ловкостью выскочил на берег.

“Эта лодка очень хорошая. Если бы я ее не продырявил, ее бы очень скоро украли два бродяги”, — сказал он.

“Как это?” — спросила я, не сумев скрыть того, что я сбита с толку.

“Не задавай мне слишком много вопросов. Я это не сам решил”, — сказал он и продолжил свой путь» [10: 156].

Особое место в романе занимают сны героини на библейско-коранические темы. Здесь также граница между сном и реальностью стирается. Эти сны «я» пересказывает для «ты», словно все действующие лица ее снов являются людьми, хорошо знакомыми женщине, а она сама участвует в библейско-кораническом действе. «Я» без конца задает «ты» вопросы: «Помнишь, как это было? Из-за двери тогда раздался бас: “Ты кто?” “Я — Зюлькарнейн!”» [10: 63].

В снах героини практически дословно воспроизводятся библейско-коранические сюжеты. В этом плане интересны ее сны о строительстве Сулейманом храма в Иерусалиме, о необыкновенном троне Сулеймана и о львах, которые подставляли ему лапы, когда тот всходил на трон, о принятии Сулейманом даров от правительницы страны Сабейской Билкис, поклоняющейся солнцу. В снах в соответствии с кораническим текстом воспроизводятся знаменитые сцены обращения Билкис в истинную веру, например, то, как джинн Зикун обещает принести Сулейману трон Билкис: «Я принесу его тебе до того, как ты встанешь с места» [10: 118]. Или сны героини о Зюлькарнейне и его военных походах. Зюлькарнейн, завоевавший полмира, в поисках бессмертия отправляется вместе с Хызыром и огромной армией в страну Вечного мрака. Там он пытается найти источник с живой водой, но на него случайно набредает Хызыр. Ни о чем не подозревая, он утоляет жажду, совершает омовение и про-

должает путь.

Сны-видения переносят героиню по пространству библейско-коранического дискурса, текстуализируют ее образ. Возникают интертекстуальные связи библейско-коранических легенд с легендами других дискурсов (например, ближневосточных легенд о происхождении названия «инжир»). Контаминация разных дискурсов порождает многосмысловость образов. Так, подчеркивается противоречивость образа инжира. На древнееврейском (арамейском) языке инжир означает «высокое начало». Это «дух», «душа». Он является символом духовного знания. Но на персидском языке инжир несет в себе «низкое», телесное начало. Он означает «продырявливать»: плод инжира растет и разбухает, продырявливая листву. Плод напоминает сосок женской груди или мужской половой член, поэтому у персов считается постыдным есть плоды с этого дерева [10: 24–25]. Героиня видит сон, воспроизводящий библейскую легенду о том, что именно листьями инжирного дерева прикрывали в раю свою наготу Адам и Ева. А сын Господа Иисус разозлился на инжирное дерево (смоковницу). Он хотел вкусить его плодов, чтобы утолить жажду, но на дереве не обнаружил ни одного плода (видимо, это было не женское, а мужское дерево; инжир двупол) и проклял дерево.

Наложение цитатных кодов друг на друга придает им в некоторых случаях новое звучание. Например, мифология, связанная с инжирным деревом, максимально «приземляется», обрастает реалистическими чертами и начинает играть в жизни героини смыслообразующую роль. Дерево инжир, которое растет во дворе ее дома и является ровесником самой героини, — это ее друг и наставник. В самые тяжелые минуты жизни женщина обращается к нему за советом, находит поддержку и помощь в его кроне. Это дерево символизирует саму жизнь женщины и ее духовный мир, а также культуру Анатолии и всей Турции.

В постмодернистской поэтике С. Кайгусуз темное, телесное начало в человеке часто замещает собой светлое, духовное. Это в полной мере отражается в романе «Смех варвара», в котором на первый план выдвигается метафора неприятного запаха. Метафоричное изображение телесности, организующее все повествование, акцентирует внимание читателей на самых темных сторонах человеческого существования. Постояльцы прибрежного мотеля «Мави Кумру», люди приличные и интеллигентные, вдруг начинают ощущать запах мочи на всех предметах в мотеле (на полотенцах, подушках, скатертях, шезлонгах и т. п.) и

проводить расследование, кто может так зло издеваться над окружающими. Под подозрение попадают все отдыхающие, включая маленького мальчика Озана, увлекающегося подводной охотой, и пожилой аристократки Симин, постоянно что-то записывающей в тетрадь. Пристальное наблюдение друг за другом открывает весьма непристойное поведение каждого из проживающих в отеле: они ругаются, дерутся, кусаются, употребляют наркотики, совокупаются в извращенной форме и т. п. Создается впечатление, что всех этих с виду приличных людей специально собирают вместе, чтобы показать их истинную темную сущность и с помощью варварского, дикого смеха надо всеми ними посмеяться. Турецкая исследовательница Дж. Севинч рассматривает роман с точки зрения бахтинской теории карнавализации. Как пишет Дж. Севинч, «избегая монологического подхода в своем романе, С. Кайгусуз перетрясает установленные привычки относительно различных социальных и исторических установок, давая героям возможность представить различные части общества и их мировоззрения через диалогические отношения, установленные в карнавализованных рамках» [11: 229]. Через карнавальнй «варварский смех», согласно исследователю, писательница разрушает в романе всё монологическое, авторитарное и обязательное.

В заключение можно сказать, что постмодернистская поэтика романистики С. Кайгусуз строится на традиционных для постмодернизма принципах: текстуализация реальности, интертекстуальность, потеря фигуративности симулятивными образами, замещение высокого, духовного низким телесным началом. В цитации преобладают библейско-коранические сюжеты, вплетаемые в жизнь современной Турции.

Литература:

1. Гайнутдинова, А. Р. Истории пророков в Коране. — М., 2009. — 280 с.
2. Гайнутдинова, А. Р. Образы пророков в Коране. — М., 2002. — 160 с.
3. Ибрагим, Т. Мусульманская священная история. От Адама до Иисуса. Рассказы Корана о посланниках Божиих / Т. Ибрагим, Н. Е. Ефремова. — М., 1996. — 392 с.
4. Репенкова, М. М. Поэтика романа Семы Кайгусуз «Место на твоём лице» (2009) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — Вып. 7. — С. 89–95.
5. Репенкова, М. М. Творческая биография Семы Кайгусуз // Европа и Азия: на пересечении культур: материалы международной онлайн-конференции. — Орск, 2021. — С. 69–73.

6. Akkoyun, T. Yere Düşen Dualar // Cumhuriyet Kitap Eki. — Ocak 2007 // URL: <https://www.metiskitap.com/catalog/text/91718> (дата обращения: 23.04.2021).
7. Alpan, C. Sema Kaygusuz ile yeni romanı Yüzünde Bir Yer üzerine söyleşisinden bir bölüm / C. Alpan, S. Gümüş // Notos Edebiyat. Ekim-Kasım 2009 // URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
8. Aslankara 2009 – Aslankara M. Sadık. Romancılığımızda bir öykücü: Sema Kaygusuz. 10 Aralık 2009 // URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/romanciligimizda-bir-oykucu-sema-kaygusuz-104506> (дата обращения: 23.04.2021).
9. Kaygusuz, S. Yere Düşen Dualar. — İstanbul, 2006. — 335 s.
10. Kaygusuz, S. Yüzünde Bir Yer. — İstanbul, 2012. — 171 s.
11. Sevinç, C. Karnavalesk bir roman olarak barbarın kahrkahası // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi (The Journal of International Social Research). — 2016. — № 44. — S. 229–244.
12. Şarman, D. Sema Kaygusuz ve Yüzünde Bir Yer için düzeltilmiş notlar 2010 // URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2021).

Р. И. Сагдеева

Турецкая волшебная и бытовая сказка

Аннотация: Работа посвящена изучению турецких сказок, которое даже сегодня в современном мире важно и актуально, поскольку является способом получения целостной картины мировосприятия того или иного народа (в данном случае турецкого), выявления его культурных ценностей, особенностей его национального характера.

Ключевые слова: турецкий фольклор, турецкий сказочный эпос, турецкая волшебная сказка, турецкая бытовая сказка.

R. I. Sagdeeva

Turkish household tales and fairy tales

Abstract: This work is devoted to the study of Turkish fairy tales, which is important and relevant even today in the modern world, since it is a way to obtain a holistic picture of the worldview of a particular people (in this case, Turkish), to identify its cultural values and the features of its national character.

Key words: Turkish folklore, Turkish epics, Turkish fairy tales, Turkish household tales.

Сказка — древнейшая форма словесного творчества — всегда была самым популярным, самым демократическим видом искусства и по сей день доставляет человеку огромное эстетическое наслаждение. Среди литературных памятников древности турецкие сказки — обширный фольклорный материал, обладающий неповторимым своеобразием, — занимают особое место.

Мы привыкли считать, что сказки — развлечение для детей, неотъемлемая часть детства каждого человека из любого уголка нашего необъятного мира. Но изначально сказки рассказывались именно взрослым, были для них некоей психологической терапией, и именно поэтому в сказках отразилось мировоззрение того или иного народа, его принципы, культурные и этнографические особенности.

В XX в. отечественный фольклорист В. Я. Пропп в труде «Морфология волшебной сказки» объяснил, что все сказки похожи друг на друга и

имеют сходное строение, типовые сюжеты, определенные каноны, описал свои «...наблюдения о чрезвычайно тесном морфологическом родстве сказок...» [1: 126]. Действительно, волшебные сказки начинаются с нанесения какого-либо ущерба либо вреда (похищение, изгнание и т. п.) или с желания отыскать что-либо (царь посылает сына за жар-птицей) и развиваются через отправку героя из дома, встречу с дарителем, который дарит ему волшебное средство или помощника, при помощи которого предмет поисков находится. Отличия сказок состоят в основном в деталях, которые и формируют национальную картину мира того или иного народа.

В фольклорном наследии Турции сказки занимают особое место. Их сюжеты чрезвычайно разнообразны, несмотря на то, что набор персонажей каноничен и статичен. Турецким сказкам свойственен ряд специфических черт, однако они имеют много общего не только со сказками Ближнего Востока и Средней Азии, но и с произведениями стран Европы и России. Это объясняется тем, что территория современной Турции в разное время принадлежала разным государствам. Однако турецкая сказка, часто обладая сюжетным сходством со сказками другими народами, имеет национальную специфику, которая проявляется в местном, историческом и бытовом колорите, что выражено в композициях, характеристиках персонажей, своеобразии стиля и языка [2: 6].

Многообразие сюжетов сказок Турции объясняется и ее географическим положением (эта страна — «мост» между Европой и Азией, перекресток цивилизаций) и тесными контактами турок со славянскими народами (прежде всего с болгарами и сербами) и другими индоевропейскими народами, в частности с греками, албанцами и румынами.

Как в фольклоре всех народов, сказочный эпос турок включает в себя три типа сказок: сказки о животных, волшебные и бытовые (новеллистические) сказки.

Турецкая волшебная сказка развилась из мифологического дастана — эпического жанра в литературах и фольклоре Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Героями турецких волшебных сказок выступают как люди (падишах, шахзаде, дочь падишаха, хитрые женщины), так и сверхъестественные существа (пери, дэв, арап — чернокожий джинн, ведьма — джады, дракон — эждерха), т. е. в каждой сказке сталкиваются реальный и волшебный миры. По мере развития сюжета главному герою встречается помощник, часто животное, которое дарует ему

волшебный предмет — средство для победы над врагом и достижения цели.

В отличие от волшебной сказки, в которой центральное место занимают чудеса и превращения, бытовая сказка отражает повседневный народный быт, реальную действительность. Бытовые сказки, как правило, кратки, в центре сюжета обычно находится один эпизод, действие развивается быстро, нет повторения эпизодов, как, например, в волшебных сказках. События в бытовых сказках зачастую представляются нелепыми и смешными. Такие сказки имеют комическую и даже сатирическую направленность, они веселы и остроумны. Герои турецких бытовых сказок — обитатели реального мира: падишахи, эфенди, имамы, купцы, ремесленники, врачи, знахари, пастухи, дровосеки, крестьяне — весь турецкий народ, население старой Османской империи, где правили султаны (падишахи). В таких сказках действуют представители разных социальных групп, противопоставленных друг другу; нередко центральным вопросом в бытовых сказках является проблема бедности и богатства. Частые гости турецких бытовых сказок — глупцы и хитрецы, среди которых известный Кельоглан и Пахарь Мехмед-ага, Безбородый Кёсе и предприимчивые девушки. Разновидность бытовой сказки составляют народные анекдоты, в которых находят выражение жизненный опыт народа, его демократическое мироощущение, тонкий жизнерадостный юмор и ирония.

Таким образом, несмотря на то, что турецкие сказки часто обладают сюжетным сходством со сказками другими народами, они имеют национальную специфику, которая проявляется в местном, историческом и бытовом колорите, своеобразии стиля и языка. В турецкой сказке на первом плане стоит сюжет, фабула, само сказочное действие, а не декорации к нему, направленные на создание внешнего эффекта. Сказки Турции отличаются простотой и динамичностью действия, в них редко можно встретить вставные эпизоды и длинные описания. Но вместе с тем турецкой сказке свойственны поэтические описания женской красоты, порой грубое обязательное преувеличение, меткие пословицы и поговорки.

Литература:

1. Пропп, В. Я. Морфология сказки // Вопросы поэтики. — Вып. XII. — Л.: Academia, 1928. — 152 с.
2. Моллов, Р. Предисловие // Турецкие сказки. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — С. 3–8.

Г. С. Сахатова

О некоторых экспрессивно окрашенных глаголах (пере)движения в тюркских языках II

Аннотация: Статья имеет описательный характер и посвящена туркменским глаголам с основами на *tas-/daz-/tis* [в дальнейшем TAS-], передающим одновременно как способ протекания действия, так и испытываемое при этом эмоциональное состояние. Анализ их значений позволяет проследить мало изученные до сегодняшнего дня признаки генеалогических связей между тюркскими языками.

Ключевые слова: акциональность, модальность, экспрессивно окрашенные глаголы (пере)движения, туркменский язык, чувашский язык, якутский язык, тюркские языки.

G. S. Sakhatova

On some expressive motion verbs in Turkic languages II

Abstract: The paper is mainly descriptive and focuses on Turkmen verbs with the stems *tas-/daz-/tis* which convey both the way the action proceeds and the emotional state that one feels. An analysis of meanings and functions of these verbs allows to trace also the signs of genealogical links between the Turkic languages that have been understudied up to the present day.

Key words: actionality, modality, expressive motion verbs, Turkmen, Chuvash, Yakut, Turkic languages.

1. Глаголы с основами на *tas-/daz-/tis* в туркменском языке

Глаголы, о которых пойдет речь, по видам и способам (пере)движения, оцениваются как не соответствующие *норме*, так как несут в себе информацию о быстром (пере)движении и перемещении в пространстве, бегстве, во время которого издаются не только соответствующие неблагоприятные звуки, но и испытываются такие эмоции, как испуг, или раздраженность. В рамках данной статьи назовем их экспрессивно окрашенными глаголами, так как они описывают не только способ и

образ протекания действия, но и испытываемое при этом эмоциональное состояние. Долгота гласных как одна из фонологических особенностей туркменского языка обозначена знаком < : >; словарные статьи были взяты из словарей туркменского языка [Türkmen diliniň sözlügi 1962: 235; 254, 648; Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi 2016]¹:

1) ta:samak

а) ürküp aýak aldygyna gaçmak ‘испугаться и убежать/(по)бежать так, насколько позволяют ноги/что есть мочи/сильно/броситься наутёк’;

б) howlukmaç ýöremek ‘идти второпях/спеша/спешить’;

в) eýläk-beýläk ugunmak ‘бросаться/кидаться/ринуться в разные стороны’;

г) iki ýana howlukmaçlyk bilen çarpmak ‘метаться с сильной скоростью в разные стороны’;

д) а также в значении ‘витья в разные стороны, напр. о волосах’;

2) ta:satmak

а) ürküzüp aýak aldygyna gidermek/gaçurmak ‘напугать/спугнуть и сделать так, чтобы убежали, не чувствуя под собой ног’;

б) aýak aldığina/örän gaty sürmek ‘очень быстро водить’;

в) iki ýana galgatmak ‘сделать так, чтобы качались/вились в воздухе в разные стороны’;

3) daz ýasamak

а) örän çalt ýöremek ‘очень быстро идти/ходить’;

б) zowurdap/zabyrdap/wazlap gitmek ‘идти/передвигаться в очень сильной спешке’;

в) örän çalasyn hereket etmek ‘ходить/удаляться, делать быстрые (пере)движения’;

4) dazlamak

а) çalt ýöremek, sürmek/gaty-gaty ýöräp gitmek/tiz/çalt hereket etmek/çaruşur gitmek ‘быстро идти, ходить, водить/пройти или начать движение очень быстро, пройти мимо, уйти или удалиться быстрыми шагами/быстро (пере)двигаться/(пере)двигаться скачками’;

в) sesli, bat bilen zyňlyp gitmek/dazyrdaly ses çykarmak ‘с шумом, с большой скоростью (вы)броситься/испускать очень громкие звуки’;

5) ta:sanjyramak

а) eýläk-beýläk gaharlanan bolup, haýbatly tasamak/çalt hereket etmek ‘(пере)двигаться сердито/угрожающе/грозно/(очень) быстро в разные

¹ См. также онлайн словарь <http://enedilim.com/sozluk/soz/daz> (дата обращения: 5.10.2020).

стороны, туда и обратно’;

6) *tisginmek*

а) *duýdansızlikda birden gorkup hereket etmek* ‘начать движение вдруг/неожиданно/непредвиденно испугавшись/из-за внезапного страха/вздрагнуть, вздрагивать, напр. во время сна’.

Все перечисленные глаголы описывают динамическую ситуацию, при которой скорость (пере)движения в пространстве оценивается говорящим/наблюдающим как очень быстрая, стремительная или очень высокая; при этом быстрая скорость (пере)движения у глаголов *ta:samak* (1), *ta:satmak* (2) и *tisginmek* (6) вызвана испугом, эмоциональным состоянием, которое испытывается с внезапным ощущением опасности, возникающее по причине неожиданно наступившей ситуации [ср. 17: 1110–1111, лексема *ucnyz*].

Глаголы *daz ýasamak* (3) и *dazlamak* (4) описывают также высокую скорость (пере)движения живых существ, транспортных объектов, а также способность ускоряться, удаляться, испуская при этом определенные звуки, характерные быстрым и резким движениям. Наблюдающий подобную ситуацию со стороны оценивает ее как опасную по отношению к другим и к окружающему миру. Глагол *ta:sanjyramak* (5) также описывает способ передвижения, который также при наблюдении со стороны не одобряется окружающими и оценивается ими как неблагоприятный, местами угрожающий.

Что касается значения глагола *tisginmek* (6) отметим, что речь идет о резких движениях телом или отдельными частями тела, напр. со стороны спящего человека, вследствие чего наблюдающий предполагает или заключает, что он пугается или испугался во сне.

Однокоренные наречия, как а) *tasdan/tasdan* <внезапно, вдруг/неожиданно> или б) *destine* как наречия образа действия ‚*şol wagtyň özünde/şol bada, derrew, tiz, çalt, basym*‘ <сию минуту, немедленно, тут же, сейчас же, быстро> [*Türkmen diliniň sözlügi* 1962: 639–640] тесно связаны с семантикой перечисленных глаголов. Наряду с вышеперечисленными глаголами и наречиями, в туркменском языке имеется и, так называемое модальное слово *tas*, употребляемое для передачи значения неожиданного действия, которое (к счастью), не случилось, напр. *tas gidipdim* ‘я чуть было не ушел/пошел’.

Итак, если первые два глагола описывают ситуацию, при которой состояние испуга, появившееся в связи с внезапным наступлением опас-

ности, ведет к тому, что живое существо начинает (по)бег по причине наличия реальной угрозы, то последующие три глагола характеризуют обстоятельство, которое не соответствует *норме* (пере)движения людей, транспортных средств, или общим представлениям о том, каким должно быть *нормальное* (пере)движение; напр. в случае с глаголом *ta:sanjyramak* ‘быстро передвигаться (туда и обратно)’ отметим, что подобный способ (пере)движение представительниц женского пола оценивается окружающими как не дружелюбный, сердитый, суетливый, намеренно шумный и поэтому заметный и притягивающий внимание. Если в случаях с глаголами (1), (2) и (6) говорящий/наблюдающий с пониманием и сочувствием относиться к участнику событий, то в случае с глаголами (3), (4), (5), часто основываясь на аудио-визуальное восприятие, нередко и тактильные ощущения, а также представления о *норме*, говорящий/наблюдающий оценивает эти способы (пере)движения как *отклонение от нормы*, неблагоприятное (5), часто враждебное, или злонамеренное (3, 4).

2. Об этимологии основ на *тас-/дас-*

Вопрос этимологии основ на *тас-/дас-* интересовал многих исследователей. В этимологическом словаре тувинского языка Татаринцева [25: 103–105] отмечается, что основа *дас-* многозначна и является монгольским заимствованием, являясь усилительной частицей в значении ‘совсем, совершенно’. Автор, приводя примеры из различных тюркских языков, таких как крымско-татарский глагол *тасла-* ‘стремиться’, туркменские глаголы *та:са-* ‘нестись, мчаться (о животных)’, *дазла-* ‘нестись, мчаться’, отмечает, что основы *тас-/даз-* обозначают энергию, стремительность отмечает, что подобные качества, характеризуют, напр., самцов крупных животных; ср. в тофаларском языке *das* ‘сохатый, крупный/двухгодовалый лось’².

А. М. Щербак [40: 99], учитывая в хакасском языке лексему *тазын*, гагаузском и турецком языках *tosun* ‘трехлетний бычок’, *тос* ‘удар ногами’, причисляет к ним этимологически также и древне-тюркское *тосун* ‘упрямая, норовистая лошадь’, а также в значении ‘необузданный’; в словаре якутского языка Пекарского [18: 2588–2599; 2601–2602] имеется пример *тасылҕа кулун* ‘стремительный жеребенок’. В словаре Радлова

² С различными предположениями в отношении этимологии лексемы *тасма* Татаринцев отмечает наличие основы *тас в монгольских языках как *tasu*, которая является глагольным превербом. В связи с этим, *tasu* могло бы быть подобным превербом, так и именем, связанное с тюркским *тас*, *даза* < *таса <?> [25: 55–59].

[20: 915–917, РСл. III (1)] приводятся примеры из следующих тюркских языков, как *mäs* = *mäs* ‘скорый’ (осм., крымтат.), кирг. *тез* ‘скоро, вдруг, неожиданно’, (уйг.) *mäzik*, *mäzük* от *mäs+k* ‘скорый, быстрый’, и др. Отметим, что тут же имеется примечание о том, что *tas* является звукоподражательным словом для передачи ‘звука, перелома, щелчка’, напр. производные *тасырҗа* ‘звукоподражательный, издавать такой звук, будто что трескается’. В татарском языке значениям ‘рваться, стремиться к чему-либо’ соответствует комплексная конструкция *тасырдап тору*, а значение ‘очень быстро, живо’ передает лексема *тасырдап* [2: 611–612]. Если в караимском языке, лексема *тас*- имеет несколько значений, в том числе и значение ‘скакать галопом/переваливаться через край’ [8: 516], то в долганском языке лексема *тыас*- означает ‘гудеть, шуметь, греметь, звук, шум, грохот’ [1: 66, 72]³.

3. Аналитические конструкции для передачи быстроты действия в некоторых тюркских языках

Для выражения значения быстроты, внезапности, однократности, или силы действия в якутском, хакасском языках имеется аналитическая (многосоставная), активная глагольная конструкция на -А + *тус/-А* + *-/ түс*, где глагол *түс тус*- ‘падать, бросаться, спускаться’, выступает в служебной функции; часто встречается их сочетание с звукоподражательными глаголами или такими, которые обозначают световые явления: *күзүри түс* ‘грохнуть’, *чылтыри түс*, ‘блеснуть’, *пала сарбаңни түскен* ‘ребенок вздрогнул’, и т. д. [3: 243–244]⁴.

Т. А. Майсак [12: 126], анализируя пути грамматикализации глаголов движения в языках мира, отмечает, что в якутской глагольной конструкции *-ан таһыс*- речь идет о неожиданном и интенсивном возникновении и осуществлении ситуации, например, *аатыр-ан таһыс-та* ‘(он) неожиданно приобрел известность’, *улаат-ан таһыс*- ‘неожидано сильно возрасти’ [35: 76–77].

Глагол *тус*- в чувашском языке в значении ‘раскидываться, рассыпаться, разбегаться’, выступая в служебной функции указывает на то, что ‘действие происходит быстро/ускоренно’ [6: 239, 263; 32: 257–258].

³ Ср. многозначный глагол дезер/дес в одном из значений ‘убегать’ в тувинском языке, а также дазала ‘расставить ноги/раскорячиться’, Тыва-орус словарь 2008: 100, 102, 366, 117; Татаринцев 2002: 55–56 с предположением о возможной производной от глагольной основы *тас- ‘разделяться/отделяться’.

⁴ См. также 33; ср. 30: 285, 274, 278–279, 280–281, 282; 35: 100–102; авторы отмечают, что ряд аналитических форм вида в якутском языке, которые образованы при помощи служебных глаголов, таких как *тус*-, достиг высокой степени грамматикализации.

Полнозначный же глагол *тух-* ‘выходить, начинать, отправляться, трогаться’, будучи также в служебной функции, придает высказыванию значение внезапности, быстроты, неожиданности действия напр. *тухса ийк/тухсийк/тухса ук* ‘выпасть, вылететь’, ‘выпасть’, *тухса вёҗ-* ‘убежать, бежать стрелой’, *чупса тух* ‘выбежать, выскочить’ [7: 178–179; 37: 18–21, 22–25, 26; 11: 85–86].

4. Заключение: Грамматическая и модальная природа туркменских глаголов на *tas-/daz-/tis*

Итак, если для передачи информации о внезапности или скорости действия в выше приведенных тюркских языках глаголы *түс-/тус-/тус-/тух-* выступают в служебной функции в составе сложновербальных конструкций с целью передачи дополнительных как грамматических, так и семантических сведений о событии, то в туркменском языке TAS-глаголы не утратили свое основное лексическое значение, и будучи полнозначными глаголами способны указывать одновременно:

а) на мгновенное/внезапное начало (пере)движения (инхоативное значение);

б) на характер протекания, темп (пере)движения *быстрота/ускоренность* (акционсартовое значение);

в) на наличие соответствующих звуков при подобном способе (пере)движения (акустический компонент);

г) на образное описание (пере)движения, как *туда и обратно*, в *разные стороны*, *стремглав* и т. д. (визуальный образ);

д) на наличие модальных оценок, т. е. эмоциональных компонентов и состояний, как испуг, или сердитость / грозность / озлобленность / раздраженность и т. д., а также свойств как суетливость.

Что касается глагола *tisginmek* ‘вздрогнуть/вздрагивать, напр. во время сна/испугаться и поэтому вздрогнуть’, отметим также, что он описывает не только мгновенность начала протекания действия, но и его однократность.

Литература:

1. Аксенова, Е.Е. Словарь долганско-русский и русско-долганский / Е. Е. Аксенова, Н. П. Бельтюкова, Т. М. Кошеверова. — СПб., 1992. — 192 с.
2. Баязитова, Ф. С. и др. Большой диалектологический словарь татарского языка. — Казань, 2009. — 839 с.
3. Баскаков, Н. А. Хакасско-русский словарь / Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. — М., 1953. — 487 с.

4. Баскаков, Н. А. Грамматика туркменского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология / Н. А. Баскаков, М. Я. Хамзаев, Ч. Чарыяров. — Ашхабад, 1970. — 503 с.
5. Дыбо, А. В. Этимологический словарь тюркских языков. — Т. 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. — Ашхабад, 2013. — 616 с.
6. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964. — 355 с.
7. Егоров, В. Г. Глагол. Общее понятие о глаголе и основные глагольные формы // Егоров, В. Г. Материалы по грамматике современного чувашского языка. — Чебоксары, 1957. — С. 151–240.
8. Караимско-русско-польский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. — М., 1974. — 688 с.
9. Кузнецов, П. И. Аспект и акционал в турецком языке // Советская Тюркология. — № 3. — 1975. — С. 68–81.
10. Kuşasowa G., Geldimyradow A., Durdyýew H. Türkmen dilinin düsüründüslü sözlügi. Iki tomluk. — Aş., 2016.
11. Лебедев, Э. Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. — Чебоксары, 2016. — 163 с.
12. Майсак, Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: Дисс. ... канд. филол. наук. — М.: Филологический факультет МГУ, 2002. — 288 с.
13. Материалы по грамматике чувашского языка / Отв. ред. П. А. Андреев, И. П. Павлов. — Чебоксары, 1957. — 362 с.
14. Насилов, Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. — Л., 1989. — 207 с.
15. Недялков, В. П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л., 1987. — С. 180–195.
16. Невская, И. А. Таксис в тюркских языках / И. А. Невская, Д. М. Насилов, Х. Ф. Исакова // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. — М., 2009. — С. 750–803.
17. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ред. Ю. Д. Апресян. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2003. — 1488 с.
18. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка. — 2-е изд. — М., 1959. — Т. I. — 679 с. — Т. II. — 641 с. — Т. III. — 705 с.

19. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. — М., 2011. — 672 с.
20. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1905. — Т. 3. — Ч. 1. — 1260 с. — Ч. 1. 2/2. — 98 с. — Ч. 2. — 107 с.
21. Radloff, W. Versuch eines Wörterbuchs der Türk-Dialekte. Dritter Band. — 'S-Gravenhage: Mouton, 1960. — 635 с.
22. Русско-чувацкий словарь Скворцов М. И. (ред.): В 2 томах. — Т. 1: А-О. — Ч., 2012. — 638 с.
23. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на буквы 'В', 'Г' и 'Д'. — М., 1980. 395 с.
24. Сергеев, В. И. Морфология чувашского языка. Словоизменение, формоизменение, формообразование. — Ч., 2017. 400 с.
25. Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. — Том II. — Н., 2002. — 735 с.
26. Татевосов С.Г. Глагольные классы и типология акциональности. — М., 2015. — 517 с.
27. Тенишев, Э. Р. (ред.). Тувинско-русский словарь. — М., 1968. — 2200 с.
28. Тенишев, Э. Р., Благова, Г. Ф., Добродомов, И. Г. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — М., 2001. — 823 с.
29. Тенишев, Э. Р. (ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М., 1988. — 561 с.
30. Убрятова, Е. И. Грамматика современного якутского литературного языка. Том 1. Фонетика и морфология. — М., 1982. — 486 с.
31. Убрятова, Е. И. Язык норильских долган. — Н., 1985. — 216 с.
32. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. — В 2-х тт. Том 2. С-Я. — Ч., 1996. — 509 с.
33. Хакасский словарь онлайн. Грамматика. Глагол [Электронный ресурс]. URL: <http://sostik.info/gram-6/> (дата обращения: 20.09.2020).
34. Хамзаев, М. Я. (под ред.). Түркмен дилиниц сөзлүги. — А., 1962.
35. Харитонов, Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. — М.,-Л., 1960. — 179 с.
36. Чарьяров, Б., Алтаев С. Большой русско-туркменский словарь. — II том. — М., 1987. — 752 с.
37. Чернов, М. Ф. К вопросу о классификации сочетания слов (с глаголом тух) в чувашском языке // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. — Ч., 1977. — С. 16-41.

38. Скворцов, М. И. (ред.). Чувашско-русский словарь. 2-е изд., стереотип. М., 1985. — 712 с.
39. Чугуненкова, А. Н. Лексема тус ‚время‘ в темпоральной лексике хакасского языка // International Journal of Humanities and Natural Science, vol. 10-1. — С. 208–211.
40. Щербак, А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961. — С. 82–172.

Г. А. Серкина

**К вопросу о происхождении шаманского термина
«кам» и орнаментального мотива «ладонь»**

Аннотация: По мнению автора, существует тесная взаимосвязь между культом медведя, названием шамана у тюркоязычных народов «кам» и орнаментальным мотивом «ладонь».

Ключевые слова: культ медведя, шаман, кам, ладонь.

G. A. Serkina

**On the origin of the shamanic term “kam”
and the ornamental motif “palm”**

Abstract: According to the author, there is a close connection between the cult of the bear, the name of the shaman among Turkic-speaking peoples ‘kam’ and the ornamental motif of the ‘palm’.

Key words: cult of the bear, shaman, kam, palm.

Корни подавляющей части элементов современной культуры простираются в глубокую древность. Они присутствуют в нашей жизни в трансформированном виде, наполнившись иными смыслами и семантикой, которые далеки от породившей их первоначальной идеи. Пониманию какого-либо культурного феномена с многотысячелетней историей, установлению его первоначальной идеи могут поспособствовать опосредованные факты и косвенные признаки других феноменов. Как правило, подобные архаичные элементы в современной жизни могли сохраниться благодаря тому, что они были частью культа, игравшего очень важную роль в духовной жизни древнего человека.

К слову, интерпретация существующих в современной жизни архаичных элементов, которые, скорее всего, в древности являлись частью единого или схожих культов, имеет художественный оттенок. Причиной этого явления могло стать то, что культ со временем раздробился

на множество неравномерных осколков из-за множественных миграций или был утерян из-за изменившихся условий хозяйствования. Поэтому крайне трудно связать с древним культом какой-нибудь его сохранившийся осколок из-за их взаимной удаленности друг от друга во времени и в пространстве.

Если в современных реалиях индустриального и постиндустриального общества практически полностью утеряны смысловые характеристики и семантика большинства культурных феноменов, дошедших до нас из невообразимой глубины времен, то в обществах с архаизирующей культурой, длительное время существовавших в условиях относительной изоляции в силу природных условий, сохранилась древняя семантика проводившихся обрядов.

Таким жизненно важным культом в древности являлся культ медведя, если судить по тому факту, что он сохранился практически в первоизданном виде у народов восточной части Северной Евразии, для которых еще недавно был характерен охотничий уклад жизни. В глубокой древности культ медведя был широко распространен ввиду того, что он являлся идеологическим вектором древнего общества. Поэтому его следы подобно россыпи прослеживаются в фольклоре, искусстве и религиозно-магических представлениях большинства народов Северной Евразии и Северной Америки. В частности в декоре (предметы пермского звериного стиля, большая часть которых передает изображение зверя в жертвенной позе), в культовой ландшафтной архитектуре (медвежьи курганы в штате Висконсин), в шаманизме (наиболее ценной шаманской колотушкой являлась лапа медведя). По-видимому, многочисленные примеры использования в качестве оберегов или жертвенного приношения предметов в форме руки или ладони у народов Кавказа являются отголосками представлений о сакральном характере частей тела медведя, особенно, его лап. Такой же сакральный смысл, как у мусульманского талисмана-амулета «хамса» в форме ладони, скрывается в изображении ладоней на исламских молитвенных коврах.

Если попытаться реконструировать жизненные реалии древних охотников, то можно предположить, что фигура шамана находится в тесной взаимосвязи с культом этого зверя. Необходимость отправления культовых ритуалов — важных идеологических доминант древнего общества — породила профессиональную специализацию. Судя по этнографическим данным, главной профессиональной функцией шамана

являлось магическое обеспечение непрерывности процесса воспроизводства жизненного цикла в обществе — увеличение приплода скота, притягивание охотничьего фарта, рождение детей. Но на ранних стадиях медвежьего культа шаману в древнем обществе, возможно, отводилась несколько иная функция — быть просто жрецом-отправителем медвежьего культа. Об этом свидетельствует терминология, связанная не только с шаманизмом, но и религиозными воззрениями, которая до сих пор существует в языках народов на востоке Северной Евразии. Вполне вероятно, название шамана в тюркских языках «кам» связано с одним из древних имен зверя.

М. Соегов

**Об одном взгляде аспиранта акад. А. Н. Самойловича,
изложенном им в 1927 г. (и подтвержденном
в последующем разработками членов АН СССР
С. Е. Малова, А.Н. Кононова, Э.Р. Тенишева, а также
профессора И.В. Кормушина)**

Аннотация: Кратко прослеживается трансформация, наблюдаемая в использовании терминов «огузы» и «огузский язык» в отношении правителей Древнетюркского каганата и языка Орхонских надписей, начиная с 1927 г. и по 2020 г. включительно.

Ключевые слова: Древнетюркский каганат, Орхонские надписи, огузы, огузский язык.

M. Soyegov

**About one sight of the post-graduate student of academician
A.N. Samoylovich, stated by it in 1927 (and confirmed
in the subsequent the workings out of members Academy
of Sciences of USSR S. E. Malov, A. N. Kononov,
E. R. Tennishev, and also professor I. V. Kormushin)**

Abstract: Transformation in use of terms “Oguzs” and “Oguz language” concerning governors Ancient Turkic Kaganat and Orkhon inscriptions, since 1927 and for 2020 inclusive is short pursued.

Key words: Ancient Turkic Kaganat, Orkhon inscriptions, Oguzs, Oguz language.

Собственно речь идет о нескольких предложениях А. Кульмухамедова из его «Предисловия» к туркменскому дестану (народному роману) «Саят и Хемра», который подготовлен им же самим к печати и был выпущен арабской вязью Туркменским государственным издательством в 1927 г. в Ашхабаде (тогдашнем Полторацке) тиражом 5 тыс. экз. Общий

смысл этих предложений, которые приводятся в тексте нашей статьи полностью в переводе на русский язык, заключается в том, что, исходя из данных Орхонских надписей, Древнетюркский каганат считается государством тюрк-огузов (*Oguz kaganaty*). Выпускник Стамбульского университета Абдулхежим Кульмухаммедов (1885–1931) в конце 20-х годов XX столетия обучался в Ленинградском Восточном Институте имени А. С. Енукидзе и в последующем, поступив в его аспирантуру, подготовил кандидатскую диссертацию к защите под руководством академика А. Н. Самойловича. Но в результате насильственной смерти, постигшей его 12 июня 1931 г. на советско-иранской границе, не суждено было ему осуществить свои научные замыслы.

Крупный специалист в области изучения Орхонских памятников чл.-корр. АН СССР С. Е. Малов считал язык этих надписей огузским, хотя, на всякий случай, слово «огуз» брал, как и мы делаем здесь, в кавычки. Акад. А. Н. Кононов в своей древнетюркской грамматике оперировал сочетаниями: «огузско-уйгурский тип» языка и язык «чисто огузского (тюркютского) типа». Чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишев по этому поводу вслед за академиком писал: «первый письменный литературный язык — язык памятников рунического письма (руническое койне) сложился на огузской основе с уйгурскими и кыпчакскими включениями». Проф. И. В. Кормушин, подытоживая разработки своих учителей-предшественников, называл свою первую статью не иначе, как «Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера», а вторую — «Почему в классификации А. Н. Самойловича язык орхоно-енисейской письменности отнесен им к юго-восточной (уйгуро-карлукской), а не к юго-западной (огузской) группе тюркских языков?» (опубликованы в 2020 г.).

Н. А. Соколова, А. Д. Ягафарова

Об особенностях применения системы правил глоссирования к материалу тюркских языков

Аннотация: Поморфное глоссирование словоформ в лингвистических работах позволяет исследователям разных языков обращаться к работам друг друга и использовать их опыт. Глоссирование особенно ценно в общелингвистических, а также сравнительных исследованиях. Это справедливо и в отношении тюркологических исследований. В современной лингвистике широко распространена Лейпцигская система правил глоссирования, но применение данной системы к материалу тюркских языков сопряжено с рядом сложностей. Представляется важным разработать единую систему глосс, которую было бы удобно применять в исследованиях по тюркским языкам.

Ключевые слова: языкознание, морфология, Лейпцигская система глоссирования, тюркские языки, якутский язык, язык ДТРП.

N. A. Sokolova, A. D. Yagafarova

On applying the system of glossing rules to the material of the Turkic languages

Abstract: Pomorphic glossing of word forms in linguistic works allows researchers of different languages to use each other's work and share experience. Glossing is especially valuable in general linguistic and comparative studies. This is also true in relation to Türkological studies. In modern linguistics, the Leipzig system of glossing rules is widespread, but the application of this system to the material of the Turkic languages is fraught with a number of difficulties. It seems important to develop a unified glossing system that would be convenient to use in research on the Turkic languages.

Key words: linguistics, morphology, the Leipzig Glossing Rules, Turkic languages, the Yakut language, Old Turkic.

Настоящая статья посвящена не результатам научного исследования, а скорее вспомогательному инструменту лингвистики, достойному, как

представляется, отдельного внимания.

Трудно переоценить важность использования исследователями универсального общепринятого терминологического аппарата для представления результатов своей работы. Наличие такого общего семантического поля позволяет членам научного сообщества производить полноценный обмен опытом и знанием.

В лингвистических работах важным вспомогательным средством, которое позволяет сделать исследования, посвященные любому языку «читаемыми» и доступными для понимания коллег-языковедов, является поморфное (поморфемное) глоссирование¹. Глоссирование особенно ценно в общелингвистических, а также сравнительных исследованиях. Это справедливо и в отношении тюркологических исследований и позволяет тюркологам, занимающимся разными языками, работать в едином терминологическом пространстве.

Цель настоящей статьи — привлечь внимание коллег к этому методу и поделиться опытом применения Лейпцигской системы правил глоссирования к материалу тюркских языков.

Безусловно, поморфное деление словоформы в работах не является чем-то принципиально новым. Тем не менее, нам хотелось бы продемонстрировать удобство и наглядность использования именно Лейпцигской системы, а также поделиться нашим опытом разрешения некоторых трудностей, сопряженных с ее использованием.

Для начала рассмотрим вкратце основные принципы Лейпцигской системы и продемонстрируем, как она работает. Лейпцигская система была разработана отделением лингвистики Института эволюционной антропологии общества Макса Планка и кафедрой лингвистики Лейпцигского университета в середине 2000-х гг. [1].

1. Базовый принцип и достоинство системы — *наглядность*, которая облегчает восприятие примеров, в том числе на незнакомом языке. Разбор предполагает строчное размещение исходного текста, поморфный разбор и перевод, со строгим соответствием каждой лексемы ее переводу и каждой служебной морфемы — ее глоссе. Это позволяет также получить представление о порядке слов рассматриваемого языка. Для большей наглядности представляется интересным привести пример

---

¹ Глоссирование называют поморфемным, однако, если согласиться с тем утверждением, что морфема является инвентарной единицей языка, тогда как в речи присутствуют морфы, мы должны будем называть разбитие словоформы на морфы — поморфным глоссированием.

на эвенкийском языке, относящемся к тунгусо-манчжурской группе.

Эвенкийский язык:

Суксилла-в одя-вки-ла бэе-лэ сурусин-чэ-в.

Льжи-ACC делать-PTCP-LOC человек-LOC отправиться-PST-1SG

«Я отправился к человеку, который делает лыжи» [2: 134].

Этот пример позволяет исследователю наглядно продемонстрировать, что порядок слов в предложении совпадает с порядком слов в тюркском предложении, но что при этом падежная форма (в данном случае местный падеж — локатив) присоединяется и к определению, и к определяемому, выраженному в данном случае причастием, т. е. присутствует элемент согласования.

Система предлагает особый способ глоссирования показателей, совмещающих несколько категориальных значений — в таком случае глоссы нужных категорий располагаются через точку — нередкая ситуация в якутском языке, где есть неразделимые падежно-принадлежащие формы, а также в древних языках:

Якутский язык:

Дьон охсуһ-ар-ын курдук охсуһ-уом

Люди сражаться-SAF-POSS.3SG.ACC как сражаться-FUT.3SG

«Я буду сражаться, как все люди сражаются» [XC, 5].

Древнеуйгурский язык:

...pramanu-ǧu.a-lar-un sanar

пыль-DIM-PL-3SG.POSS.ACC считать-CONV

«...посчитав пылинки...» (Suv Vatec 13.01.13)

2. Еще один важный принцип — *универсальность* глосс, принятых для обозначения грамматических категорий. Таким образом происходит формирование того самого единого информационного пространства, где исследователи могут познакомиться с материалом абсолютно незнакомого языка, не обращаясь к грамматикам этого языка, им нет необхо-

димости вникать в особенности терминологического аппарата, принятого в данной области знания.

Это зачастую означает, что нам приходится использовать обозначения не совсем привычные для нас (так, например, коллегам или студентам-тюркологам может быть не совсем привычно называть винительный падеж — аккузативом, а понудительный (или как его еще называют «побудительный» — именно такой термин используют в грамматиках якутского языка) залог каузативом, повелительное наклонение — императивом и т. д.).

Якутский язык:

<i>Тыа-лар-ы</i>	<i>тыаһа-т-ар</i>	<i>тыал-салгын</i>
Лес-PL-ACC	шуметь-CAUS-SAF	ветер-ветерок

«Ветер-ветерок, заставляющий шуметь леса» [XC, 8].

Древнеуйгурский язык:

<i>...kentü-ni</i>	<i>ïcün</i>	<i>jarat-myš...</i>
сам-ACC	для	создавать-PTCP

«...созданный для самого себя...» [Hüen 1658].

Тем не менее, такая универсализация снимает трудности, возникающие при переходе с одной терминологии на другую.

При всех положительных чертах Лейпцигской системы применение ее к материалу тюркских языков сопряжено с рядом трудностей:

1. Мы столкнулись с некоторыми разночтениями в определении корректных глосс для падежей в разных тюркских языках, а также с необходимостью придумывать специальные глоссы для падежей в некоторых тюркских, а также в древних языках, где одна падежная форма сочетает в себе несколько значений (дательно-направительный, дательно-местный).

2. Необходимость унификации глосс для многочисленных сложных временных и видо-временных форм и других форм аспектуальности тюркских языков и турецкого языка в частности, включая такие, например, формы как: *-mlş olmak*, *-(A)r olmak*, *-(y)Ip durmak* и др.

В качестве примера приведем форму *-(A)r er-* из языка ДТРП

...çoƣaj_quz-i-n	qaraqum-уу	olur-ur_er-timiz...
Чогай_куз-3SG.POSS.ACC	Кара_Кум-ACC	жить-AART-PST.2PL

«...Мы заселили Чугай Куз и Кара-Кум...» [Т. 7].

Мы обозначили форму -(A)г ег- как AART, — имея в виду aktionsart, — т. е. указали на принадлежность формы к грамматической категории аспектуальности, передающей акционсартовое значение, однако вопрос о правомерности такого обозначения остается открытым. Например, не было бы лучше отразить в глоссе конкретный вид или акционсарт.

3. Выработка индивидуальных обозначений для форм категории номинализации действия. В общепринятой системе можно обнаружить глоссы для причастий и деепричастий, но тюркская категория глагольно-именных форм, как известно, значительно более разнообразна, она включает в том числе лексико-грамматические формы — обстоятельственные конструкции, такие как -diktan sonra, а также финитные формы с обстоятельственным значением. Например, не совсем понятно, как глоссировать форму турецкого языка -DI mI — «стоит только» так, чтобы отразить ее обстоятельственное значение [3: 173].

4. Отдельным вопросом стоит разработка способа глоссирования форм модальностей.

Столкнувшись с подобными трудностями, мы осознали, что применить имеющуюся систему правил глоссирования, не адаптируя ее к материалу тюркских языков, не представляется возможным, а посему поставили перед собой амбициозную цель: разработать единую систему глосс, которую было бы удобно применять для оформления примеров на тюркских языках. При этом нам кажется важным соблюсти несколько важных условий:

1. Система должна быть *понятна и применима* к материалу любого тюркского языка, при этом она *не должна быть ограничена* представлениями какой-то одной тюркологической школы, а должна оставлять простор для научной дискуссии. Так, например, она должна предполагать возможность использования разных глосс для турецкой морфемы -tak/-mek, которые позволили бы ее интерпретировать и как инфинитив, и как глагольное имя.

2. При разработке единой системы глосс для тюркских языков необходимо стремиться *обойтись без изобретения новых обозначений* и

использовать *общепринятые*, ввод новых глосс должен быть обоснован крайней необходимостью. Ситуации, требующие разработки новых дополнительных глосс и ввода их в обиход исследователей-тюркологов, представляют особую сложность. В каждом таком случае использование принципиально нового обозначения должно быть обоснованно.

Безусловно, подходить к этой цели имеет смысл поэтапно, разбив ее на ряд задач. В качестве первой, и наиболее простой, на наш взгляд, мы избрали универсализацию падежных глосс.

Падежные глоссы:			
GEN	(genitive)	родительный падеж	тур. -(n)In; древнейг. -(n)уṅ, -(n)inṅ
ACC	(acusative)	винительный падеж	тур. -(y)I; древнейг. -уṅ, -ig, -uṅ, -üṅ; -пу, -ni, в редких случаях -аṅ
DAT	(dative)	дательный падеж	тур. -(y)A; древнейг. -га, -gä, -qa, -kä, -ṅa, -ṅä
LOC	(locative)	местный падеж	тур.-DA; древнейг. -ta, -tä; -da, -dä
ABL	(ablative)	исходный падеж	тур. -DAn, древнейг. -tyn, -tin, -dyn, -din
INS	(instrumental)	инструментальный падеж	древнейг. -уṅ, -in, як. -(ы)нан
ALL	(allative)	направительный падеж	древнейг. -гаṅu, -gäṅü, -ṅaṅu, -ṅäṅü
COM	(comitative)	совместный падеж	(-*lan/ -lэ), як. -лыын
PTV	(partitive)	частный падеж	як. -гА, -дА, -лА, -нА
EQU	(equative)	уподобительный падеж (экватив)	тур. -СА
DATLOC	(dative-locative)	дательно-местный падеж	ДТРП (-га, -gä, -qa, -kä, -ṅa, -ṅä)
LOCABL	(locative-ablative)	местно-исходный падеж	ДТРП (-ta, -tä; -da, -dä)

Предлагаемые падежные глоссы охватывают падежи турецкого, якутского, а также языка ДТРП и древнейгурского языка и могут быть использованы исследователями для представления результатов своей работы, а также студентами в работах по языковедению.

Источники:

Hüen — Тугушева, Л. Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана. М., 1991. — 592 с.

Suv Vatec — Сутра «Золотой блеск» // <http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de/index.htm> (дата обращения: 26.09.2021).

Т — Памятник Тоньюкука // Малов, С. Е. Памятники древнетюркские письменности. — М.; Л., 1951. — С. 56–70.

ХС — Хотугу сулус. Саха уус-уран литературатын икки ыйга биирдэ тахсар альманаҕа. (Полярная звезда. Якутский художественно-литературный альманах выходящий один раз в два месяца) Якутской к.: САССР ГОСИЗДАТА ЯКУТСКАЙ, 1945. — 56 с.

Литература:

1. Лейпцигская система глоссирования // URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php> (дата обращения: 26.11.2021).
2. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. — М.; Л.: Наука, 1964. — 272 с.
3. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. — 320 с.

Л. В. Софронова

**К вопросу о тематической преемственности
в исторической романистике Турции (на примере
темы иттихадизма)**

Аннотация: В статье прослеживаются особенности художественного отражения исторических событий, связанных с правлением партии «Единение и прогресс», в романах Кемаля Тахира и Ахмеда Умита, написанных в разные исторические периоды. В центре внимания специфика авторской трактовки, степень историзма и субъективизма, документальности. Проводятся параллели между социально-исторической обстановкой в момент создания произведения и в описываемый период. Затрагивается проблематика выбранных романов и соотношение исторических личностей и вымышленных героев в их образной системе.

Ключевые слова: иттихадист, историзм, субъективизм, документализм, историческая личность, тематическая преемственность, социально-исторические обстоятельства, правда и вымысел.

L. V. Sofronova

**The thematic succession in the Turkish historical novels
(ittihadism)**

Abstract: In the report dealing with the novels of Turkish writers Kemal Tahir and Ahmet Umit written in different historical periods there are considered the specific features of literary interpretation of the historical events in the period, when “Union and Progress” party was ruling the country. The focus is on the degree of historicism, subjectivity, documentary. Parallels are drawn between the socio-historical situation at the time of the creation of the novels and in the described period. The problematic of the novels and the correlation of historical and fictional characters are dwelt on.

Key words: ittihadist, historicism, subjectivity, documentary, historical personality, thematic succession, socio-historical context, truth and fiction.

Одной из тем турецкой романистики, не теряющей своей актуальности по прошествии десятилетий с момента описываемых исторических событий, является правление партии «Единение и прогресс» (*İttihat ve Terakki*, 1908–1918) и дальнейшие судьбы ее членов — иттихадистов. Они выступали героями романов таких писателей, как Халиде Эдиб, Якуб Кадри, Решад Нури, написанных в первое десятилетие республиканской Турции по горячим следам событий, произведений Кемаля Тахира 60-х годов XX в., Селима Илери и Орхана Памука 80–90-х годов, Ахмета Алтана, Рехи Чамуроглу, Ахмета Умита начала XXI в. Интерес писателей к тем, кто был участником младотурецкой революции, вдохновленным прогрессивными идеями, а впоследствии оказался виновником поражения Османской империи в Первой мировой войне и ее краха, объясним и трагичностью многих судеб активистов, и непреходящей злободневностью проблемы нравственного выбора, и проводимыми историко-политическими параллелями.

В докладе рассматриваются характерные особенности исторического повествования в романах Кемаля Тахира «Усталый боец» (*Yorgun savaşçı*, 1965), «Закон волков» (*Kurt kanunu*, 1969) и в романе Ахмета Умита «Прощай, моя прекрасная родина!» (*Elveda güzel Vatanım*, 2015), прослеживается связь социально-политической обстановки в период написания романа с историческими обстоятельствами описываемого периода. Для исследуемых произведений характерно наличие в образной системе и вымышленных, и исторических лиц, отсылки к реальным историческим событиям и документам, но в то же время разная степень историзма и субъективности в отражении исторической действительности. Наличие цитат из подлинных документов не исключает субъективизма в их трактовке. В то время как Кемаль Тахир, прежде всего, стремился на историческом материале высказать свои воззрения на происходящее и исторические закономерности, в фокусе внимания Ахмета Умита находится формирование и становление личности вымышленного персонажа, главного героя романа, и его нравственный кризис. Через призму воспоминаний бывшего иттихадиста и привлеченные автором дневниковые записи первых лиц младотурецкого правительства освещаются историко-политические события эпохи и раскрываются причинно-следственные связи.

В романе «Усталый боец» Кемаля Тахира показана разнородность младотурецкого движения и в частности идейные разногласия между

полевыми командирами, рядовыми членами партии, и ее верхушкой с приближенными к ней, так называемыми 'fedailer', членами спецподразделений. Вследствие того, что действие происходит в период начала национально-освободительного движения логичным выходом из переживаний офицеров по поводу краха их идеалов и надежд, по мнению писателя, является участие в справедливой борьбе за независимость и освобождение Малой Азии от оккупации странами-членами Антанты. В то же время очерченная Кемалем Тахиром проблема отсутствия взаимопонимания между офицерством и народом, интеллигенцией и народом остается главным неразрешимым вопросом в повествовании и предметом споров иттихадистов. В «Законе волков» внимание писателя сосредоточено на взаимоотношениях 'fedailer' и их нравственном выборе в условиях участия в последней террористической операции по устранению Мустафы Кемалья Ататюрка в 1926 г. Главные герои этого романа имеют свои реальные прототипы, хотя в ряде суждений и оценок Кемаль Тахир весьма субъективен и стремится выразить собственные взгляды на историческое прошлое, не подкрепленные документально.

А. Р. Тазранова

Языковые средства, репрезентирующие понятие «смерть» в алтайском языке¹

Аннотация: В статье Рассматриваются фразеологические единицы, связанные с концептом «смерть» в алтайском языке.

Abstract: The report is devoted to phraseological units containing the lexeme *тын* and expressing the associative-figurative idea of the Altaians about the death of a person associated with the cessation of breathing.

Как известно, специфика каждого языка наиболее ярко выражается в его устойчивых сочетаниях, таких как фразеологизмы, паремии, пословицы, поговорки и т. д. Такие устойчивые единицы отражают элементы картины мира этноса.

Представления о жизни и смерти в мировоззрении алтайцев, как и у многих народов, были тесно связаны с представлениями о так называемой «душе».

В фразеологических единицах (ФЕ), где содержится лексема *тын*, выражается ассоциативно-образное представление алтайцев о смерти человека, связанное с прекращением дыхания. Лексема *тын* в алтайском языке имеет два значения: 1) 'душа; жизнь, способность жизни (дыхания, роста)'; 2) 'дыхание' [ОРС: 164].

В ФЕ *кызыл тыны үзүл* = (букв. красное дыхание=его обрывать-ся) 'умереть'; *кызыл тыны кыйыл* = (букв.: красное дыхание=его прерываться) 'умереть' — о смерти человека, которая наступила сама по себе. Для того чтобы избежать прямого именованя смерти человека, в алтайском языке широко используется такая речевая стратегия, как эвфемизация.

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)..

В следующих трех ФЕ со значением ‘убить’ имеется каузатор действия, который совершает убийство: *кызыл тынын кый* = (букв.: красное дыхание=его обрезать); *кызыл тынын божот* = ‘убить’ (букв.: красную душу выпустить); *кызыл тынына јет* = ‘убить’ (букв.: до красной души его добраться).

Лексема *тын* часто употребляется с эпитетом *кызыл*, где данная лексема обозначает красный цвет крови, является атрибутом жизненной силы, энергии: *кызыл тын* ‘жизнь’ (букв. красная душа / красное дыхание), *кызыл тын бойы* ‘собственно человек’ (букв.: сам с красной душой=своей / с красным дыханием=своим).

Появление подобных ФЕ в алтайском языке основано на мифологических представлениях о душе. В алтайской наивной картине мира душа человека представляется как жизненная сила, выраженная в дыхании и движении. По представлениям алтайцев душа имеет вид нити, или волосинки, очень тонкой и уязвимой. Вместилищем души обычно является область аорты. Когда аорта разрывается, то прекращается дыхание, наступает смерть, а душа улетает через горло или носовое отверстие.

Я. Ю. Дж. Хана
Н. Н. Телицин

Арабизмы в турецком языке

Наличие большого количества арабизмов в османском и позднее турецком языке объясняется, в первую очередь, активным взаимодействием арабской и турецкой культур, что обусловлено как географическим положением, так и историческими причинами. Взаимопроникновение лексики двух языков было зафиксировано достаточно рано. Так, период активного внедрения арабской лексики в османский язык связан с распространением ислама и периодом арабских завоеваний. На протяжении долгого времени арабский язык выступал как «лингва франка», объединяя различные народы на территории Халифата и вытесняя местные языки на второй план. При этом широко использовались заимствования, относящиеся не только к религиозной терминологии, но и к различным сферам жизни человека и общества: политике, экономике, культуре, повседневной жизни и т. п.

История формирования османского и турецкого языков включает несколько основных этапов:

XIII–XV вв. — староосманский, или староанатолийский тюркский;

XVI–XIX вв. — османский тюркский;

XX–XXI вв. — современный турецкий.

Семантическая структура заимствованной лексики часто подвергается изменениям: отдельные слова сохраняют первоначальную семантику, в то время как другие частично, а иногда полностью ее меняют. У некоторых заимствований можно наблюдать сужение или, наоборот, расширение первоначальных значений [1: 136–137].

Так, значительную группу арабских заимствований составляют лексемы, вошедшие в османский (турецкий) язык с сохранением исходных смыслов. Среди них:

Имена существительные	
ةَيَا	аят
ةَلَا	прибор
دَبَا	вечность, бесконечность

عَفَا	бедствие
نَاسِنُ	человек
بِسْأ	стиль
رَشَب	человечество
بِرْح	война
نَهْذ	разум
مُقَر	номер, число
Имена существительные в двойственном и множественном числах	
نَيَّوْبَا	родители
دَادَجَا	деды, предки
Масдар	
عَادِبِي	творение
لِاطِبِي	уничтожение
مَاهِتِي	обвинение
عَبَاجِي	ответ
عَامِتَجَا	собрание
مَارِتَجَا	уважение
لَامِتَحَا	возможность
مَاحِدْزَا	толпа, давка
لَالِقِتْسَا	независимость
فَاسَا	расточительность
خَيْرَات	история
عَيِّذَا	страдание
فَسَا	сожаление
عَاحَار	отдых
عَاجَر	просьба
قَزَر	хлеб насущный
عَوْشَر	взятка
نِشْرِي	наследство
Причастие	
يَتَا (в арабском يَتَا)	следующий

Имена прилагательные	
طَيِّبٌ	простой
رَخِيٌّ	другой
قَمَحٌ	глупый
رَيْقَاحٌ	омерзительный
يَمَارِحٌ	вор
Наречие:	
مَوْجِلًا	сегодня

Отдельную группу образуют арабские лексемы, вошедшие с изменением первоначальной семантики:

	Значение в турецком языке (язык-реципиент)	Значение в арабском языке (язык-донор)
Имена существительные		
ةروص	грозное лицо	изображение
ناونُع	пост, положение	адрес
ةيِنَمَأ	полицейский участок	безопасность
ةلَاخ	тетя со стороны отца	тетя со стороны матери
ةرُيَغ	терпение	ревность
Имена существительные во множественном числе		
فَاْحُتْ	продавец платков, носков и т. д.	дикивинки (мн. число)
Масдар		
رامثَسرا	колонизатор	эксплуатация
بَاهتلا	рана	воспаление
ظاقيا	обращать внимание	пробуждение
Причастие		
ةرَدَاب	странное, смешное	признак, предвестник
Служебные слова		
طَقْف	но, однако	только

Арабизмы, получившие распространение в османском (турецком) языке, можно также условно разделить на основные тематические группы: религиозная, политическая, экономическая лексика, животный мир и насекомые, бытовая лексика (орудия, домашняя утварь, одежда, пища, болезни, драгоценные камни, сооружения), наименования людей, родственников и прочая лексика.

Религиозная лексика	
هَلْإِ	божество
مَاطِلْإِ	вдохновение, внушение свыше
نَامِيْإِ	вера
مَامْإِ	имам
رِيْسَفَاتْ	толкование
رَاطِفْإِ	разговение
ةَروُسْ	сура, стих Корана
رِيْبِكَاَتْ	восхваление, произношение слов «Аллах велик»
دِيْحُوَتْ	единобожие
ةَوَالِيَتْ	чтение Корана
ةَيَزِيْجْ	налог
جَاحْ	паломничество
لَالْاحْ	разрешенный
ةَآيْرُوْجْ	гурия
ءَاعَادْ	молитва
بَّارْ	Господь
سِيْلِبْإِ	дьявол
نَّجْ	джинн
نَاطِيْشْ	шайтан

Политическая лексика	
بَالِقِنَا	переворот
سوساج	шпион
ةَآيْجِراخْ	внешняя (политика)
ةَلْوَدْ	страна

ةَسَايس	политика
ةَدَلَب	страна
ةَرَايس	посольство

Экономическая лексика

ةَرَجْأ	плата
ةَرَاچت	торговля
رَانِيْد	динар (денежная единица)

Животный мир и насекомые:

نَاوِيَح	животное
حَامِسْمَت	крокодил
تَارَشْح	насекомые
ةَفَارُز	жираф
بَرَقَع	скорпион
لِيْف	слон

Бытовая лексика

Орудия и домашняя утварь

ةَلْأ	прибор
زَاهِج	прибор
رِچْنَخ	кинжал
ةَعَّاس	часы
حَالِيْس	оружие
نَحْص	тарелка
قُوْدْنُص	ящик
قَبْط	блюдо
اَصْع	палка, посох
نَاچْنُف	чашка

Одежда

ةَبْبُج	дзубба (верхняя одежда)
ةَسْبَلْأ	одежда

ءَءَابَع	абайя (накидка)
ءَمَامَع	чалма
<i>Пища, плоды, растения</i>	
ءَرْمَث	плод
ءِوَلَح	сладости
لَدَرَح	горчица
نَاحُيَر	базилик
نَوْتِيَز	оливки, маслины
ءَبْرُوش	суп
قُتْسُف	фисташка
<i>Болезни</i>	
بَاهِتْلَا	воспаление
لَمْد	фурункул
مَغْلَب	мокрота
مَذُج	проказа
بَح	прыщ
ءِيْمَح	лихорадка
عَرَص	эпилепсия
ءَلَع	болезнь, недомогание
قُتَف	грыжа
جَالَع	лечение
رِيْسِكْإ	элексир
<i>Драгоценные камни</i>	
سَامْلَأ	алмаз
لَاتْسِيْرِكْ\رُوْلَب	хрусталь
رِهَءَوَج	драгоценные камни
دُرْمُز	изумруд
قِيْقَاع	агат
<i>Сооружения, строения</i>	
ءَانِب	строение
نَاكْد	лавка

مَامَح	баня
قَاقَز	улица
دَس	плотина
رُوس	стена
ةَرَجُح	комната
ةَحَاس	двор
مَرَح	священное место

Люди, родственники

صَاخُشْأ	люди
ءَادِعْأ	враги
ةَلِّئَاع	семья
ءَابِرْقْأ	родственники
نُّيْوَْبْأ	родители
دَادَجْأ	деды, предки
دَالُؤْأ	дети
دَج	дедушка

Служебная лексика:

أَرَكُشْ	спасибо
أَمَّيَاد	всегда

Анализируя грамматические формы арабизмов, вошедших в турецкий язык, можно выделить несколько наиболее частотных групп. Наибольшую категорию составляют масдары, причастия I породы и прилагательные, хотя можно также выделить и некоторые другие группы:

Масдар

<i>I порода</i>	
بِلَج	доставка
ةَسَامَح	воодушевление
ةَقَامَح	глупость

ةَيَامِح	защита
ةَرَايِز	визит
بَلَط	просьба
<i>II порода</i>	
دِيوَجَات	чтение Корана нараспев
رِيحَات	освобождение
مِيَسِقَات	разделение
رِيثَات	влияние
لِيَجَات	откладывание
رِيخَات	опоздание
لِيَدْبَات	замена
<i>IV порода</i>	
عَادِبِإ	создание
<i>V порода</i>	
فَسَات	сожаление
<i>VI порода</i>	
زُوجَات	превышение
عُضَاوَات	скромность
<i>VIII порода</i>	
مَاهَاتِإ	обвинение
عَامِتَجِإ	собрание
دَاهِتَجِإ	усердие
مَارِتَحِإ	уважение
لَامِتَحِإ	вероятность
<i>X порода</i>	
رَامِتِسِإ	колонизатор
رَابِخِتِسِإ	разведка
لَالِقِتِسِإ	независимость
Причастия I породы действ. залога	
لِهَاج	невежда
رِيءِاج	несправедливый

عماج	мечеть
ظفاح	хранитель
مكاح	правитель
قراخ	необычный
دشار	сознательный
نكاس	житель
رعاش	поэт
لماش	всеобъемлющий
قداص	искренний
فاص	чистый
عئاض	потерянный
دئاع	возвращающийся
Имена прилагательные	
میلح	кроткий
سيسخ	подлый
نشخ	жесткий
فيفخ	легкий
قيقر	изящный, нежный
هيفس	наглый
فييرظ	приятный, остроумный
قيتع	старый
ليلع	больной
Слова, образованные по модели превосходной степени	
سدقأ	священный
مدقأ	раньше, до этого
سفنأ	красивее, вкуснее
نوهأ	легче, полезнее
Лексемы с артиклем + ب	
قرخالاب	затем
ةصاخلاب	особенно
تاذلاب	личный

لَعْلَاب	действительно
عَلْبَاب	также
Двусоставные лексемы	
سَوَّانٌ عَوْسٌ suizan	плохо думать о к.-либо
سَفَانٌ عَزْرَعٌ izzetinefis	честь
رَبْخٌ وَمِلْعٌ ilmwhaber	личный документ
عَدَاغٌ وَقَوْفٌ fevkalade	ч.-либо необычное

Отдельного внимания заслуживает вопрос фонетических изменений заимствованной лексики. Так, среди наиболее частотных фонетических замен следует выделить:

В арабском языке	Воспроизводится в османском (турецком) языке	Примеры
ث	s	سَانِيَّةٌ saniye
ح	h	هَيَاتٌ hayat
خ	h	هَالَا hala
ذ	z	زَكَةٌ zeka
ص	s	سَادِكٌ sadik
ض	z, d	زَارٌ zarar, دَرْبَةٌ darbe
ط	t	تَابِيَةٌ tabiat
ظ	z	ظُلْمٌ zulum
ع в начале слова	произносится как хамза	عَمَلٌ amel
ع в конце слова	не произносится	عَدْبَةٌ ebda
غ	g	غَايَةٌ gaye
ق	k	قَائِكٌ akik
و	v	وَالَةٌ ilave
ة	произносится или как h с сукуном(или гласный) или как t	كِرْتَايِيَّةٌ kirtasiye عَاسٌ saat
Артикль لَ	сохраняется редко	مُؤَيَّلٌ أ، عَادُولٌ

«Говоря об особом статусе арабизмов в турецком языке, необходимо отметить, что западные заимствования имеют, как правило, абстрактный характер, что усугубляется их участием в словообразовательных процессах по законам заимствовавшего языка... Особенность же морфологической структуры арабизмов, связанная с возможностью выделения в них двух- или трехслогового корня, позволяет воспринимать арабские заимствования с учетом их внутренней мотивировки, а также обеспечивает вовлеченность арабизмов в такую важную составляющую процесса восприятия исходного речевого произведения в переводе, как этимолого-морфологический анализ лексических единиц, составляющих исходное речевое произведение» [2: 268].

Процесс адаптации заимствованной лексики представляет собой интересный материал для исследования и позволяет глубже понять характер и степень взаимовлияния народов и культур на почве политических, торговых, экономических или религиозных отношений.

Литература:

1. Денмухаметова, Э. Н. Арабские и персидские заимствования в синонимии тюркских языков // Научный Татарстан. — 2015. — № 2. — С. 135–139.
2. Штанов, А. В. Роль семантики арабского корня в прогнозировании элементов смыслового содержания исходного речевого произведения (в переводе с турецкого языка на русский) // Теория перевода и методика подготовки переводчиков: Тезисы докладов научно-практической конференции филологического направления Военного университета. — М.: Воен. ун-т, 1999. — С. 267–270.
3.

ةيكرتلا ةغلللا يف ةيبرعلا ظافلأل ام جمم .يقح ميهارببا خيش نبا ناباص ليهس
2005 ضايرللا

С. М. Терещенко

Соотношение мусульманского и светского права в Османской империи

Аннотация: Османская правовая система — важная составляющая империи, благодаря изучению которой можно проследить развитие османского государства, определить, как с течением времени менялись приоритеты и задачи правящей элиты. Изменения в праве — важная часть внутренней политики султанов. Доклад содержит попытку определить, в каком отношении находились кануны и мусульманское право в Османской империи, и описать особенности законодательства данного государства.

Ключевые слова: Османская империя, право, кануны, шариат, мусульманское право, история, востоковедение.

S. M. Tereshchenko

The correlation of Islamic and secular law in the Ottoman Empire

Abstract: The Ottoman legal system is an important component of the empire. Further study of this topic enables tracing the development of the Ottoman state and determining how the priorities and goals of the ruling elite had changed over time. Changes in law are an important part of the domestic politics of the sultans. The report contains an attempt to determine what relations were between the Muslim law and the kanuns in the Ottoman Empire, and to describe the distinctive features of the Muslim law of this state.

Key words: Ottoman Empire, legislation, kanun, sharia, Islamic law, history, oriental studies.

Законодательство Османской империи развивалось в двух самостоятельных направлениях — в рамках мусульманского права и в рамках светского законотворчества [5: 233]. Последнее получило название «правовой политики» султана и представляло собой совершенствование законодательства с помощью законов, принятых султанами, иногда основанных на местном обычном праве [8: 50].

В основе же законодательства османского государства лежит мусульманская правовая система, которая формировалась постепенно в

период становления ислама и получила дальнейшее развитие в разных мусульманских странах, что обеспечило ее уникальность для каждого государства [7: 335].

Мусульманское право, фикх, является составной частью шариата. Главные источники шариата — Коран и хадисы (рассказы о высказываниях и поступках Пророка Мухаммада и его сподвижников), а также иджма (согласованное мнение авторитетных богословов по религиозно-юридическим вопросам), фетвы (юридические и богословские заключения теологов), кияс (решение вопросов по аналогии) [9: 3-9].

Можно говорить о том, что Османская империя придерживалась ханафитского мазхаба [18: 589] (богословско-правовая школа, толк [14: 152]), как ранее и Сельджукиды. Ханафитская правовая школа использует преимущественно рациональные методы — кияс и иджму. Кроме того, ханафиты учитывают местные условия законодательства [17: 84–85], предусматривают применение адата (реалии правовой жизни, не отраженные шариатом [14: 13]). Французский востоковед А. Массэ называет ханафитский мазхаб самым либеральным из всех толков [11: 92]. Вышеперечисленные особенности обеспечили успешное развитие этой доктрины, а также позволили ее последователям решать правовые споры и вопросы достаточно свободно.

Термин «обычное право» (право орф, урф)¹ в рамках Османской империи впервые употребил историк Турсун-бей в XV в.; из его описания следует, что обычное право — право, которое развивалось наряду с шариатским на основе ферманов султана и его воли. Скорее всего, оно формировалось под влиянием уже существовавших обычаев и запретов и было необходимо для обеспечения нужд государства [7: 323–325, 329].

К моменту, когда османы создали свое государство, мусульманское право уже было достаточно сформировано. Наибольшее развитие оно получило в сфере частного права, в то время как отрасль «властных норм» оказалась менее развитой и утвердилась несколько позднее. По этой причине публичное право в мусульманском государстве чаще

¹ Необходимо уточнить использование последнего термина, который представляется не совсем удачным. Обычное право, согласно В. В. Бочарову [2: 16], — это неформальные общественные регуляторы, «неписанные законы», которые сложились в той или иной сфере деятельности и нормируют поведение людей. В данном случае речь идет непосредственно о правовой политике, которую сознательно проводили султаны и которая существовала, условно, вне религиозного права. Более корректным кажется использование термина «светское право, законодательство», «кануны».

всего регулировалось государственными актами, т. е. правовой политикой. Нередко существовал разрыв между правовой доктриной и реальной практикой применения правовых норм, что приводило к тому, что нормы шариата подменялись или дополнялись светским законодательством. В наибольшей мере такая практика касалась уголовного права, налоговой системы и организации государственного аппарата [16: 85, 96].

Именно в этих отраслях в Османской империи доля светских законов была достаточно высока. Кроме того, османы унаследовали богатую традицию государственности, которая восходит еще к Великому Тюркскому каганату, основанному в середине VI в., также они активно пользовались административным и политическим наследием сeldжуков и византийцев. Это привело к тому, что османское публичное право во многом сформировалось на основе канунов [7: 329, 335].

Налоговая система тоже была дополнена. Нередко была заимствована система налогообложения, существовавшая до османов, в том числе в Византии, в которую они ввели общемусульманскую терминологию. Также существовала практика сохранения старых налогов региона, когда отступления были незначительны — чаще всего, в Западной Анатолии и на Балканах [3: 45]. Во многих районах был также утвержден порядок землепользования, который существовал на момент включения этих территорий в империю и не всегда соответствовал шариату [6: 107–108].

Условно налоги можно разделить на две группы. Первая группа — шариатские налоги, рюсум-и шерие. Это зекят (налог в пользу нуждающихся мусульман), харадж (поземельный налог), джизья (подушная подать с иноверцев), ушр (или ашар, десятина) [14: 65, 74, 247, 273]. Во вторую группу входили налоги, не санкционированные шариатом, — налоги, которые вводились для покрытия расходов государства [3: 46] (например, чрезвычайный налог на военные расходы авариз-и дивание [20]).

Некоторые изменения относительно мусульманского права были введены и в уголовном законодательстве. Стоит отметить, что в шариате есть принцип тазир (ат-та'зир) — назидательное наказание за нарушение общественного порядка, которое налагается либо по приговору суда, либо по решению правителя [14: 221], который уже предполагает определенную свободу решений. Также в османской империи были

виды уголовного наказания, основанного на светском праве, чаще всего использовавшиеся для нужд государства — в XVI в. стало распространенным отбывать наказание на галерах, когда возникла нужда в гребцах; виновный в большинстве случаев должен был выплатить штраф государству и потерпевшему [13: 61–68]. Кроме того, наказания, утвержденные канунами, в целом были гораздо более суровыми, чем те, что предписывались мусульманским правом, в том числе наказания, восходящие к обычному праву (к примеру, «сжигание огнем», когда преступника запирали в доме, а дом поджигали. Это наказание продолжало существовать у османов вплоть до XVII в.) [4: 146]. Примечательно, что после XVI в., с ростом влияния шариата, некоторые законы были изменены в виду их несоответствия мусульманскому праву [7: 330, 333–334].

Семейно-брачные отношения в подавляющем большинстве регулировались шариатом [12: 314], в них сохранилось мало элементов от обычного права, но некоторые традиции остались (например, традиция выплаты калыма, или выкупа невесты [15: 100]). Можно отметить, что женщина получила более свободное право на развод — если раньше для получения развода у супруги должна была быть веская причина (плохое обращение, связь супруга с другой женщиной) [15: 275], то, согласно шариату, жена, к примеру, могла инициировать развод самостоятельно, без особых причин, при учете выплаты мужу компенсации (развод хулу) [9: 143].

В наследственном праве также преобладало мусульманское законодательство [12: 313–314]. Согласно обычаями древних тюрок отцовский дом чаще всего получает младший сын, а дети, которые уже ранее получили часть имущества родителей при вступлении в брак, не имели доли в наследстве; завещатель мог достаточно свободно распоряжаться своим имуществом [1: 276–279]. Шариат же четко определил систему наследования между всеми детьми завещателя; было также несколько ограничено право распределения наследства — завещатель мог распоряжаться только 1/3 своего имущества [9: 202–210, 220].

Итак, можно заключить, что светское законодательство использовалась в основном в сферах, в которых шариат был менее развит. Речь идет, прежде всего, об областях публичного права — доля светского законодательства в вопросах регулирования политической и административной структур государства выше, чем в области частного права,

которое полностью регулировалось шариатом [7: 335]. Кроме того, государство пользовалось своим законодательным правом, чтобы полностью обеспечивать свои нужды. Так как доходы с шариатских налогов не всегда покрывали расходы империи, вводились новые налоговые сборы, основанные на светском праве. Кануны присутствовали и в уголовном законодательстве, где во многом использовались суровые наказания для поддержания общественного порядка.

Многие европейцы отмечали определенные преимущества османской правовой системы — они говорили об ее эффективности, действительности и справедливости, а также о быстроте судебных разбирательств — несмотря на некоторую жестокость их решений [19: 69–70].

Светское законодательство не вступало в конфликт с мусульманским правом — две эти структуры находились в определенной гармонии, можно даже сказать, что кануны дополняли шариат в государстве. Прежде всего, об этом свидетельствует отсутствие отдельных судов для исполнения светского права. Шариат и кануны также рассматриваются и упоминаются вместе в сводах законов и отдельных распоряжениях XVI в. (к примеру, в законе санджака Эгрибоз от 1569 г. говорится о введении в нем налогообложения на основе «священного шариата и высокого закона») [7: 330–333].

На протяжении истории Османской империи мусульманское право и кануны пребывали в состоянии то единства, то борьбы, кроме прочего, олицетворяя собой борьбу за власть между представителями управленческой и судебной систем [7: 334]. Если во второй половине XV — первой половине XVI вв., в период расцвета Османской империи, светское законодательство активно развивалось, то со второй половины XVI в. и позднее, в условиях кризиса внутри страны, религия стала использоваться как средство сохранения единства империи, и влияние шариата возрастает [15: 96].

В 1107 г. х. (1696) было объявлено, что приговоры будут выноситься только на основании мусульманского права [7: 334], в то время как законотворческая деятельность султанов была формально прекращена еще в конце XVI в., когда канун-наме были заменены на адалет-наме. Задача последних заключалась в том, чтобы добиться соблюдения существующих законов, а не ввести новые [3: 51–52]. Более того, занимавший во время правления Сулеймана пост шейх-уль-ислама Эбуссуд-эфенди привел светское законодательство империи в соответствие

с законами шариата [18: 186–187]. После Сулеймана наблюдается определенное снижение активности светского правотворчества, растет значение мусульманского права [10: 9–11].

Подводя итог, можно отметить, что шариат лег в основу османской правовой системы, но султаны на протяжении многих лет вносили свои изменения в законодательство империи, удовлетворяя возникающие потребности государства. Мусульманская правовая система, усовершенствованная светским законодательством, успешно функционировала в Османской империи вплоть до реформ эпохи Танзимата.

Литература:

1. Арсал, С. М. Тюркская история и право — Казань: Фэн, 2002. — 411 с.
2. Бочаров, В. В. Неписанный закон: Антропология права. — СПб.: Восточный факультет СПбГУ; Изд-во РХГА, 2012. — 386 с.
3. Гасратян, М. А. Очерки истории Турции / М. А. Гасратян, С. Ф. Орешкова, Ю. А. Петросян. — М.: Наука, 1983. — 295 с.
4. Гордлевский, В. Государство Сельджукидов Малой Азии. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. — 199 с.
5. Григорьева, Т. В. Правовая система Османской империи в отечественной историографии и правоведении второй половины XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2009. — Т. 151. — Кн. 2. — Ч. 1. — С. 231–237.
6. Еремеев, Д. Е. История Турции в средние века и новое время / Д. Е. Еремеев, М. С. Мейер. — М.: Изд-во Московского университета, 1992. — 210 с.
7. Ихсаноглу, Э. История османского государства, общества и цивилизации. — М.: Восточная литература, 2006. — Т. 1. — 601 с.
8. Калманович, Д. В. Турецкая и западная историография о правовой системе Османской империи XVI в. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2011. — № 132. — С. 49–58.
9. Керимов, Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. — М.; СПб.: Диля, 2016. — 512 с.
10. Книга законов султана Селима I / Пер., коммент. А. С. Тверитиновой. — М.: Наука, 1969. — 158 с.
11. Массэ, А. Ислам. Очерки ислама. — М.: Изд-во восточной литературы, 1961. — 229 с.
12. Омельченко, О. А. Всеобщая история государства и права. — Изд. 3-е. — М.: Остожье, 2000. — Т. 1. — 339 с.

13. Петровский, А. В. Уголовное законодательство в средневековой Османской империи: взаимодействие шариата и светских нормативных актов // Юридическая мысль. — 2014. — № 3(83). — С. 59–68.
14. Прозоров, С. М. Ислам. Энциклопедический словарь / Ответственный ред. С. М. Прозоров. — М.: Наука, 1991. — 315 с.
15. Суворов, М. Н. Адат и шариат у мусульман Евразии: учебное пособие / М. Н. Суворов, З. А. Джандосова, Д. В. Уланова. — СПб.: СПбГУ, 2016. — 107 с.
16. Сюкияйнен, Л. Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. — М.: Наука, 1986. — 254 с.
17. Фомин, О. Е. Основные направления и школы мусульманского права (общая характеристика) // Вестник Международного юридического института. — 2019. — № 1(68). — С. 78–92.
18. Finkel, C. *Osman's dream. The story of the Ottoman empire.* — New York: Basic Books Publishing, 2006. — 834 p.
19. Peters, R. *Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the Sixteenth to the Twenty-First Century (Themes in Islamic Law).* — Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
20. Shaw, St. J. *Ottoman Empire* / St. J. Shaw, M. E. Yapp // *Encyclopedia Britannica*. 02.02.2021 // URL: <https://www.britannica.com/place/Ottoman-Empire/The-peak-of-Ottoman-power-1481-1566#ref4438> (дата обращения: 14.11.2021).

М. М. Токарева

**Основные причины и периодизация этапов
проникновения тюркизмов в русскую лексику**

М. М. Tokareva

**The main reasons and periodization of the stages of the
penetration of Turkisms into the Russian vocabulary)**

Диалекты

В обогащении лексики языков огромную роль играет их письменное и устное взаимовлияние. Устные связи между языками особо ярко осуществляются непосредственно через диалекты и говоры, которые являются источниками для литературного языка.

Тюркские заимствования на территории Средней Азии, территории чувашских народов, на территориях по нижнему течению Иртыша, среднего Урала подразделяются на следующие группы: названия элементов одежды, скотоводческие термины, названия денег, способы воспроизведения речи, строительная лексика, природа, названия блюд и напитков. Выявление групп тюркских элементов необходимо для определения возможных причин проникновения заимствований в русскую лексику.

Периодизация возможных этапов заимствования

С точки зрения российской историографии, ранние языковые контакты славян и тюркских племен можно отнести к V–VII вв. н. э.

1. I–VIII вв. н. э. — период до образования Древней Руси.
2. IX–XII вв. — период Киевской Руси.
3. XIII–XV вв. — период монгольского нашествия.
4. XVI–XIX вв. — период русской колонизации.
5. период после Октябрьской революции.

Принято считать, что интерес к тюркским языкам появляется в Древней Руси с XIII в., когда возрастает роль устных переводчиков (толмачей) во время монголо-тагарского нашествия, однако Х. Х. Махмудов указывает на то, что тюркизмы в русском языке берут свое начало в

древности.

Причины проникновения тюркских слов в лексику русского языка

Одним из ведущих условий, влияющих на язык, является совместное проживание и тесное взаимодействие носителей двух языков на одной территории — «билингвизм» или «двуязычие».

Двуязычие стало возникать в пору Ивана IV, вследствие взаимодействия русских и башкир. Была необходимость общения по нескольким причинам: торговля, политика и общественное взаимодействие между народами. Первые представители Московского царства нарочно изменяли свою речь, чтобы приблизить ее к той речи, которую допускали башкиры. Это привело к возникновению языковых русско-тюркских смесей, которые составили башкирско-русский жаргон.

Наиболее массовыми, в отличие от явления двуязычия, можно считать факторы торгово-экономического, политического и культурного взаимодействия носителей языков.

На протяжении всего исторического пути, от начала официальных отношений, и до настоящего момента Россия и Турция представляют собой два враждующих государства, заклятых врагов.

Стоит учесть несколько факторов:

– Турция и Россия — соседи. Споры о влиянии на территориях вполне естественны. Сфера интересов двух стран сталкивается, вызывая конфликт.

– Это два сильных государства. Обе страны нуждались в территориях и признании на мировом уровне, что вызывало активное соперничество.

Русско-турецкие войны были неизбежны из-за того, что и Россия, и Турция претендовали на «византийское наследство». Создание концепции «Москва — Третий Рим» привело к тому, что Россия выступала как «духовная» наследница Византии. Османская империя выступала как территориальная наследница, заняв земли бывшей Византийской империи.

В среднем, на каждые 22 года за период 1735–1914 гг. приходилось по одной русско-турецкой войне, длившейся не менее двух лет. Было значительно число военных с обеих сторон, которые участвовали в войнах по два раза за жизнь. Это дало начало процессу формирования между русским и турецким народом сходных черт социальной психологии и общественного сознания, переходящих из поколения в поколение.

Ряд некоторых общих тенденций в истории общественного бытия и сознания Турции и России:

1. Обе страны представляли собой многонациональные государства, в рамках которых происходит одновременное притяжение и отталкивание населения двух стран.

2. Главенствующая роль принадлежит представителям фамильного благородного сословия, выполняющего в обществе военную функцию.

3. Доминирующая роль религии и соответствующих институтов.

4. Понятие религии, вобравшей в себя культурные черты народа и отражающей в себе его менталитет.

5. Явление «европеизации» в XVIII–XIX вв., носившей лишь элитарный характер.

*Е. В. Тюнтешева,
О. Ю. Шагдурова*

«Жизнь» в языковой картине мира хакасов¹

Аннотация: Рассматривается отражение представлений хакасов о жизни через лексемы и устойчивые сочетания, репрезентирующие данное понятие. В хакасском языке отмечается связь понятия жизни с важными, с точки зрения этноса, аспектами существования человека.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, хакасский язык, языковая картина мира, лексика.

*E. V. Tyuntешеva,
O. Yu. Shagdurova*

“Life” in the language picture of the Khakass world

Abstract: The article considers the reflection of the Khakas ideas about life and stable combinations representing this concept. In the Khakass language, the connection of the concept of life with important aspects of human existence from the point of view of the ethnos is noted.

Key words: Turkic languages of Siberia, Khakass language, language picture of the world, lexis.

В хакасском языке понятие *жизнь* репрезентируется восемью существительными с общим значением ‘жизнь’ и рядом глаголов со значением ‘жить’. Они различаются семантикой и употреблением. Несмотря на схожесть данного круга лексем в тюркских языках Сибири и общность основного принципа их противопоставления, в разных языках наблюдаются различия в семантике и выборе лексем в качестве основных репрезентантов.

Используемые в хакасском языке существительные, глаголы и устой-

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

чивые сочетания с общим значением ‘жизнь’, ‘жить’ отражают представление этноса о необходимых составляющих нормальной жизни:

семья: *чурт паста*= ‘начинать семейную жизнь’; *чуртастаң хыйыс*= ‘не складываться (о личной жизни) (букв.: мимо жизни пройти)’ и др.;

достаток: *мөте*= ‘жить в достатке’, *мөтем* ‘хорошая, спокойная жизнь’ и глаголы, употребляющиеся в основном в отношении пожилых людей: *харбалаң*=, *порастан*= с вторичным значением ‘жить, существовать, перебиваться’ и др.;

высокая продолжительность жизни: *час чаза*= ‘прожить долгую жизнь до старости’, *час чазабасха* ‘рано умереть (букв.: возраст не прожить)’; *час чох кизи* ‘человек, которому не дано долго жить (букв.: без возраста человек)’ и др.

Понятие жизни в хакасском языке неразрывно связано с ее физиологическим проявлением: дыханием (*тын* ‘дыхание; жизнь’), движением (*чөр*= ‘ходить; жить’, *чөрим* ‘жизнь’) [1: 133], пространством, в котором пребывает человек (*чуртас* ‘жизнь’ < *чурта*= ‘жить’ < ‘стойбище, стоянка; жилище; жизнь’), со временем, ему отведенным (*күннен*= (< *күн* ‘день’) ‘день проживать, существовать’, *хон*= ‘ночевать; жить’; *хонох* ‘ночевка; сутки; жизнь’), с судьбой (представление о жизни как дороге-судьбе: *азырых чол* ‘сложный путь жизни (букв.: разветвленная дорога)’, *хатыг чол* ‘трудная, полная невзгод, испытаний жизнь (букв.: трудная дорога)’).

Литература:

1. Львова, Э. Л. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. — Новосибирск: Наука, 1989. — 243 с.

Э. В. Фомин

О сверхкратких реализациях глаголов в чувашской речи

Материалом настоящего исследования являются стяженные формы чувашских глаголов *кай* ‘идти’, *кил* ‘прийти’, *џи* ‘есть’, *пул* ‘быть’. Названные слова рассматриваются в системе спряжения глаголов настоящего времени, поскольку их предельная форма стяжения реализуется в указанной парадигме. Другие глаголы в чувашском языке подобную форму стяжения не имеют.

кай ‘идти’

SG1 *каятӑн / катӑн* → *каян* → *кан*

SG2 *каятӑн / катӑн* → *каян* → *кан*

SG3 *каять* → *кать*

PL1 *каятӑр / канӑр*

PL2 *каятӑр / кан(т)ӑр*

PL3 *каясӑӑ / кансӑӑ* → *кас*

кил ‘прийти’

SG1 *килетӑн / кетӑн* → *килен* → *кен*

SG2 *килетӑн / кетӑн* → *кетӑн* → *кен*

SG3 *килет* → *кет*

PL1 *килетӑр / кепӑр*

PL2 *килетӑр / кан(т)ӑр*

PL3 *килесӑӑ / кесӑӑ* → *кес*

џи ‘есть’

SG1 *џиетӑн / џетӑн* → *џиен / џиян* → *џан*

SG2 *џиетӑн / џетӑн / џатӑн* → *џан*

SG3 *џиет / џиять* → *џат*

PL1 *џиетӑр / џанӑр*

PL2 *џиетӑр / џан(т)ӑр*

PL3 *џиесӑӑ / џиясӑӑ / џасӑӑ* → *џас*

В последнем случае переход переднеязычных гласных в заднеязыч-

ные связан с существованием сингармонического варианта аффиксов настоящего времени и личных формантов (*-am / -em; -ǎn / -ǎn*) и регулярными случаями нарушения закона сингармонизма в словах с аффиксом аспекта возможности *-ай / -ей > -и* в верховом диалекте, например:

кул ‘смеяться’ + *-ай* POSSB / *-и* + *-ма* NEG + *-рă* SP + *-м* 1SG ‘(я) не смог посмеяться’, т. е. *кулаймарăм* = *кулимарăм*.

В стяженных формах наблюдается более сильная связь между морфемами, однако между ними сохраняются четкие границы, ср.:

каятăп = *кай* ‘идти’ IMPERABIF + *-am* PRES + *-ǎn* 1SG ‘пойду’

каяп = *кай* ‘идти’ *-а* PRES + *-n* 1SG ‘пойду’

кап = *ка-* ‘идти’ + *-а* PRES + *-n* 1SG ‘пойду’

Иначе выглядит спряжение глагола *пул* ‘быть’ — он не имеет сверхкратких форм в первом и втором лицах единственного числа, как это имеет место в случае с глаголами *кай*, *кил*, *çи*:

пул

SG1 *пулатăп* → *пулап* → ∅

SG2 *пулатăн* → *пулан* → ∅

SG3 *пулать* → *пать* → *-пăть / -пĕт*

PL1 *пулатпăр*

PL2 *пулат(т)ăр*

PL3 *пулаççĕ / пулаç* → *паççĕ – паç*

Более того, форма третьего лица настоящего времени глагола *пулать* начинает функционировать в качестве аффикса долженствования, присоединяемого к форме причастия будущего времени на *-ас / -ес*: *каяс пулать* ‘необходимо идти’ → *каяс пать* тж. → *каспăть* тж.

Аффикс *-пăть / -пĕт* семантически совпадает с аффиксом долженствования *-малла / -мелле*:

каймалла ‘необходимо пойти’ = *каяспăть*

килмелле ‘необходимо прийти’ = *килеспĕт*.

Представляется, что развитие сверхкратких форм ряда чувашских глаголов обусловлено их высокой частотностью. При стяжении в глагольных формах наблюдается регрессивная ассимиляция, предполагающая уподобление корневой гласной гласному звуку форманта настоящего времени (*çи* → *çияп* → *çап*).

Г. И. Халлиева

Российская тюркология и компаративистика

Аннотация: В статье рассматривается проблема Ренессанса и творчества Алишера Навои — на основании статей Н. И. Конрада и В. М. Жирмунского. Изучение эволюции взглядов российских ученых XX века — новый и актуальный вопрос современной компаративистики. Анализ научных исследований российских ученых открывает путь к решению целого комплекса историко-литературных проблем.

Ключевые слова: микрокомпаративистика, Алишер Навои, тюркология, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, Ренессанс, Восток, Запад.

G. I. Hallieva

Russian study of Turkic languages and comparative studies

Abstract: The article deals with the issue of Renaissance and creative work of Ali-Shir Nava'i on the basis of articles of N. I. Konrad and V. M. Zhirmunsky. Studying the development of views of Russian scientists of XX century is the current issue of the modern comparative studies. The analysis of researches of the Russian scientists allows solving a complex of historic and literary issues.

Key words: microcomparative studies, Ali-Shir Nava'i, study of Turkic languages, V. M. Zhirmunsky, N. I. Konrad.

Благодаря настойчивости и энтузиазму таких российских ученых, как А. Н. Самойлович, А. Н. Кононов, С. Н. Иванов, Е. Э. Бертельс, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, Г. Ф. Благова, И. В. Стеблева, Н. Н. Телицин, А. И. Пылев была проделана значительная научная и научно-организационная работа по изучению творчества классиков тюркского мира.

Объем изданных и нереализованных трудов по тюркской литературе свидетельствуют о сборе и анализе ценных сведений, имеющих важное значение для науки. Но до сих пор существует множество неизученных лагун в научно-исследовательской деятельности российских тюркологов.

Изучение эволюции взглядов российских ученых XX в. — новый и актуальный вопрос современной компаративистики. «Компаративистическая методология анализа научной реальности предполагает класси-

фикацию объектов сравнения по двум основным признакам масштабности. На уровне микрокомпаративистики предметом сравнения могут быть тексты отдельных ученых (с точки зрения эволюции взглядов); тексты разных ученых для прояснения их взглядов на одну и ту же проблему. На уровне макрокомпаративистики сравниваются концепция школ и направлений науки» [7: 21–27].

В современной литературе определяется четыре типичных ситуации сравнительного анализа: сравнение явлений в одном пространстве и времени (1), в одной и той же среде, очень схожих ситуациях, но в разное время (2), в одно время, но существующих в разных средах и пространствах (3), сравнение явлений разных сред, пространств и времен [4: 31–32].

На примере научных взглядов ученых одного пространства и времени мы ограничимся анализом сравнений взглядов на одну и ту же проблему: проблему Ренессанса и творчества Алишера Навои — великого мыслителя Востока [3; 6].

В. М. Жирмунский (1891–1971) и Н. И. Конрад (1891–1970) — известные «титаны» российской науки, чьи труды объективно способствовали росту изучения истории и литературы народов Востока, а также развитию компаративистических методов исследования. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур занимали значительное место в их научных интересах.

По своим методологическим взглядам В. М. Жирмунский, несомненно, близок Н. И. Конраду, но в отношении анализа вышестоящей проблемы их мнения различаются. В некоторых случаях встречаются столкновение парадигм.

Широта взглядов В. М. Жирмунского при анализе позволила сделать вывод о том, что грандиозная фигура Алишера Навои не изолирована в мировой литературе. Творчество великого основоположника узбекской литературы непосредственно перекликается с передовыми идеями его западных единомышленников — поэтов и мыслителей эпохи Ренессанса [3].

Н. И. Конрад, будучи сторонником комплексного востоковедения, считал, что Навои принадлежит огромному, столь разнообразному миру, поэт у которого герои — кто угодно: Фархад — китаец, Шапур — перс, Ширин — армянка, Кайс — араб. Весьма любопытно, что герои поэта описывают свои прелести сами. Ученый отмечает: «Мне хотелось, чтобы Навои не только читали, не только изучали, но и про-

сто читали. Читали как поэта нужного нам сейчас, в нашей теперешней жизни. Скажем великое спасибо узбекскому народу, принесшему нам в дар такого поэта» [6].

Вопрос восточного и западного Ренессанса весьма широк и имеет множество точек зрения. Выводы В. М. Жирмунского утверждают некую зависимость Востока от Запада. Н. И. Конрад поддерживает идею Восточного Ренессанса и более склонен к духовному наследию Навои. В. В. Бартольд считает, что на Востоке заимствование касалось только науки, но не культуры в целом, так как имелись собственные традиции широкой образованности и эстетического развития [1: 618]. Как отмечает А. А. Гаджиев, не античность делала художников ренессансными, а их ренессантность побуждала обращаться к античности [2: 4].

Анализ научных исследований российских ученых в рамках микро-компаративистики открывает путь к решению целого комплекса историко-литературных проблем. Появляется возможность более углубленного и точного проникновения в коренную специфику их взглядов на схожие проблемы. По мнению Н. И. Конрада, «сравнительные этюды важны даже не для целей сравнительного литературоведения, а именно для истории национальной литературы» [5: 299].

Литература:

1. Бартольд, В. В. Сочинения. — Т. VI. — Ученые мусульманского Ренессанса. — М.: Наука, 1966.
2. Гаджиев, А. А. Ренессанс и поэзия Низами Гянджеви. — Баку: Элм, 1980.
3. Жирмунский, В. М. Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока // Сравнительное литературоведение. — Л.: Наука, 1979. — С. 174–185.
4. Кокорин, А. А. Сравнительный анализ: Теория, методология, методика. — М., 2009. — С. 31–32.
5. Конрад, Н. И. Неопубликованные работы Письма. — М.: РОССПЭН, 1996. — С. 299.
6. Конрад, Н. И. Средневосточное возрождение и Алишер Навои // Литература и театр. — М.: Наука, 1978. — С. 90–104.
7. Котенко, В. П. Компаративистика — новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки // Библиосфера. — № 3. — 2007. — С. 21–27.

А. Н. Чугунецова

Концепт от ‘огонь’ в языковой картине мира хакасов и тувинцев²

Концепт ‘огонь’ как фрагмент языковой картины мира того или иного народа вызывает большой интерес у многих исследователей [1; 2].

Слово *от* ‘огонь’ в хакасском и тувинском языках «является обязательным элементом целого ряда дескриптивных языковых единиц» [1: 38], к которым относятся: хак. *от чарыгы/чариш* ‘свет от огня’, *от пазы* ‘почетное место в юрте (букв. огня изголовье)’, *от соо* ‘непочетное место в юрте (букв. огня хвост)’, *от огы* ‘жар огня’, *чүрек оды* ‘сердечный огонь’, *харах оды* ‘зрение’, *алачых от* этн. ‘свадебный костер’, *от и чези/ инези* ‘этно. покровительница огня’ (ХРС, 317), тув. *от адаа* ‘низ огня’, *от дагыкчызы* ‘шаман’, *от орну* ‘очаг огня’, *чадагай от* ‘костёр’, *караамның оду* ‘искра глаз’ (ТСТЯ, 473–474).

Выделяются и качественные признаки концепта, которые выражаются различными адъективами: хак. *улуг* ‘большой’, *чарых* ‘яркий’, тув. *чаалбыыштыг* ‘пламенный’ и др. Сочетается с глаголами хак. *көйгерге* ‘гореть’, *көглөнерге* ‘разгораться (об огне)»; тув. *өрттенир* ‘гореть’, например, *заг. Чазыда от көйчө (пүүр харагы)* ‘В степи горит огонь (волчьих глаза)’ (ХРС, 195); *От көглөнчө* ‘Огонь разгорается’ (ХРС, 191).

Материалы устного народного творчества позволили выделить разные когнитивные признаки концепта от ‘огонь’, например, *характер человека*: хак. *От осхас табырах, отха тастаан сиир осхас* погов. ‘Вспыльчив как огонь, словно сухожилие, брошенное в огонь’ (ХРС, 317); *опасность, которая никому не подвластна*: хак. *Сугнаң, отнаң ой-наба* (МС, 82) ‘С водой, огнем не шути (не играй)»; тув. *Чартанчыдан өрт унер, Чаашыдан уер унер* ‘От искры пожар, от дождя наводнение»; *Хаг одундан халап унер, Каткы сөстөн хог унер* ‘Из искры пожар, из насмешки – сплетни»; *угроза, раздор между людьми: от сугарга* а) поджечь что-либо, соотв. пустить красного петуха (букв. огонь вложить); б) натравливать кого-либо друг на друга (ХРС, 317) и др.

Издrevле хакасы и тувинцы, как и многие народы, в той или иной

² Необходимо е религиозного права. Более корректным кажется использование термина «светское право, законодательство», «кануны».

форме проводили обряд поклонения огню, который нашел отражение в языке: хак. *отха тастирга* ‘кормить покровительницу огня (бросая в огонь кусочки пищи или брызгая вином в огонь)’ (ТСХЯ, 417); *отха пазырарга* ‘поклоняться огню’ (ХРС, 338); тув. *от дагыыр* ‘проводить священный обряд огня’ (ТСТЯ, 474).

Список сокращений:

МС — Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц, поговорок и загадок / Сост. У. Н. Курбижекова, перевод с хакасского Я. А. Козловского. — Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1968. — 99 с.

ТСТЯ — Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д. А. Монгуша. — Новосибирск: Наука, 2011. — 798 с. (Т. II: К–С).

ТСХЯ — Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдыгылыг сөстiгі. Более 5000 слов. — Т. 1. А–П. — Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова. — 608 с.

ХРС — Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / О. В. Субракова. — Новосибирск: Наука, 2006. — 1114 с.

тув. — тувинский язык;

хак. — хакасский язык.

Литература:

1. Башиева, С. К. Концепт огонь как фрагмент этнической картины мира / С. К. Башиева, М. Б. Кетенчиев // Cuadernos de Rusística Española. — 2014. — Т. 10. — С. 37–44.
2. Трофимова, А. В. Концепт «огонь» в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2005. — 28 с.

Н. Ш. Шаммаева

Образные основы фразеологических единиц туркменского языка

Аннотация: Образность фразеологических единиц является основным источником создания эмотивно-оценочного, экспрессивного, функционально-стилистического компонентов коннотации. Семантика прототипа, т. е. значение переменного словосочетания, к которому восходит ФЕ, является основным источником создания положительной, отрицательной или нейтральной эмотивности у фразеологизмов.

Ключевые слова: образность фразеологических единиц, компоненты коннотации, семантический критерий, эмотивно-оценочный, экспрессивный, функционально-стилистический.

N. Sh. Shammaeva

Imagery bases of Turkmen phraseological units

Abstract: The imagery of phraseological units is the main source of the creation of emotive-evaluative, expressive, functional-stylistic components of the connotation. The semantics of prototype i.e. the meaning of a variable phrase, to which phraseological unit ascends, is the main source of creating a positive, negative or neutral emotiveness in phraseological units.

Key words: figurativeness of phraseological units, components of connotation, semantic criterion, emotive-evaluative, expressive, functional-stylistic.

I. Основным источником создания эмотивно-оценочного, экспрессивного, функционально-стилистического компонентов коннотации является образность фразеологических единиц.

II. Компонентный состав фразеологических единиц показывает, что эмотивно-оценочная, экспрессивная сема лексем, составляющих ФЕ, как правило, влечет за собой наличие эмотивно оценочных и экспрессивных сем в значении всего фразеологизма. Компонентный фактор учитывает стилиобразующие возможности компонентов ФЕ.

III. Семантический критерий является важным показателем при определении эмоционально-оценочного, экспрессивного и функцио-

нально-стилистического компонентов коннотации фразеологического значения. Естественно, семантика прототипа, т. е. значение переменного словосочетания, к которому восходит ФЕ, является основным источником создания положительной, отрицательной или нейтральной эмотивности у фразеологизмов.

Эмоциональная сторона фразеологической единицы как знака — явление производное. Она в основном зависит от образного содержания фразеологических единиц. Большинство ФЕ по происхождению — это застывшие народные метафоры, сравнения, метонимии, части пословиц и поговорок. В основе образных представлений лежат факты из жизни и бытия, явления природы, человек, его поведение, окружающая его действительность во всех ее проявлениях.

Подходы к определению образности самые разнообразны. Например, А. В. Прошин под типами экспрессии имеет в виду различные типы образности. *Ортодоксальный тип* образности — это такое обозначение, которое через конкретный образ мотивирует отвлеченное понятие или которое представляет конкретное понятие в расшифрованном виде.

Образность *экстраординарности* возникает как результат необычного построения самого образа ФЕ (сочетание несовместимых понятий) или как следствие необычной соотнесенности первичного семантического плана со значением фразеологизма.

Фамильярная образность — такой характер выражений того или иного содержания, в котором, с точки зрения принятой речевой культуры, усматривают проявления неэтичных характеристик; бесцеремонность, развязность, непочтительность, насмешку.

Вульгарная образность вызывает откровенно грубые и даже неприличные картины. Значительную часть фразеологизмов, несущих вульгарную образность, составляют нецензурные выражения со словарной пометой «табу» [8: 74].

Во фразеологии образ традиционно рассматривается как лингвистическая сущность [5; 4]. Лингвистический образ понимается как совмещенное видение двух картин, как созданное средствами языка двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через другой.

Образность базируется на столкновении двух смысловых планов — значения фразеологической единицы и значения его переменного

прототипа.

Рассмотренные суждения об образности объединяются тем, что они признают, что образность несет в себе определенную семантическую нагрузку. Во фразеологическом значении «определенная семантическая нагрузка» расшифровывается как эмотивно-оценочная, экспрессивная, функционально-стилистическая сема или компоненты коннотативного аспекта значения.

Образность основывается на таких стилистических приемах, как метафора, метонимия, сравнение, гипербола и др.

«Приемами, основанными на совмещенном видении двух картин», считает А. Л. Коралова являются метафора, метонимия, сравнения и другие способы создания [4: 11]. Отношение совмещения двух картин наблюдается в метафоре и метонимии, а отношение сопоставления — в сравнении. Метонимия как бы подмечает то, что лежит на поверхности, они более предсказуема и легче узнается, чем метафора. Большая насыщенность метафорического образа по сравнению с метонимическим делает его намного активнее в сфере фразеологической номинации.

Процесс создания фразеологической образности характеризуется типологической общностью. Образность создается по единой схеме: объект — образ — основа — маркер. Но языки различаются по их «ассоциативно-образным представлениям, обычно называемым в науке о языке *внутренней формой слова*» [9: 44].

Вопрос о соотношении внутренней формы и образа в семантической структуре ФЕ привлекает внимание многих ученых и решается в лингвистической литературе неоднозначно. Соотношение образной основы и внутренней формы фразеологических единиц исследовано еще недостаточно.

«Внутренняя форма — это мотивирующая образность языковой единицы, основанная на деривационных связях ее значения со значением прототипа» [5:149]. Традиционно развивается живая внутренняя форма, т. е. та, которая осознается на современном этапе развития языка, и мертвая (или стертая) внутренняя форма, которая характеризуется отсутствием семантической связи между фразеологическим значением и значением прототипа. Этимологические экскурсы устанавливают внутреннюю форму, т. е. неизвестную этимологию.

Под мотивированностью фразеологического значения понимается синхронная связь с семантикой прототипа.

Активным средством создания фразеологических единиц выступают такие стилистические средства, как, например, метафора, переосмысление «на основе сходства или аналогии признаков в понятийном отражении обозначаемого объекта и в сигнификате переосмысляемого слова. Метафора есть результат слияния двух мыслей о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного единственного слова или выражения, и значение как раз и есть результат этого взаимодействия. Механизм метафоры заключается в том, что к обозначаемому метафорическим выражением прилагается система принятых в языковом коллективе ассоциаций, связанных с обозначающим прототипом.

Следующее высказывание с метафорической ФЕ *it alan sanaja dındermek* (букв. превратить в мешок, разодранный собакой) означает (исколошматить, избить человека, обругать). Значение данной единицы передается в Словаре фразеологических единиц туркменского языка с помощью таких же образных фразеологических единиц как *dъэт-тъэт etmek* (букв. превратить в ключья); *al petinden almak* (букв. обругать, разнести в пух и прах). Например,

Dıwletmyrat hem olarym hiz birinim gykylygyna gulak asman, Batoryr it alan sanaja dınderdi (Berdi Kerbabaew). *He posлушав никого, Довлетмырат исколошматил Батыра.*

Образ мешка, разодранного собакой, создающий ФЕ *it alan sanaja dındermek*, вызывает эмосему предосуждения того, кто превратил человека в мешок, разодранный собакой, т. е. избил до полусмерти.

Значение ФЕ *it alan sanaja dındermek* можно интерпретировать следующим образом: можно сказать, что не избил, а превратил в мешок, разодранный собакой. Подобное сопоставление двух картин из реальной жизни ведет к семантической основе эмоционального напряжения. Отмечаются различные виды метафоры, основанные на сходстве между предметами, явлениями или понятиями, передающими разные связи:

а) перенос по сходству внешней формы: *nas etmek* (букв. превратить в насыпь) стереть в порошок. Например,

— *Hany, indi tama bir maэ berim, kđdili kellđni nas edezin.* (Berdi Kerbabaew) *Теперь, разрешите-ка мне, сотру в порошок эту глупую голову.*

В этом примере образ, описываемый ФЕ, строится на сходстве с формой. Яркая образность ФЕ, живая внутренняя форма мотивирует значе-

ние, выражаемое фразеологической единицей.

б) перенос по сходству состояния: *dicinin kirini azmazlyk* (букв. не снять налет с зубов) — ничего не есть, голодный — *duz-tagam datmazlyk, az gezmek*. Например,

Dicinin kirini azman, irden ice gidədn brigadir giz ageam cəyne gelərdi. (Н. Гарабазев) Уйдя рано утром голодным на работу, бригадир возвращался поздно вечером.

в) перенос по сходству признака — *izimde it uwlaəar* (букв. в животе собака скулит) — голодный, сходство признака урчания в желудке — скулит собака; — *gaty ajuymak, ajuypurnukmak* — очень проголодаться, сосать под ложечкой. ФЕ *izim eljuk diətek* тоже перенос по сходству признака (букв. живот сказал «элжук») — поголодаться, в животе урчит и т. д.

Виды подобного сходства, лежащие в основе метафоры, весьма разнообразны и порой трудноопределимы.

в) перенос по сходству цвета: *guk dalak etmek* (букв. превратить в тёмно-синий цвет селезенки)», «избить до полусмерти». Например,

Agzuna azrak col zhrimardan degse, ndme edip, ndme goəanypu bilenok. Cten ageam toədan lyl-gamtar bolup geldi, bigənd gelni urup, tenini guk dalak etdi.

Он не знает, что творит, если у него хмель. Позавчера, после свадьбы он пришел пьяный, еле держался на ногах и избил до полусмерти свою невинную жену.

Следующим способом создания образности является метонимия. Метонимическое переосмысление заключается в переносе значения, основанного не на сходстве, как в метафорическом переосмыслении, а на смежности двух предметов, явлений и понятий.

В анализируемом материале встречаются фразеологические метонимии, их удельный вес меньше, чем метафорический перенос. В туркменском языке большинство метонимических переносов построены по ассоциативной цепочке «название конкретного органа перенесено на название общего т. е. человека». Это такие ФЕ, как: *dicini damaguna ihermek* (букв. отправить зубы в горло), означает 'избить'; *bagrupu əere bermek* (букв. отдать печень земле) — быть безнадежно больным; *əagrupnysupu guzdurmak* (букв. согреть спину кому-либо) — избить кого-либо сильно и т. д.

В трудах О. Назарова и Г. Ачыловой упоминается об особенностях

ФЕ туркменского языка, где образность большинства фразеологических единиц основана на соматической лексике [7; 2].

Сравнение также рассматривается как способ создания образности, которая основана на сопоставлении «двух картин». Туркменские ФЕ, образованные при помощи сравнения: ФЕ, основанные на сравнении, — уподобление одного состояния другому: такие, как: *elinden zekilen zaly* (букв. *будто потянули за руки*) — *выздороветь*; *serpmeden gaždan zaly* (букв. *как с крыши упал*) — *потерять сознание*; *imte žiwđan it zaly* (букв. *как собака проглотившая иголку*) — *очень худой* и т. д.

Образы в сравнительной части анализируемых туркменских ФЕ говорят «о лингвокреативном мышлении, порождающем ассоциативно-образные приемы смысло-преобразования». Лингвокреативное мышление — это социологизированная речемыслительная деятельность, связанная с языковым узусом, с пространством лексического и грамматического каркаса языка, а также со способностью субъекта к этой деятельности, т. е. «мыслить на данном языке как тезаурусе культуры данного народа в ее национальной самобытности» [9: 102].

Сопоставление способов создания образности в анализируемых языках показывает, что каждый язык выбирает объекты из сферы своих традиций, обычаев, быта и т. д., т. е. здесь играет огромную роль экстралингвистический фактор.

II. Критерий компонентного состава играет значительную роль при формировании эмотивно-оценочной семы. Лексемы в составе ФЕ, имеющие определенную узуальную эмосему, непосредственно передают ее ФЕ в коннотативный аспект фразеологического значения.

В туркменском языке ФЕ *dyňeđ tōzeden inen zaly bolmak* (букв. *как будто заново родился*) имеет лексическую единицу с положительной семой «*tōzeden — заново*», которая также передает всей ФЕ свой положительный эмоциональный заряд. Пример: *Men omat dynz alyp, dyňeđ tōzeden inen zaly boldum. После отдыха я как будто заново родился.*

Фразеологическая единица *kyrk emjek* (букв. «*сорок сосков*») имеет в своем составе стилистически сниженную лексему, поэтому данная ФЕ воспринимается как грубая. Например, *Bu bir tьes kyrk emjek ahury. (H. Deržazew). По нему же видно, что он настоящий плут.*

Положительная или отрицательная эмотивно-оценочная сема компонентов — лексем фразеологизма, как правило, влечет за собой наличие положительной или отрицательной эмосемы в значении всего ФЕ.

Как и при формировании эмотивно-оценочной семы, критерий компонентного состава играет большую роль и в формировании экспрессивности фразеологизмов. Слова, имеющие сему интенсивности, не теряют ее в составе фразеологической единицы. Сема интенсивности, свойственная лексической единице, передается всей фразеологической единице.

В туркменской ФЕ *dim gukden gelmek* (букв. «свалиться прямо с самой верхушки неба») сильно взволноваться, лексема «дин» (прямо самая верхушка) указывает на наличие семы интенсивности проявления состояния взволнованности. Например, *Olar benim bu suzume dim gukden geldiler, enem-atam bilen gyyrmleestegi karar etdiler* (O. Gadamow). После моих слов они очень заволновались и решили поговорить с моими родителями.

Компонентный критерий учитывает стилеобразующие возможности в составе ФЕ. Вхождение функционально маркированного компонента в состав ФЕ влияет на маркированность всей единицы. Данный компонент является семантическим центром, определяющим функционально-стилистическую принадлежность ФЕ.

Фразеологическая единица туркменского языка *tumcygyna kakmak* (букв. «дать по морде») имеет компонентом сниженную лексическую единицу *tumcyk* (морда) и переводится как *избить, расквасить нос*. Естественно такую ФЕ невозможно использовать в официальной сфере общения. Например,

Bez dip gaty gidibersem, senimem tumcygyna kakarlar. Будешь так себя вести, и тебе морду набьют.

Приведенные примеры показывают, что если книжное слово, архаизм, древнее название, имя или образованное от него прилагательное входят в компонентный состав ФЕ, то это свидетельствует о литературно-книжном характере фразеологизма. Если же в составе ФЕ присутствует разговорный компонент, сленг, жаргоны, слово-соматизм, название животного или растения, бытовое слово, то данная ФЕ может быть причислена к разговорной фразеологии. Компонентный критерий не носит абсолютного характера. Не всегда стилистически маркированная лексема обуславливает соответствующую стилистическую маркированность ФЕ.

III. Семантический критерий формирования коннотативного аспекта фразеологического значения является самым важным показателем эмо-

тивно-оценочной значимости фразеологизма. Семантика переменных прототипов фразеологической единицы является источником создания отрицательной и положительной эмоциональной оценки у фразеологической единицы.

Туркменская фразеологическая единица *затуну кактак* (букв. «вытряхивать пыль из кого-либо») означает *избить, исколошматить*. Семантический прототип указывает на энергичное встряхивание, т. е. действие, похожее на процесс избияния. По аналогии с действием и возникла эмотивно-насыщенная ФЕ. Например, *Ol ele dbeen bolsa, onut zatunuy mazaly edip kakandyrlar. Если он попался, то наверняка, его исколошматили*.

Шутливое отношение к человеку маленького роста и с брюшком, заложенное в образе ФЕ *азаклы гарпуз* (букв. *арбуз с ногами*), кладется в основу создания эмосемы шутливости.

Можно отметить, что семантический критерий действует в подавляющем большинстве случаев для формирования эмотивности фразеологических единиц.

Семантический критерий является самым существенным для формирования экспрессивности фразеологизмов. Яркая образность, эмоционально-насыщенный прототип создает большинство экспрессивных единиц во фразеологии.

В большинстве случаев яркая образность создается нереальностью ситуации, внутренним семантическим контрастом, лежащим в основе фразеологической номинации. Фразеологическая единица туркменского языка *ziligini sormak* (букв. *высосать костный мозг*) означает *издеваться над человеком*, и основана на ярком образе, отличающемся неестественностью ассоциативного сочетания.

В данной статье мы рассмотрели образность фразеологических единиц как основу компонентов фразеологического значения. Выяснили, что образная основа фразеологической единицы является источником создания эмотивно-оценочного, экспрессивного, функционально-стилистического компонента коннотативного аспекта фразеологического значения.

Литература:

1. Авалиани, Ю. Ю. К семантической структуре и контекстуальным связям фразеологических единицы в разносистемных языках // Вопросы

- фразеологии романских и германских языков. — Самарканд, 1981. — С. 140–147.
2. Ачылова, Г. Хэзирки заман дилинде айыргычлы сез дузумлери. — Ашгабат, 1977. — 85 с.
  3. Бабаев, К. Дилин образлы серишделери. — Ашгабат, 1983. — 110 с.
  4. Коралова, А. Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1975. — 172 с.
  5. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1986. — 336 с.
  6. Мезенин, С. М. Образность как лингвистическая категория. — М., 1983.
  7. Назаров, О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1973. — 24 с.
  8. Прошин, А. В. О выделении стилистического значения в качестве самостоятельной лингвистической категории // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. — Рязань, 1973. — Вып. 1. — Ч. 1. — С. 73–100.
  9. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986. — 143 с.

Сведения об авторах

АБЖАПАРОВА Майя Даулетовна

младший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск); E-mail: abzharovamd@mail.ru

АЛБОТОВА Фатима Руслановна

студентка 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет; E-mail: albotovafati2014@gmail.com

БАЙЫР-ООЛ Азияна Витальевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск); E-mail: azikoa@mail.ru

БАРАТОВ Данияр Абдулкасымович

научный сотрудник, Национальный исторический музей Кыргызской Республики (Кыргызстан, Бишкек); E-mail: baratov-daniyar@mail.ru

БЕКДЖАЕВ Тагандурды Бекджаевич

старший преподаватель, Туркменский государственный университет имени Магтымгулы (Туркменистан, Ашхабад), факультет туркменской филологии, кафедра туркменского языка; E-mail: taganbekje@gmail.com

ВЕРХОВА Ксения Александровна

аспирант, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета; E-mail: xeni96muse@mail.ru

ВЕРШИННИНА Мария Валентиновна

магистрант 2 курса, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета; E-mail: vershinina-marija@lenta.ru

ВИНОГРАДОВА Дарья Юрьевна

студентка 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет; E-mail: daryvin1999@gmail.com

ГАДЖИЕВА Айгун Байрамовна

студентка 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет; st068758@student.spbu.ru

ГУСЕЙНОВ Гарун-Рашид Абдул-Кадырович

доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет (Махачкала), филологический факультет, кафедра русского языка; E-mail: dgu@dgu.ru

ДЕРКАЧЁВА Мария Олеговна

студентка 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет; E-mail: st088224@student.spbu.ru

ДУБРОВИНА Маргарита Эмильевна

кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, кафедра тюркской филологии; E-mail: maggydu@gambler.ru

ЖЕВЕЛЕВА Александра Владимировна

кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, кафедра истории стран Ближнего Востока; E-mail: zheveleva@gmail.com

ЗАКИРЗЯНОВА Гульфина Загфаровна

аспирант, Казанский федеральный (Приволжский) университет; E-mail: gulfina@yandex.ru

КАМАЛОВА Шахназ Новруз кызы

исследователь (Санкт-Петербург); E-mail: shahnazkamal@gmail.com

КИРИЛЛОВА Зоя Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский федеральный университет, кафедра общего языкознания и тюркологии; E-mail: zkirillova@yandex.ru

КЛИМИНА Екатерина Алексеевна

студентка 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, кафедра тюркской филологии; E-mail: kattiakl58@gmail.com, st069577@student.spbu.ru

КОЗИНЦЕВ Марк Альвиевич

младший научный сотрудник, Институт восточных рукописей (Азиатский Музей) РАН; E-mail: m.kozintcev@mail.ru

ЛЯМИНА Эвелина Павловна

студентка 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет; E-mail: st088053@student.spbu.ru

МАМБЕТОВА Шохиста Акбарали кизи

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки; E-mail: mshokhista@mail.ru

НАПОЛЬНОВА Елена Марковна

кандидат филологических наук, старший преподаватель, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета; E-mail: elenapolnova142@mail.ru

НУРЫЕВА Огулсапар Атаевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана (Ашхабад); E-mail: enesh1961@gmail.com

ОБРАЗЦОВ Алексей Васильевич

кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, кафедра тюркской филологии; E-mail: 0708ural@mail.ru

ОЗОНОВА Айяна Алексеевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск), сектор языков народов Сибири; E-mail: ajanao@mail.ru

ПОКОЯКОВА Карина Александровна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии; E-mail: karina_p.84@mail.ru

ПОЛАТ Улькю / POLAT Ülkü

Dr. Öğretim Üyesi, Газиантипский университет (Турция), факультет наук и литератур; Email: ulkupolat_@hotmail.com

ПСЯНЧИН Юлай Валиевич

доктор филологических наук, профессор, ученый секретарь, Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан; E-mail: yulayps@yandex.ru

ПЫЛЕВ Алексей Игоревич

кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра тюркской филологии;
E-mail: pylev_aleksey@mail.ru

РЕПЕНКОВА Мария Михайловна

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета; E-mail: mmrepenkova@rambler.ru

САГДЕЕВА Рената Ильмировна

студентка 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, кафедра тюркской филологии;
E-mail: st087157@student.spbu.ru

САХАТОВА Гюльшен Сахатовна

Dr. phil., Assistant Professor, Department of Turkish and Middle Eastern Studies, University of Cyprus (Cyprus, Nicosia);
E-mail: gulshen.sakhatova@ucy.ac.cy

СЕРКИНА Галина Александровна

хранитель восточных ковров и палаток, Государственный Эрмитаж;
E-mail: Turkish_art@hermitage.ru

СОЕГОВ Мурадгелди

доктор филологических наук, профессор, действительный член — академик Академии наук Туркменистана; E-mail: msoyegov@gmail.com

СОКОЛОВА Наталья Александровна

кандидат филологических наук, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, кафедра тюркской филологии; E-mail: Natalya.sokolova@spbu.ru

СОФРОНОВА Лариса Владиславовна

кандидат филологических наук, доцент, Дипломатическая академия МИД России (Москва), кафедра восточных языков;
E-mail: lvs877@gmail.com

СУЛЕЙМАНОВА Алия Сократовна

кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, кафедра тюркской филологии; E-mail: suleymanova2001@mail.ru

ТАЗРАНОВА Алена Робертовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск);
E-mail: atazranova@mail.ru

ТЕЛИЦИН Николай Николаевич

кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет, восточный факультет, кафедра
тюркской филологии; E-mail: n.telitsin@spbu.ru

ТЕРЕЩЕНКО Софья Михайловна

студентка 3 курса, Санкт-Петербургский государственный
университет, восточный факультет, кафедра тюркской
филологии, программа «Османистика»;
Email: sophie.7terre@gmail.com

ТОКАРЕВА Мария Максимовна

студентка 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет,
восточный факультет, кафедра тюркской филологии;
Email: maria.adnan02@mail.ru

ТЮНТЕШЕВА Елена Валерьевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск),
сектор языков народов Сибири;
Email: tyunteshevae@mail.ru

ФОМИН Эдуард Валентинович

кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный
институт культуры и искусств (Чебоксары);
E-mail: yeresen@yandex.ru

ХАЛЛИЕВА Гулноз Искандаровна

доктор филологических наук, профессор Узбекского государственного
университета мировых языков (Ташкент, Узбекистан);
E-mail: gulnoz7410@mail.ru

ХАНА Яфиа Юсиф Джамиль

кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет, восточный факультет, кафедра
арабской филологии;
E-mail: y.khana@spbu.ru

ЧУГУНЕКОВА Алена Николаевна

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова;
E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

ШАГДУРОВА Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск),
сектор языков народов Сибири; Email: kokoshnikova@mail.ru

ШАММАЕВА Нарбибиш Шамурадовна

доктор филологических наук, доцент, Туркменский государственный
педагогический институт им. Сейитназара Сейди;
E-mail: narbibish06@mail.ru

ЮСУПОВ Ислом Илхом угли

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный
университет, восточный факультет

ЯГАФАРОВА Александра Дмитриевна

кандидат филологических наук, ассистент, Санкт-Петербургский
государственный университет, восточный факультет, кафедра
тюркской филологии; E-mail: a.yagafarova@spbu.ru

Санкт-Петербургский центр развития
и поддержки востоковедных исследований

Научное издание

**Актуальные вопросы
тюркологических исследований**

Международная научная конференция
XXXVI Кононовские чтения
Санкт-Петербург

Сборник материалов

Корректор Е. Л. Белкина

Подписано в печать с оригинал-макета 28.02.22.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная.
Объем 18 п.л.
Тираж 200 экз. Заказ 14.